

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

**МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ
КЫРГЫЗСТАНА**

ВЫПУСК 3

Бишкек
«Илим»
2008

М 33

Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 3. – Бишкек: Илим, 2008. – 106 с.: ил.

ISSN 1694-5689

В третьем выпуске продолжающегося научного издания публикуются материалы по археологии Кыргызстана, представляющие новые данные по эпохе камня, ранних кочевников и Средневековью, статьи по нумизматике и архивные документы.

Адресуется археологам, этнологам, историкам и всем интересующимся археологией Кыргызстана.

Редколлегия:

В.А. Кольченко, Ф.Г. Ротт

Рецензенты

канд. ист. наук К.Ш. Табалдиев (Кыргызстан),

канд. ист. наук Е.А. Смагулов (Казахстан),

канд. ист. наук П.Н. Петров (Россия)

ПОИСКИ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ АТ-БАШИНСКОГО РАЙОНА В 2007 ГОДУ

А.К. Абдыканова, К.Ш. Табалдиев, Э.А. Мураталиев, К.К. Акматов*

Ат-Баши / Ак-Сай / стоянка / каменное орудие / палеолит / мезолит / неолит
At-Bashi / Ak-Saj / site / stone tool / Paleolith / Mesolite / late Stone Age

Изучение памятников каменного века Кыргызстана в рамках решения проблемы заселения древним человеком территории Центральной Азии имеет первостепенное значение. Актуальность таких исследований наиболее остро проявляется на фоне открытых и изучаемых палеолитических объектов за последние годы в Баткенской и Иссык-Кульской областях республики.

Одной из основных задач, стоявших перед разведывательной экспедицией, состоявшей в июне 2007 г., было проведение археологических исследований, направленных на поиск и сбор археологического материала с памятников каменного века на территории Ат-Башинского района Нарынской области. В работе экспедиции принимали участие сотрудники и студенты Кыргызско-Турецкого университета «Манас», Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына и Американского университета Центральной Азии.

Первые сведения о находках древних каменных орудий на территории области содержатся в материалах исследований Кыргызской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР и Кир. ФАН СССР 1953 г., в результате которых профессором А.П. Окладниковым на р. Он-Арча были обнаружены каменные орудия нижнепалеолитического облика [Окладников 1954: 54–55].

* *Абдыканова Аида Калыдаевна* – АУЦА. Кыргызстан, Бишкек, abdykanova@mail.ru

Табалдиев Кубатбек Шакиевич – канд. ист. наук, доцент. КТУ «Манас». Кыргызстан, Бишкек, tabaldievk@yahoo.com

Мураталиев Эркин – КНУ им. Ж. Баласагына. Кыргызстан, Бишкек, kasha85@inbox.ru

Акматов Кунболот – КТУ «Манас». Кыргызстан, Бишкек.

Район, охваченный исследованиями 2007 г., уже был известен находками каменных изделий древнего облика: это долина р. Арпа (местность Бурма-Чап¹, Кочкорок-Жар), окрестности восточного побережья оз. Чатыр-Куль (Кёк-Айгыр, пункты 1 и 2) и западная часть долины Ак-Сая (Терек-1). Их изучение осуществлялось в 1963 г. Нарынским отрядом Института геологии АН Кыргызской ССР во главе с Ш.А. Кадыровым и в 1967–1968 гг. палеолитическим отрядом Кыргызской археологической экспедиции под руководством В.А. Ранова [Ранов, Кадыров 1969: 32–35; Ранов, Юнусалиев 1969: 99–101].

В ходе предварительного обследования данной территории в 2007 г. было установлено, что выходы кремнистых пород зеленоватого оттенка, пригодных для изготовления каменных артефактов, расположены в Ак-Сайской долине, в районе хребта Ташеле (координаты: 40° 42' 34,2" с.ш., 75° 56' 53,7" в.д.).

В долине р. Арпа наиболее перспективным районом для находок каменного века были определены окрестности местности Бурма-Чап (координаты: 40° 47' 54,9" с.ш., 74° 45' 95,7" в.д.). Ранее, в 1968 г., В.А. Рановым и М.Б. Юнусалиевым здесь был собран незначительный археологический материал. Находки 2007 г. были зафиксированы на первой и второй террасах р. Арпа. Они представлены обломком среднего размера с негативами сколов и отщепом с ретушью.

Отщеп с ретушью – выполнен на первичном отщепе укороченных пропорций, крупного размера, с гладкой ударной площадкой. Попеременная одинарная ретушь среднего и мелкого размера охватывает левый край изделия, образуя слабоизвилистое лезвие (рис. I. 1).

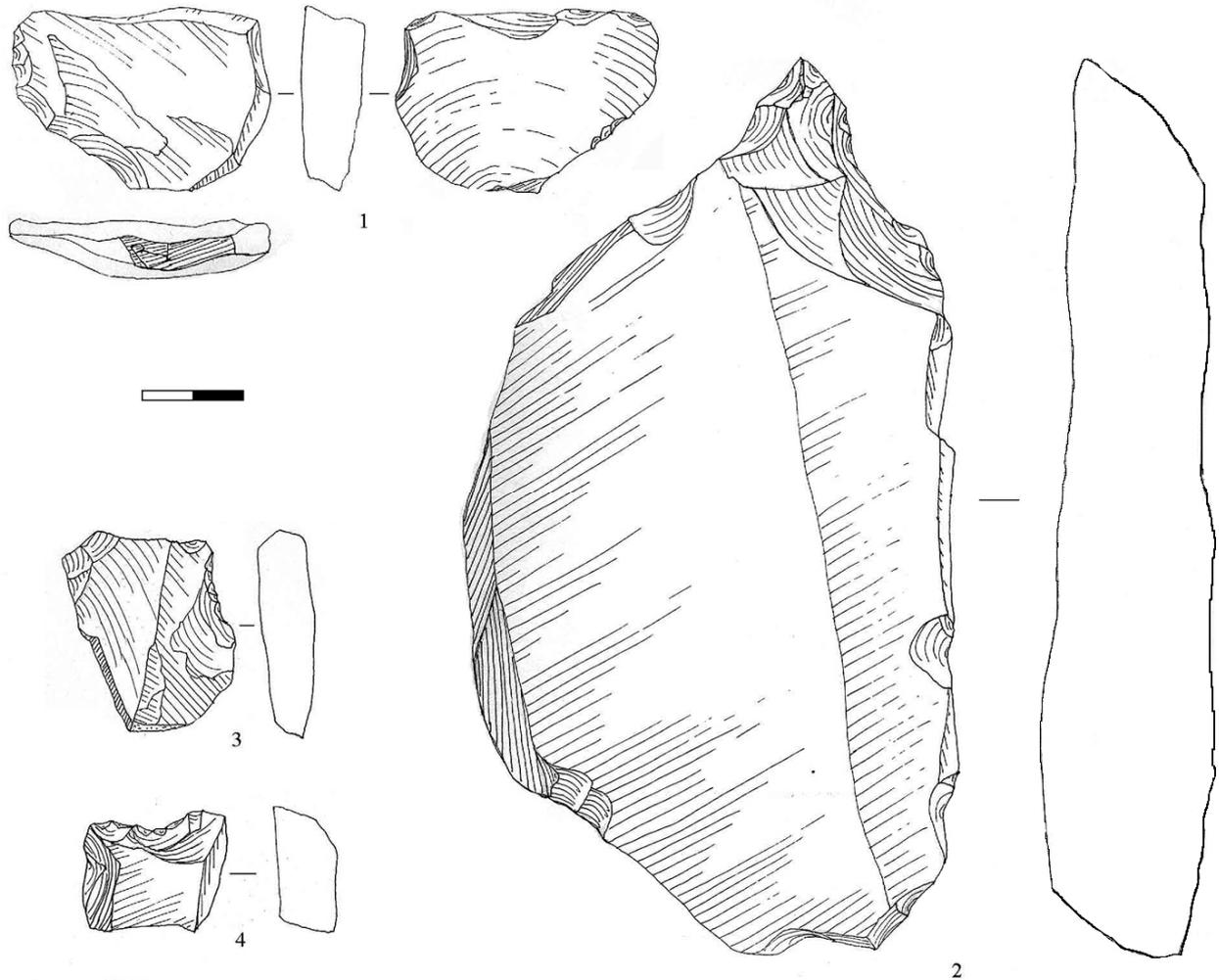

Рис. 1. Артефакты долины р. Арпа.
1 – Бурма-Чап; 2, 3, 4 – Кочкорок-Жар

Местонахождение Кочкорок-Жар (по В.А. Ранову – Кочкор-Аджол) – вытянутая в широтном направлении гряда, к востоку от местности Бурма-Чап. Артефакты в основном были обнаружены в восточной ее части, которая в данное время сильно размыта р. Арпа, и непосредственно в сае (координаты: 40° 45' 98,5" с.ш., 74° 50' 31,4" в.д.).

Нуклевидный обломок – 1 экз. Обломок крупного размера подпрямоугольной формы. На поверхности фиксируются негативы разновременных сколов.

Орудийный набор:

Орудие с «носиком» – 1 экз. Изделие выполнено на массивном плитчатом обломке крупного размера, трапециевидной в плане формы. Рабочий участок выделен вертикальными снятиями мелкого размера, дополнительно оформлен крупными фасетками крутой и вертикальной ретуши (рис. I. 2).

Выемчатые орудия – 2 экз. Изделия представлены на обломках среднего и мелкого

размера. Рабочая часть характеризуется одной выемкой, оформленной однорядной мелкой ретушью (рис. I. 3, 4).

Грот Семетей (координаты: 40° 36' 19,7" с.ш., 75° 03' 69,5" в.д.). Расположен на пути из долины р. Арпа к перевалу Тюз-Бель, с левой стороны автодорожной трассы, на высоте. Найдено два артефакта: фрагмент пластинки и обломок с негативами сколов (рис. V. 2). Обломок обнаружен внизу в сае, фрагмент – непосредственно на предвходовой площадке. Объект весьма перспективен в плане дальнейших археологических исследований.

На восточном побережье оз. Чатыр-Куль, на западных склонах гряды Айгыржал обнаружены артефакты в количестве 29 экз. В качестве сырья в основном использован яшмовидный роговик, встречались орудия из прозрачного серого халцедона, гальки и палевого или желтого кремня (координаты: 40° 41' 97,3" с.ш., 75° 27' 56,3" в.д.).

Орудийный набор:

Проколки – 3 экз. Изделия выполнены на обломках мелкого размера. Характеризуются наличием «жальца», оформленного средними и мелкими фасетками в одном случае чешуйчатой, в остальных однорядной ретушью, образующими также боковое лезвие (рис. II. 1, 2, 3).

Выемчатое орудие – 1 экз. Орудие выполнено на дефлированной уплощенной гальке удлиненной подтреугольной формы, ближе к кончику изделия оформлена рабочая выемка при помощи крупных фасеток ретуши, ниже по этому же краю изделия наблюдается ретушное рабочее лезвие, образованное крупными фасетками плоской и однорядной ретуши (рис. II. 4).

Орудие с «шипом» – 1 экз. Орудие представлено на крупной дефлированной заготовке подтреугольной формы. Рабочий «шип» расположен на одном из концов изделия, оформлен выемчатыми снятиями и крупными фасетками полукруглой ретуши, которая далее образует одностороннее извилистое лезвие (рис. II. 5).

Отщепы с ретушью – 2 экз. Заготовки среднего размера, удлиненных пропорций, с гладкими и неопределенными ударными площадками. Огранка дорсала двухгранная, ретушь продольного края, вентральная, разнофасеточная, чешуйчатая (рис. II. 6, 7).

Обломки с ретушью – 8 экз. Обломки среднего и мелкого размера, ретушная отдел-

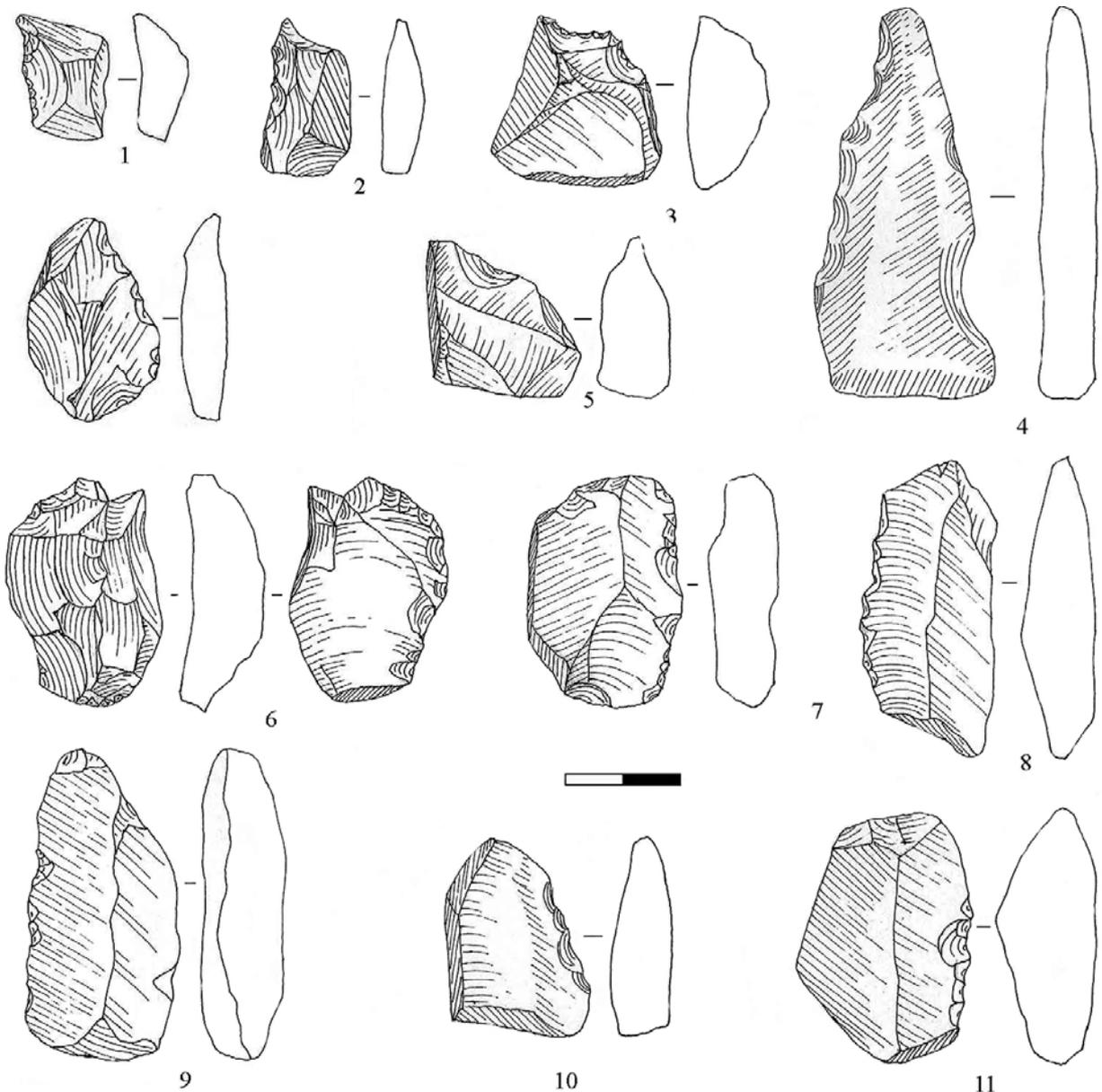

Рис. II. Артефакты.
Гряда Айгыржал

ка в большинстве случаев протяженная, в основном крупнофасеточная, плоская, полукрутая и одинарная (рис. II. 7–11).

В русле р. Кёк-Айгыр также были обнаружены каменные артефакты, смытые с гряды Айгыржал (координаты: 40° 41' 84,3" с.ш., 75° 28' 11,3" в.д.)

Орудийный набор:

Скребло одинарное – 1 экз. Заготовка дефлированная, крупного размера, коротких пропорций, ударная площадка гладкая. Нить протяженного извилистого лезвия охватывает одну из граней дистальной части заготовки, оформлена разнофасеточной чешуйчатой попеременной и полукрутой ретушью (рис. III. 1).

Орудие с «шипом» – 1 экз. Орудие выполнено на дефлированном обломке среднего

размера, подтреугольной формы в плане. Рабочий участок на одном из концов изделия оформлен при помощи фасеток крупной полукрутой одинарной ретуши (рис. III. 2).

Перфоратор – 1 экз. В качестве заготовки использован уплощенный обломок крупного размера. Выступающий на значительное расстояние рабочий кончик изделия оформлен при помощи крупных фасеток плоской ретуши (рис. III. 3).

Зубчато-выемчатое орудие – 1 экз. Орудие представлено на дефлированном отщепе среднего размера, с неопределимой ударной площадкой, коротких пропорций. Нить лезвия охватывает почти весь периметр орудия, за исключением утолщенной части. Ретушь разнофасеточная крутая, вертикальная, выемки

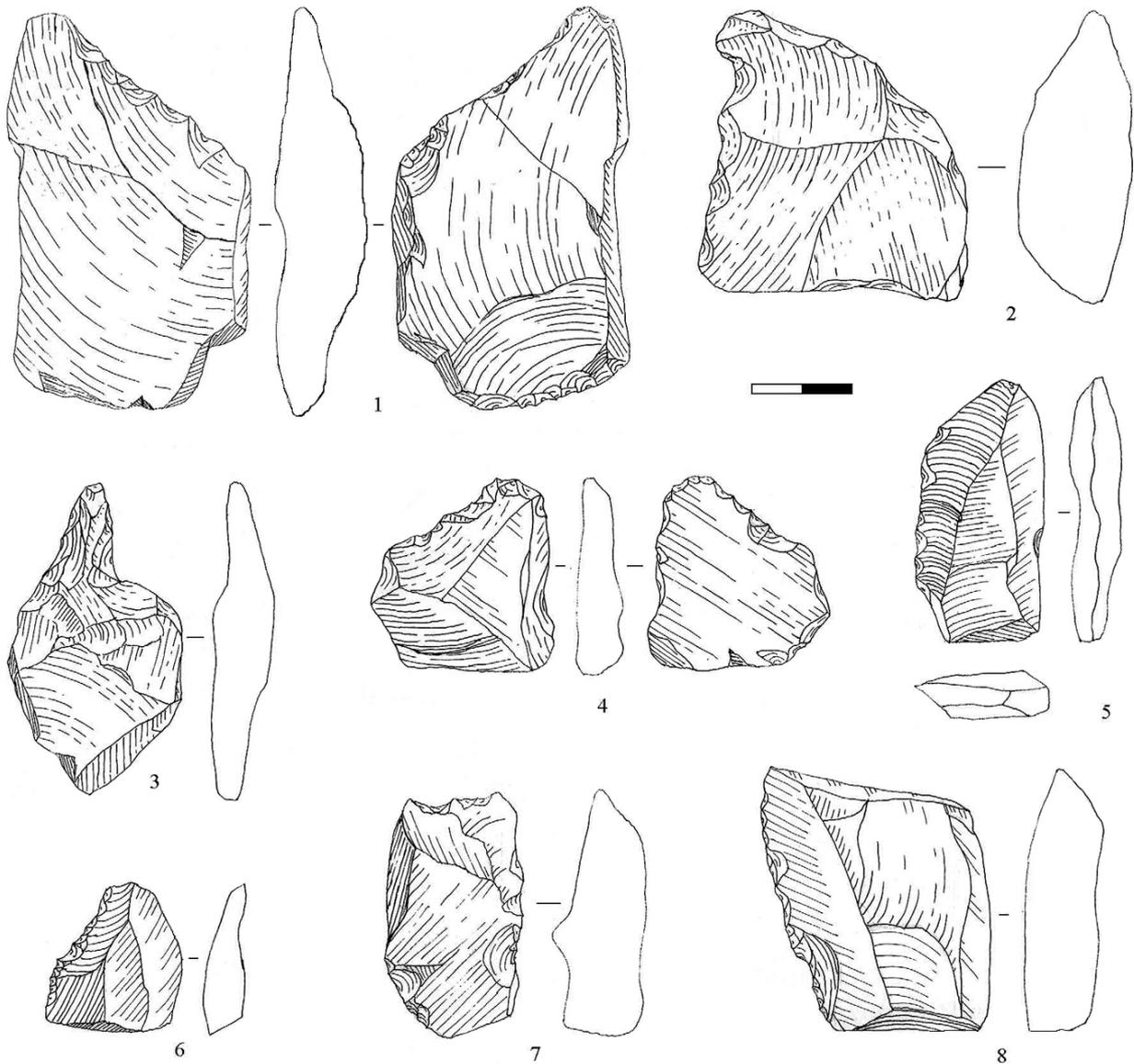

Рис. III. Артефакты.
Русло р. Кёк-Айгыр

оформлены серией ретуши, одна из них, недефлированная, оформлена с ветральной стороны (рис. III. 4).

Отщепы с ретушью – 2 экз. Заготовки крупного и мелкого размера, ударная площадка гладкая в первом случае, неопределимая – во втором, обе заготовки удлиненных пропорций. Отщеп крупных размеров дефлирован, нить рабочего лезвия расположена на левом крае, ретушь крупная и средняя, полукрутая, однорядная. У второго орудия рабочее лезвие расположено также на левом боковом крае, оформлено с помощью чешуйчатой мелкой и однорядной ретуши (рис. III. 5, 6).

Обломки с ретушью – 8 экз. Заготовки крупного (3 экз.) и среднего (5 экз.) размера. Большинство заготовок дефлированные (6 экз.). Ретушная отделка варьируется от крупной, глубокой, чешуйчатой, крутой, полукрутой, охватывающей почти весь боковой край изделия, до мелкой, однорядной, плоской, занимающей небольшой участок (рис. III. 7, 8).

На территории Ак-Сайской долины, по левому борту р. Терек, обнаружены и зафиксированы следующие местонахождения:

Терек-2 (координаты: 40° 49' 62,9" с.ш., 75° 55' 72,4" в.д.), местность Ажап-Сарайы. Именно здесь обнаружены призматические

нуклеусы, отщепы и массивные обломки кремня со следами обработки, всего 12 экз.

Нуклеусы призматические – 2 экз.

Оба изделия подпрямоугольные в плане, двухплощадочные. Первое изделие изготовлено из темно-зеленого кремня. Ударная площадка гладкая, оформлена одним сколом, скошена к контрфронт. С фронтальной плоскости реализовались заготовки – отщепы среднего и мелкого размера под углом 40–45°. Негативы сколов большей частью заломанные. Скалывание проводилось по полукругу. Контрфронт вогнутый. В качестве сырья для второго изделия использован кремень темно-синего оттенка. Ударные площадки сильно скошены к контрфронт, одна гладкая, оформлена одним сколом, вторая несет негативы мелких сколов. Фронтальная плоскость представлена микропластинчатыми снятиями. Контрфронт не оформлен. Скалывание охватывает 1/5 периметра заготовки (рис. IV. 1, 2).

Терек-3 (координаты: 40° 41' 12,8" с.ш., 75° 55' 67,7" в.д.)

Индустрия сколов:

Сколы представлены отщепами (5 экз.), два из них в виде фрагментов. Ударные площадки у целых экземпляров гладкие, два коротких и один удлиненных пропорций.

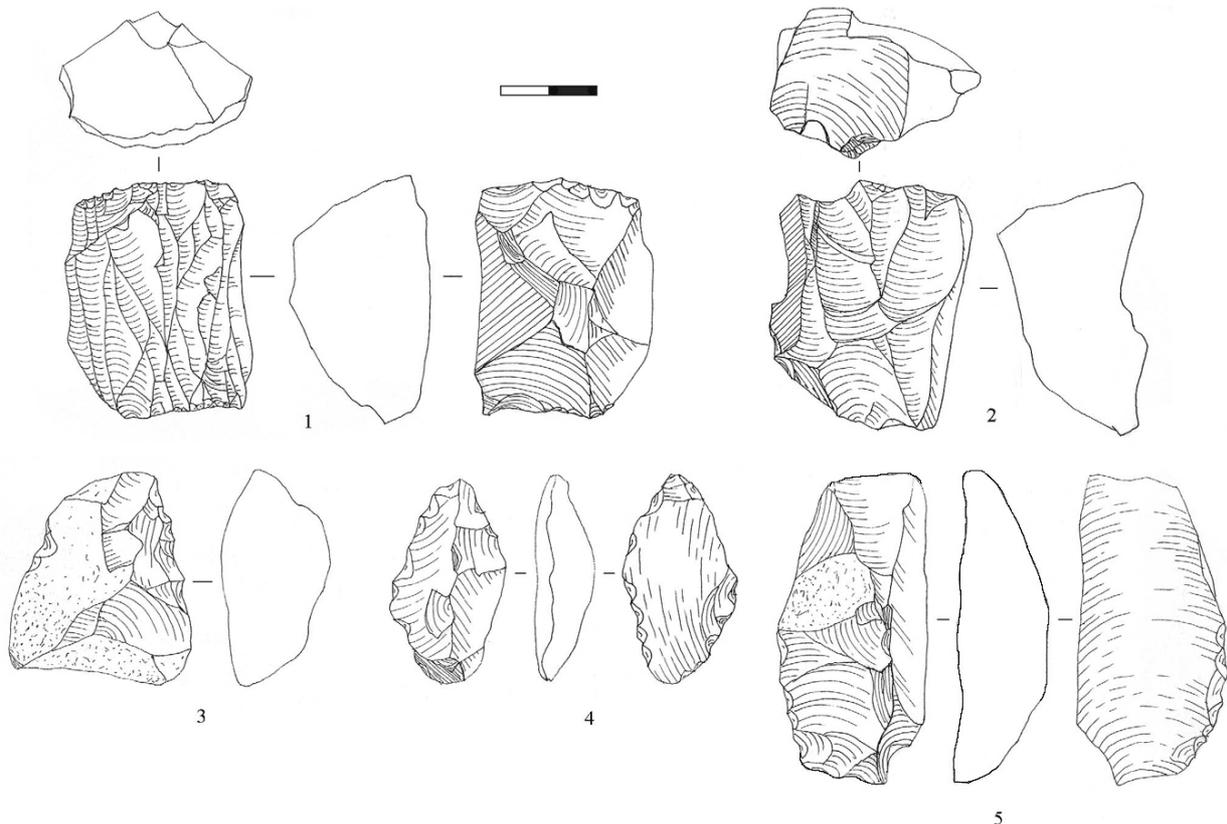

Рис. IV. Артефакты. 1, 2 – Терек-2; 3 – Терек-3; 4, 5 – Терек-5

Орудийный набор:

Скреблышко – 1 экз. Орудие организовано на подтреугольном в плане и профиле обломке среднего размера. Одна из граней представляет собой скребловидное лезвие, оформленное крупными фасетками чешуйчатой ретуши. Противоположная сторона характеризуется выемкой – анкошем. Кончик орудия дополнительно обработан уплощающими рабочую кромку двусторонними снятиями мелкого размера (рис. IV. 3).

Отщеп с ретушью – 1 экз. Заготовка среднего размера, коротких пропорций, ударная площадка гладкая. Ретушная отделка незначительная, мелкая, краевая (рис. V. 1).

Терек-5 (координаты: 40° 42' 34,2" с.ш., 75° 56' 53,7" в.д.)

Местонахождение расположено на выходах сырья в виде кремня зеленоватого оттен-

ка, на надпойменной террасе по левому берегу р. Терек.

Орудийный набор:

Скол с ретушью – 1 экз. В качестве заготовки для орудия использован технический скол, продольно-краевой, крупного размера, ударная площадка сломана. Ретушь крупная, вентральная, охватывает дистальную часть правого края (рис. IV. 5).

Выемчатое орудие – 1 экз. Орудие выполнено на техническом сколе с неопределимой ударной площадкой. Скол продольный, дефлированный. Рабочая выемка, оформленная крутым снятием мелкого размера, расположена в проксимальной части левого края. Наблюдается дополнительное оформление мелкой однорядной ретушью, которая продолжает нить лезвия только с вентральной стороны (рис. IV. 4).

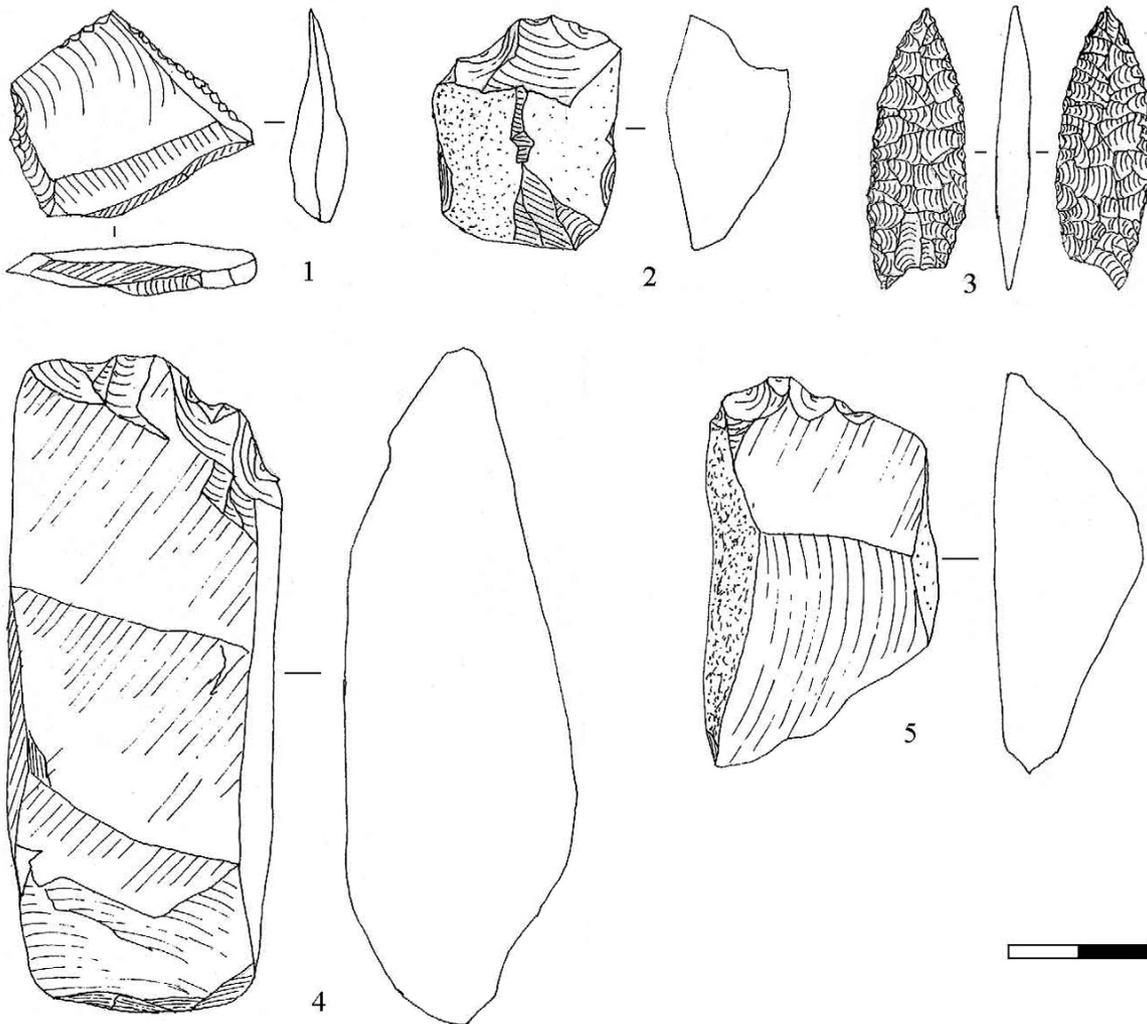

Рис. V. Артефакты.
1 – Терек-3; 2 – грот Семетей; 3 – район Торугарта; 4, 5 – Сары-Имек

Местонахождение Сары-Имек расположено неподалеку от автодорожной трассы, в западном направлении от нее, на правой пойменной террасе одноименной реки. Вероятнее всего, объект представляет собой остатки сильно размытой стоянки, ранее указанной В.А. Рановым [Ранов, Юнусалиев 1969: 100]. Обнаружено три артефакта: два обломка с ретушью и скребло одинарное.

Обломки крупного и среднего размера. Ретушь полукрутая, средняя, одинарная.

Скребло одинарное – 1 экз. Орудие выполнено на бруске яшмовидного роговика, продолговатой и подпрямоугольной формы. Рабочее лезвие короткое, сильно извилистое, оформлено при помощи глубокой полукрутой разнофасеточной ретуши (рис. V. 3).

Таким образом, в результате наших исследований были осмотрены местонахождения каменных орудий, обнаруженные предшествующими исследованиями, а также открыт ряд новых пунктов, в том числе и пещерных (гроты Семетей, Ичке).

Собран своеобразный материал, расширяющий наши представления не только об обнаруженных памятниках, но и обо всей древнейшей истории Ат-Башинского района и Кыргызстана в целом.

Можно заключить, что на территории Ат-Башинского района, несомненно, присутствуют следы древнего человека, причем не только эпохи неолита и мезолита, но, возможно, верхнего и среднего палеолита.

Очень интересны находки, представленные дефлированными отщепами с Кёк-Айгыра, массивным орудием с «носиком», обнаруженные в долине р. Арпа, в местности Кочкорок-Жар, а также галечное орудие с Жоон-Арыка, которые в совокупности можно предположительно отнести к эпохе палеолита.

Призматические нуклеусы и массивные обломки со следами обработки с местонахождения Терек-2, напоминающие «струги», можно условно отнести к мезолитическому и неолитическому времени. Исходя из результатов наших исследований можно сделать вы-

вод, что высказанное ранее предположение В.А. Ранова и М.Б. Юнусалиева о заселении данной местности носителями своеобразной «ак-сайской» культуры, имеющей безусловное сходство с маркансуйской культурой Памира, несмотря на преобладание орудий на отщепках, представляется правомерным и не лишено оснований [Юнусалиев 1979: 14–15].

Основным источником сырья, судя по находкам каменных орудий и отдельных кусков породы (яшмовидный роговик, кремьен зеленоватого и темно-синего оттенков) в долине р. Арпа и на восточном побережье Чатыр-Куля, была долина р. Аксай, в частности район хребта Ташеле. Особенно примечательна локализация каменных артефактов на юго-западных склонах гряды Айгыржал на восточном побережье оз. Чатыр-Куль (была обследована и остальная часть гряды, но артефакты не обнаружены), что позволяет наметить миграционные пути древних популяций из долины р. Аксай к восточному побережью Чатыр-Куля и далее вдоль южного побережья через перевал Тюз-Бель в долину р. Арпа. Находки каменных орудий в районе Торугарта и фиксация грота Семетей непосредственно за перевалом Тюз-Бель подтверждают данное предположение [Бернштам 1952: 21]. Наряду с известными частично опубликованными Юнусалиевым и Таймагамбетовым находками комплекса Кумторских местонахождений, и уже выделенным в Таш-Кумыре начальным этапом обиширской мезолитической культуры, находки в Ат-Башинском районе позволяют предполагать существование локального или локальных вариантов каменного века «высокогорной Азии» в пределах Кыргызстана.

Проведенные исследования в очередной раз выявили многообразие археологических объектов на территории Ат-Башинского района, многие из которых необходимо изучать в дальнейшем в стационарных условиях.

Примечание

1. Местные жители называют местность Бурма-Чап. Ранее у В.А. Ранова она названа Бурана-Чап.

Abstract

SEARCHING FOR SITES OF STONE AGE PERIOD ON AT-BASHI REGION IN 2007

A.K. Abdykanova, K.Sh. Tabaldiev, E.A. Murataliev, K.K. Akmatov

The article is devoted to questions of investigation archaeological monuments, dating of from Paleolithic epoch to Late Stone Age. The author given the description and the preliminary analysis of stone tools, found 2007 year in open-sites in At-Bashi region.

Литература

Бернштам 1952 – *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.; Л., 1952. – (МИА, №26).

Окладников 1954 – *Окладников А.П.* Работы Киргизской комплексной археологической экспедиции в 1953 году // СЭ. – 1954. – № 2.

Ранов, Юнусалиев 1969 – *Ранов В.А., Юнусалиев М.Б.* Итоги разведочных работ палеолитического отряда // Изв. АН КиргССР. – 1969. – №3.

Ранов, Кадыров 1969 – *Ранов В.А., Кадыров Ш.А.* Находки каменного века у озера Чатыр-Куль. – Изв. АН ТаджССР. – 1969. – №1 (55).

Юнусалиев 1979 – *Юнусалиев М.Б.* Каменный век Киргизии. – Фрунзе, 1979.

ПЕТРОГЛИФЫ ОРНОКА

К.Т. Акматов*

Иссык-Кульская котловина, с. Орнок / петроглифы / различные периоды
Issyk-Kul hollow, Ornok v. / petroglyphs / different periods

Северное Прииссыккулье – одно из тех мест, где сконцентрированы крупные скопления петроглифов. Они разбросаны в горной и предгорной частях Кунгей Ала-Тоо и тянутся с запада на восток от Боомского ущелья до перевала Сан-Таш. Основная масса наскальных рисунков сосредоточена между городами Балыкчы и Чолпон-Ата в местностях Тору-Айгыр, Чырпыкты, Тамчы, Чоктал, Орнок, Сары-Ой и Кара-Ой [Винник, Помаскина 1975: 96; Плоских, Интернет]. Скопления наскальных рисунков переходят из одного в другое, составляя, по сути, единый комплекс.

Изучение наскальных рисунков Прииссыккулья началось в конце XIX столетия. Одним из первых о них, а именно о наскальных изображениях в районе Чок-Тала и Чолпон-Аты, сообщает В.В. Бартольд [Бартольд 1996: 417].

Исследования активизировались в середине XX века. В 1950 г. Н.Д. Черкасов в предгорьях Кунгей Ала-Тоо обнаружил огромное количество наскальных изображений между населенными пунктами Чок-Тал и Курымды. В 1953–1955 гг. он провел обследование петроглифов в Иссык-Кульской и Тянь-Шаньской областях [Зима 1958: 111; ЮНЕСКО, Интернет].

В 1970 г. наскальные рисунки Иссык-Куля исследует А.Н. Марьяшев [Tashbaeva & other 2001: 6–10; ЮНЕСКО, Интернет].

В начале 70-х годов прошлого века археологические памятники Прииссыккулья, в том числе и наскальные рисунки, изучают Д.Ф. Винник и Г.А. Помаскина. Они выделяют ряд крупных скоплений петроглифов между селениями Тамчи и Чолпон-Ата и высказывают мнение о взаимосвязи петроглифов и расположенных поблизости погребальных сооружений. Самые ранние петроглифы ими отнесены, исходя из датировки исследованных здесь курганов, к сако-усуньскому времени, а наиболее поздние – к древне-

тюркскому периоду [Винник, Помаскина 1975: 87–102].

В 1988 и 1995 гг. петроглифы Прииссыккулья исследует Е.А. Миклашевич. По предложенной ею схеме петроглифы Прииссыккулья распределяются по пяти хронологическим группам: 1 – эпоха бронзы, 2 – эпоха поздней бронзы и переход к железу, 3 – сакская эпоха, 4 – усуньская эпоха, 5 – Средневековье [Миклашевич 1995: 63–68].

В 2001 г. в рамках специального проекта ЮНЕСКО под руководством К.И. Ташбаевой проводилось документирование наскальных изображений Иссык-Куля, в частности петроглифов Орнока; публикации с результатами этой работы нам не известны.

Об определенной усвоенности специалистами петроглифов Иссык-Куля свидетельствует их включение в специальные монографические публикации [Шер 1980: 103; Tashbaeva & other 2001], но объем приводимых сведений указывает на недостаточность детальной информации. Исходя из этого, в 2006–2007 гг. нами была обследована одна из групп североиссыккульских петроглифов – в окрестностях села Орнок – и скопирована часть из них. Предварительным результатам данной работы посвящена настоящая статья.

В окрестностях с. Орнок расположено одно из крупных скоплений петроглифов в Северном Прииссыккулье. Здесь насчитывается свыше 1000 камней с древними изображениями. Наибольшее количество петроглифов расположено вблизи северо-восточной и северо-западной окраин с. Орнок и тянется с юга на север вплоть до подножья гор. К большому сожалению, при строительстве автодороги Чолпон-Ата – Алматы, которая проходит через зону расположения петроглифов, часть из них была сдвинута с первоначального места, а некоторое количество и вовсе утеряно.

Орнокские петроглифы выполнялись методами сплошной выбивки и точечной техники. В большинстве случаев изображения рас-

* Акматов Кунболот Токтосунович – КТУ «Манас». Кыргызстан, г. Бишкек, kunbolot@rambler.ru

положены на солнечной стороне валунов, покрытой темной, почти черной патиной. Исключение составляют большие рисунки козлов, архаров и оленей на широких плоскостях со светлой тонировкой камня. Большинство рисунков выполнено на округлых гранитных камнях, что не позволяет передать все мелкие детали рисунков с одной стороны, и плохо сохраняет запечатленные на них образы – с другой. Несмотря на это, преобладающая часть рисунков хорошо различается.

Сюжет петроглифов разнообразен. Встречаются изображения людей, животных (козлы, архары, олени, лошади, верблюды, быки, собаки), соляных знаков и в виде оград. Имеются сцены охоты, сражения и близкой связи между человеком и животным (козлом). Рисунки как одиночные, так и многофигурные. Часто встречаются изображения, нанесенные поверх других – палимпсесты.

Ниже рассмотрим наиболее яркие рисунки и сцены в петроглифах Орнока и попытаемся найти аналогии в других петроглифических комплексах. Приведенное ниже группирование рисунков является предварительным и условным.

Антропоморфные изображения здесь малочисленны, но отличаются выразительностью. Встречаются как одиночные, так и групповые рисунки людей. Некоторые из них по выделенным половым признакам атрибутируются как мужские изображения (рис. I. 1). Часть рисунков воинов и охотников имеет длинные, прямые линии между ног, вероятно передающие детали воинского снаряжения (рис. I. 2–5). Часто встречаются изображения, где пешие и конные охотники, вооруженные луками, охотятся на козлов, архаров и оленей.

Особого внимания заслуживают изображения пятерых воинов (четверых больших и одного маленького), держащих мечи (рис. I. 2). Головные уборы, одежда (короткий кафтан) и поза воинов одинаковые. Имеются прямые линии между ног. Воины стоят как бы в процессе вытягивания меча из ножен. Изображения воинов переданы с большой выразительностью. В отличие от остальных антропоморфных петроглифов Орнока, эти воины изображены в коротких кафтанах. Рисунки воинов, но в длинных кафтанах, были зафиксированы в Таласе, в урочище Жалтырак-Таш. Некоторые из них изображены в защитных доспехах, где кафтаны обозначены штриховкой горизонтальными и вертикальными линиями [Жолдошов 2005: 70].

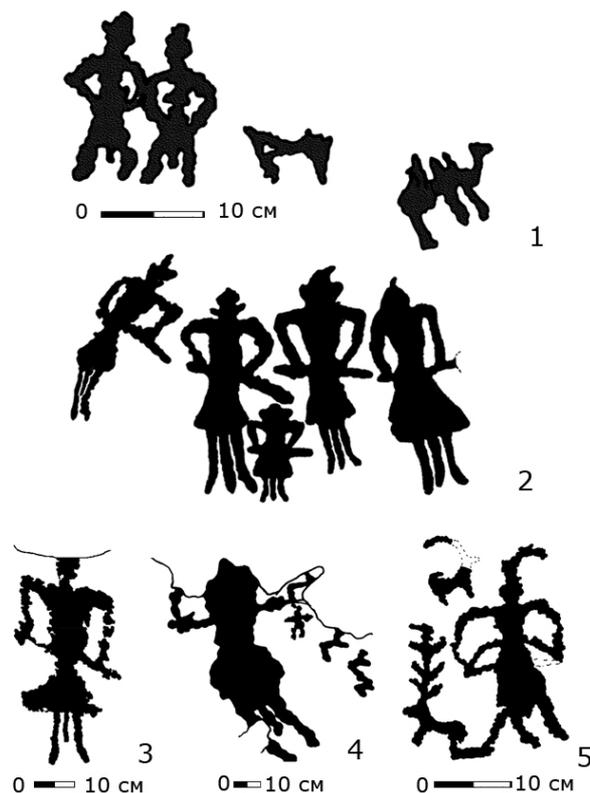

Рис. I. Антропоморфные изображения

Изображения воинов в длинных кафтанах были обнаружены и в Кочкоре. Они, как и жалтыракташские, датируются эпохой Средневековья [Табалдиев, Жолдошов 2003: 111]. Орнокские воины, в отличие от жалтыракташских и кочкорских, имеют короткие кафтаны, прямые и длинные линии между ног и своеобразные головные уборы калпакообразной формы.

Здесь же, в Орноке, были обнаружены два одиночных изображения аналогичных воинов (рис. I. 3, 4). Изображение выше плеча воина на одном каменном полотне и головной убор на другом повреждены сколом. В сходной позе изображен персонаж с луком; с правой стороны от его ног – кривая линия (рис. I. 5). Различие есть и в головном уборе – у лучника он длинный и загнутый на конце. Справа от антропоморфного персонажа изображен олень, а выше – козел.

Самыми распространенными изображениями в петроглифах Орнока являются козлы, архары и олени, выполненные в так называемом «сакском зверином стиле». Особо характерны изображения этой группы в позе внезапной остановки. Интересным примером такого типа рисунков является изображение оленя с развернутой назад головой (рис. II. 5). Интерес представляет и миниатюрное изображение козла в галопе или же в момент прыжка

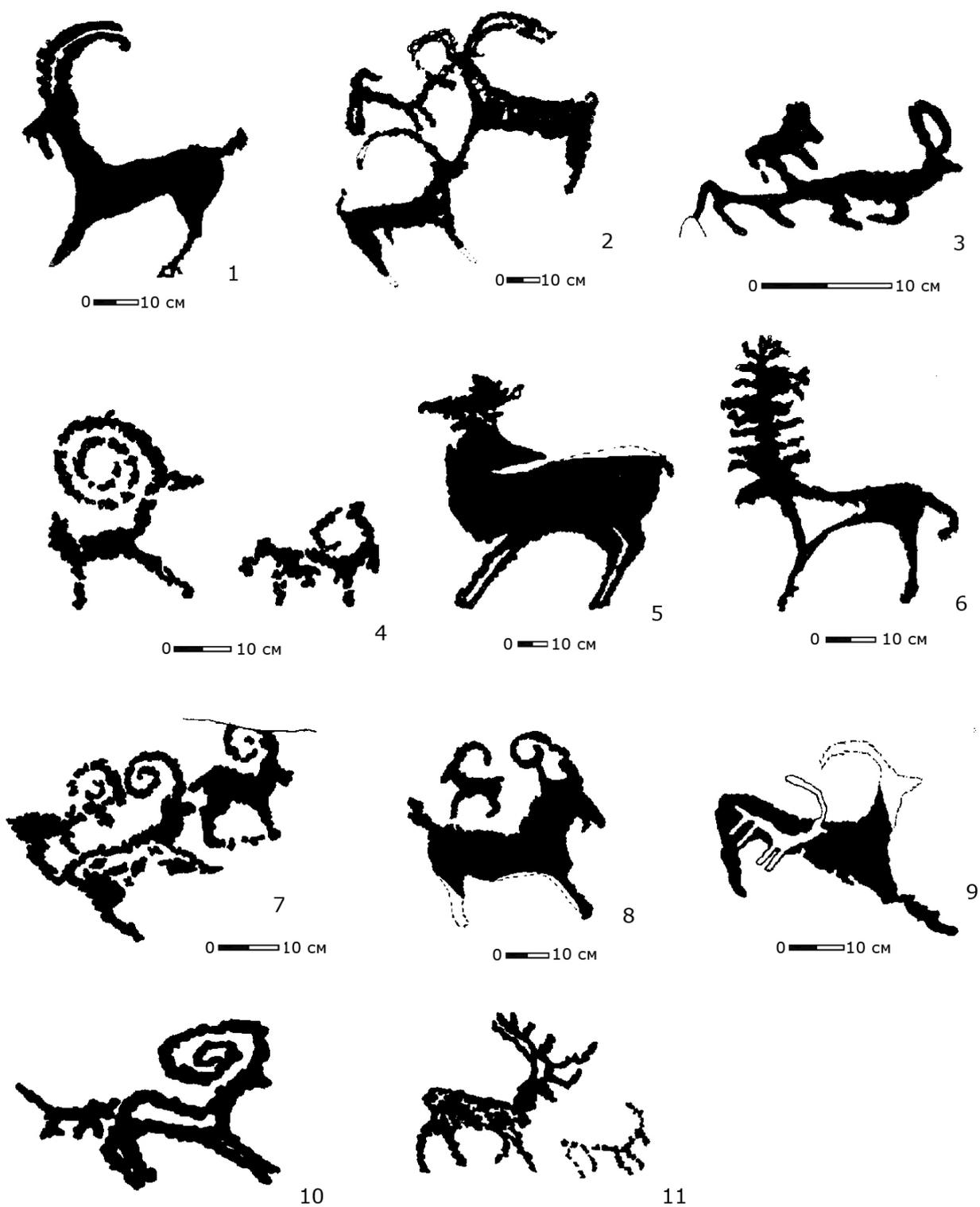

Рис. II. Зооморфные изображения

(рис. II. 3). За козлом изображен хищник, выше хищника – собака. По-видимому, рисунки собаки и терзающего козла хищника добавлены позже, поскольку патина и техника исполнения различны. Аналогии этих изображений широко распространены в Средней и Центральной Азии на разных материалах: камне, золоте, бронзе, кости и т.д. [Шер 1980: 239].

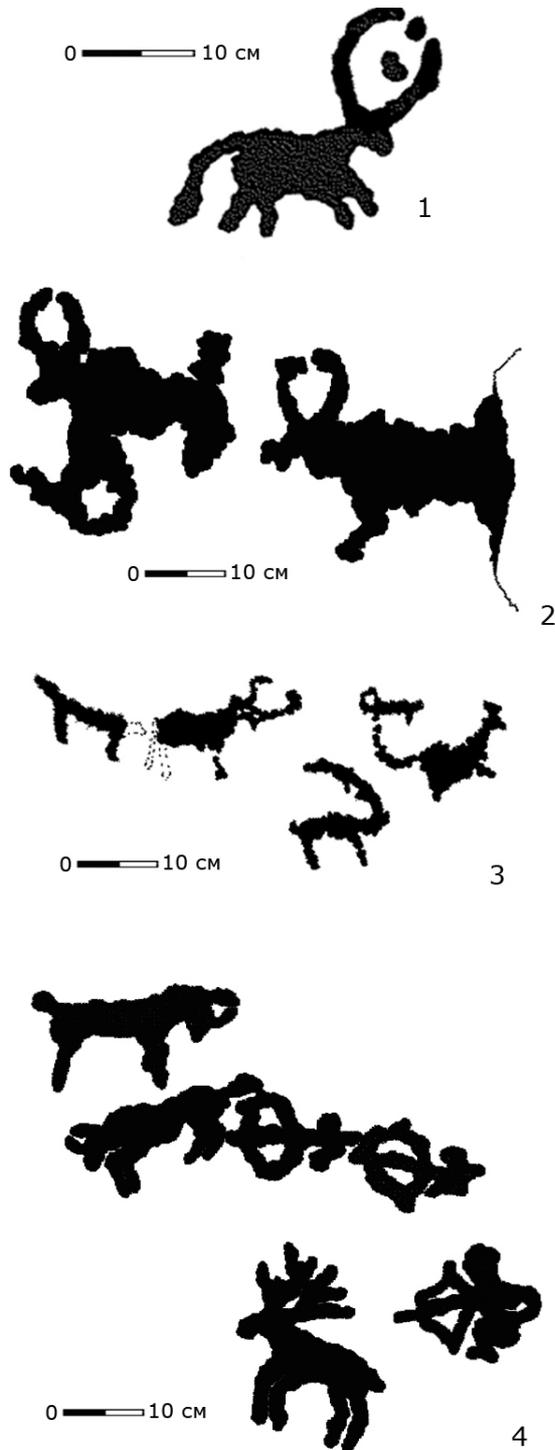

Рис. III. Изображения быков

Часть рисунков козлов и архаров имеют спиралевидные, а олени – древовидные (некоторые – елкообразные) рога.

Одним из интереснейших и малочисленных образов в петроглифах Орнока являются быки. Они представлены как в сценах, так и одиночно. Орнокские быки изображены с кольцевидными несоединяющимися концами рогов, мощными туловищами, короткими ногами и хвостами с шаровидными окончаниями (рис. III. 1–3). Аналогичные рисунки быков широко распространены в Монголии и датируются эпохой бронзы [Новгородова 1989: 165].

Имеется интересная сцена охоты на быков, где с колена два охотника целятся в одного быка из больших луков. Сверху изображен второй бык, направляющийся в противоположную сторону. Внизу этой композиции расположена другая по сюжету сцена: охотник с колена из М-образного лука целится в оленя (рис. III. 4). Четко определяется сложносоставной М-образный лук. Исследователи полагают, что М-образные луки широко использовались кочевниками с 1-го тыс. н.э. Объединяет эти композиции расположение в одной плоскости, поза охотников и почти одинаковая патина изображений. Но в первом случае рисунки охотников и луков выполнены грубее, М-образность луков различается с трудом. На второй композиции изображения охотника и лука выполнены более детально. Аналогичные рисунки охотников, стреляющих из лука с колена, распространены в петроглифах Средней и Центральной Азии [Кубарев, Интернет]. В Нарынской долине в могильнике Таш-Тюбе была обнаружена срединная накладка лука с изображением пешего лучника в аналогичной позе, охотящегося на двух бегущих оленей. Памятник был датирован VI–VII вв. н.э. [Кибиров 1957: 81–88].

Изображения двух быков в вышеуказанной сцене имеют рога и короткие хвосты с кисточками на концах, что является отличительной чертой рисунков быков в петроглифах [Новгородова 1989: 113]. Но, сопоставляя их с рисунками быков из других петроглифических комплексов (Орнокских, в частности), можно прийти к выводу, что шея, туловище и ноги у второго не соответствуют облику быка – если мысленно убрать рога и хвосты, то изображения будут напоминать более оленей, нежели быков.

Здесь же, в Орноке, были найдены два изображения в виде оград, разделенных на отдельные ячейки. На одном из них вверх от уг-

лов и середины изображены небольшие вогнутые линии. Снизу в середине – линия с крестообразным окончанием (рис. IV. 1). Второй рисунок в виде оград плохо различается (рис. IV. 2). Схожие изображения встречаются в Саймалы-Таше, на Сулайман-Тоо и в Кочкоре. По мнению отдельных исследователей, это обозначения плана жилищ [Мартынов и др. 1992: 26].

В петроглифах Орнока было зафиксировано изображение солярного знака в виде колеса с девятью спицами (рис. V. 1). Рисунок хорошо сохранился. Аналогичные изображения с разным количеством спиц были обнаружены в Южном Прииссыккулье в Алабашской долине, в Кочкорской долине, в петроглифах Суук-Добе Узгенской долины, в Таласской долине в петроглифах Жалтырак-Таша и Саймалы-Таша. Саймалыташские аналогичные солярные знаки, по мнению исследователей, датируются эпохой бронзы [Мартынов и др. 1992: 27]. Как солярный знак интерпретируется и изображение окружности с точкой в центре. Такой рисунок, сопровождаемый изображениями трех горных козлов со спиралеобразными рогами, имеется в Орноке (рис. V. 3).

Одной из распространенных сцен в петроглифах Орнока является охота (рис. VI). Нередко охота сопровождается собаками, среди которых можно отличить тайганов с длинными загнутыми на концах хвостами. Имеется одна сцена охоты на козла с собаками и винтовкой (рис. VI. 12), по-видимому, энографического времени.

На некоторых изображениях конных охотников имеются неясные детали за спиной всадников (рис. VII. 2, 3). В некоторых из них четко идентифицируются налучья. Аналогичные рисунки широко распространены в петроглифах Средней и Центральной Азии. Привлекает внимание одна батальная сцена, где два всадника, вооруженные копья-

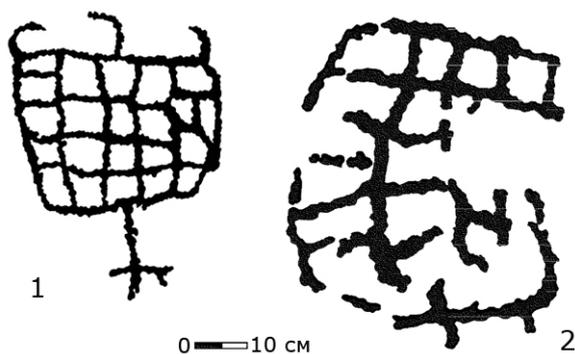

Рис. IV. Знаки в виде оград

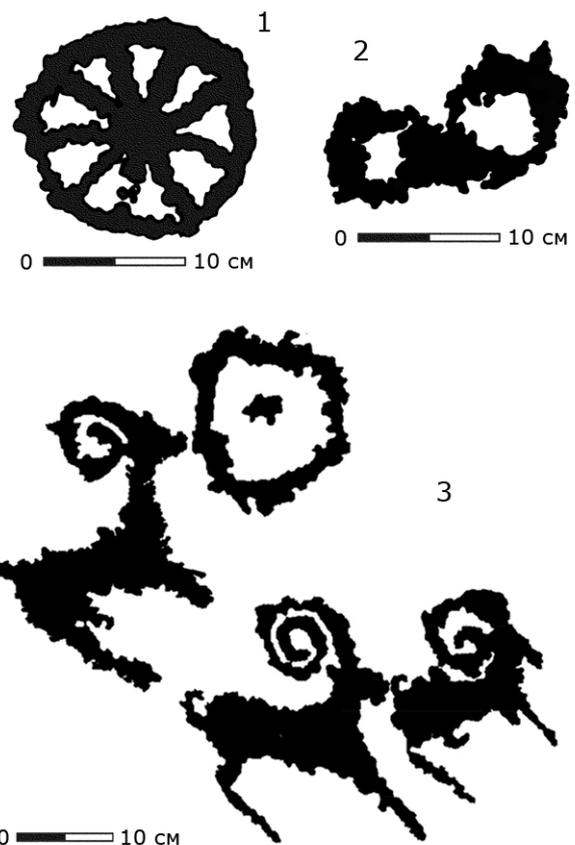

Рис. V. Солярные знаки

ми, противостоят друг другу (рис. VII. 8). Воин слева направил копьё в голову, а второй – в живот противника. Аналогичные батальные сцены с участием знаменосцев встречаются и в других петроглифических комплексах, которые датируются эпохой Средневековья [Советова, Мухарева 2005: 92].

Большинство исследователей склонны считать, что изображения воинов, всадников, сцены охоты и сражения, преодолевая традиционные догмы «звериного стиля», особенно интенсивно распространились в эпоху Средневековья [Худяков 1987: 124]. В этот период изображения воинов детально передавали воинское убранство, одежду и нередко прическу в виде длинных кос. Коня в этот период часто изображают со снаряжением.

Существуют разные объяснения, для чего выбивались рисунки на скалах и камнях в таком большом количестве. Опираясь на данные петроглифических комплексов Терген-Таш на Алае и Кыргызбай-Булун, Алабаш в Тескей Ала-Тоо К.Ш. Табалдиев поддерживает мнения исследователей, считавших эти места культовыми (святилищами), и полагает, что это – результат обряда или ритуала, т.е. до

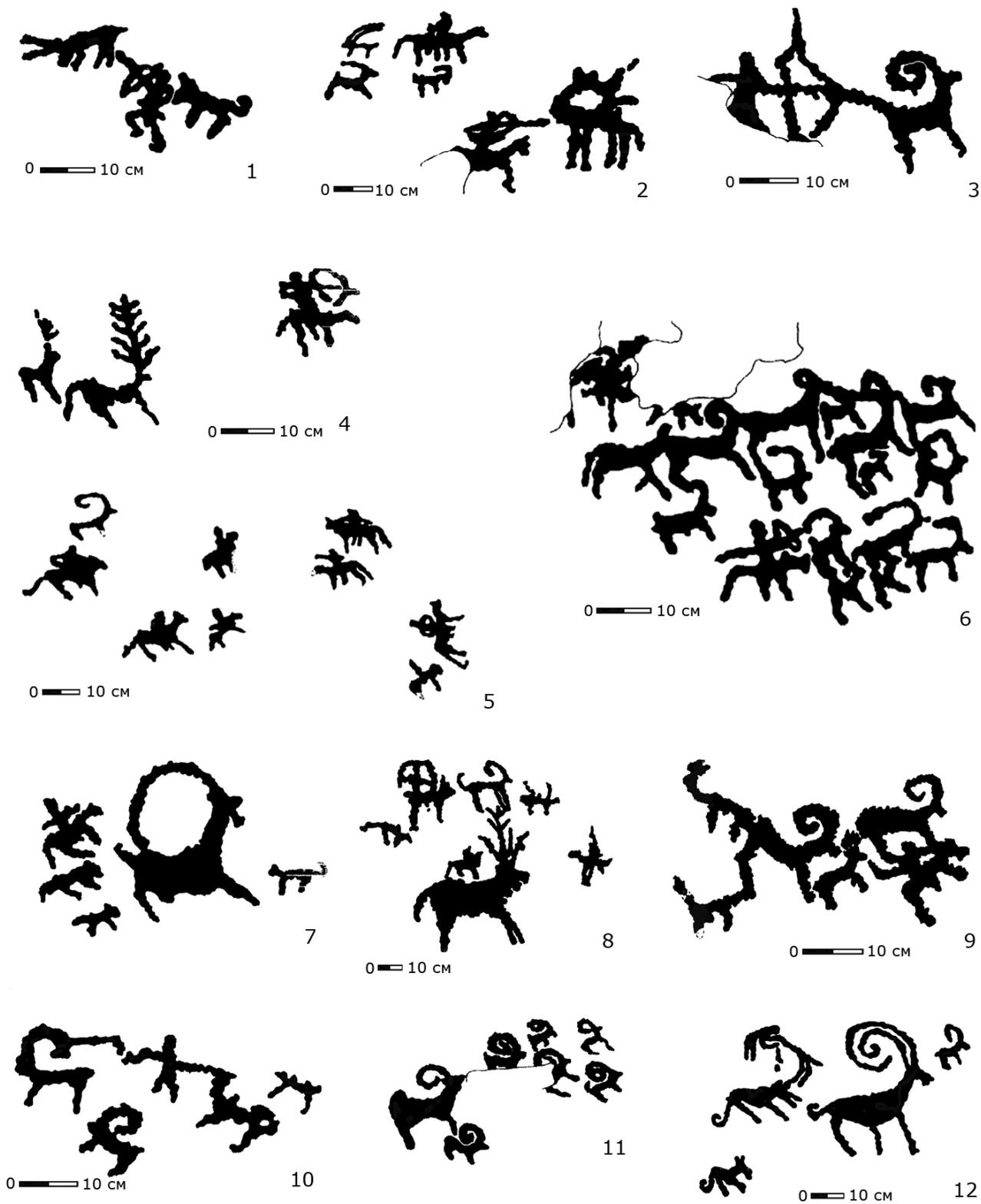

Рис. VI. Сцены охоты

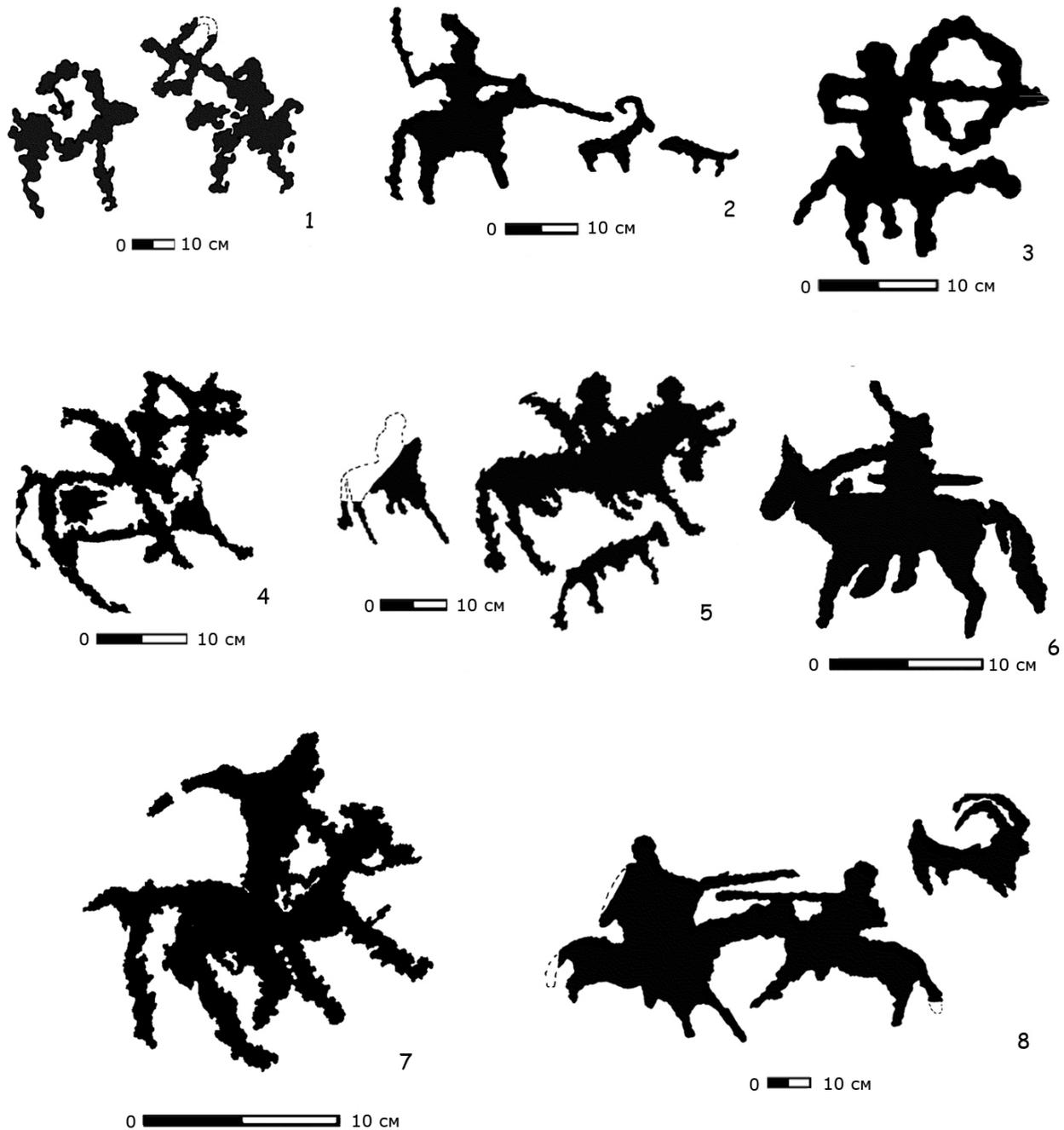

Рис. VII. Всадники

или после ритуала древние люди наносили рисунки на камни и скалы, и постепенно это место становилось всеобщим святилищем. Здесь они исполняли ритуалы и приносили в жертву животных. Несколько иное мнение было высказано К. Йегмаром в докладе в Новосибирском университете в 1977 г. Он считает, что так охотники обозначали души убитых животных, тем самым способствуя восстановлению поголовья диких животных [Худяков, Табалдиев 1999: 20].

В петроглифах Орнока, за исключением двух сцен близкой связи между человеком и козлом, не было обнаружено эротических, культовых, ритуальных сцен; все реально отображают фауну и образ жизни древних обитателей Северного Прииссыккуля.

Несомненно, петроглифы Северного Прииссыккуля являются важным источником изучения образа жизни и духовной культуры населения этой местности в прошлом. Поэтому дальнейшее их изучение важно и необходимо, следовательно, будет продолжено.

Abstract

PETROGLYPH OF ORNOK

К.Т. Akmatov

In this article the petroglyphs are presented which they are located in the areas of Ornok village in the Northern part of Issyk-Kul. Here are some pictures characterized for different periods since the epoch of bronze till the ethnographic modernity. The petroglyphs in Ornok are one of the biggest complex of rock pictures in the Northern Issyk-Kul.

Литература

- Бартольд 1996 – *Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. // Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 1996.
- Винник, Помаскина 1975 – *Винник Д.Ф., Помаскина Г.А.* К вопросу о датировке наскальных изображений Прииссыккуля // Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе, 1975.
- Жолдошов 2005 – *Жолдошов Ч.М.* Изображение вооружения в средневековых петроглифах Кыргызстана // МИАК. – Вып. 2. – Бишкек, 2007.
- Зима 1958 – *Зима Б.М.* Из истории изучения наскальных изображений Киргизии // ТИИ АН КиргССР. – Вып. IV. – Фрунзе, 1958.
- Кибиров 1957 – *Кибиров А.К.* Работа Тянь-Шаньского археологического отряда // КСИЭ. – Вып. 26. – М., 1957.
- Кубарев, Интернет – *Кубарев В.Д.* Военные сюжеты и культ оружия в петроглифах Алтая // Древности Алтая. – 2003. – №11. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2003/11/03.html>
- Мартынов и др. 1992 – *Мартынов А.И., Марьяшев А.Н., Абетеков А.К.* Наскальные изображения Саймалы-Таша. – Алма-Ата, 1992.
- Миклашевич 1995 – *Миклашевич Е.А.* Петроглифы Чолпон-Аты // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово, 1995.
- Новгородова 1989 – *Новгородова Э.А.* Древняя Монголия. – М., 1989.
- Плоских, Интернет – *Плоских В.М.* Историко-культурные памятники Прииссыккуля. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://history.krsu.edu.kg>.
- Советова, Мухарева 2005 – *Советова О.С., Мухарева А.Н.* Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // Археология Южной Сибири. – Вып. 23. – Кемерово, 2005.
- Табалдиев, Жолдошов 2003 – *Табалдиев К.Ш., Жолдошов Ч.М.* Образцы изобразительной деятельности древнетюркских племен Тенир-Тоо // Коомдук илимдер журналы.–2003. – №7.
- Худяков, Табалдиев 1999 – *Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш.* Петроглифы Кара-Тоо // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане / Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. – Вып. 2. – Бишкек, 1999.
- Шер 1980 – *Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.; Л., 1980.
- Худяков 1987 – *Худяков Ю.С.* Образ воина в наскальном искусстве Южной Сибири и Центральной Азии // Антропоморфные изображения. – Новосибирск, 1987.
- ЮНЕСКО, Интернет – История изучения наскального искусства Прииссыккуля – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://i-k.museum.unesco.kz/RAIK_description.htm
- Tashbaeva & other 2001 – *Tashbaeva K., Khujanazarov M., Ranov V., Samashev Z.* Petroglyphs of Central Asia. – Bishkek, 2001.

МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ КОЧКОРСКОГО РАЙОНА

М.И. Москалев*

*Кочкорский район Нарынской области / археологические памятники
Kochkor district of Naryn region / archaeological monument*

Кочкорский район входит в состав Нарынской области. Образован в 1930 г. На западе граничит с Джумгалским, на юге – с Нарынскими районами той же области, на востоке и северо-востоке – с Тонским районом Иссык-Кульской области, на севере – с Кеминским и Иссык-Атинским районами Чуйской области. Его площадь – 6,4 тыс. км². Население – более 50 тыс. чел. Он делится на 9 айыл окмоту¹, объединяющих 31 населенный пункт; административный центр – с. Кочкор [Иссык-Куль, Нарын 1991: 339].

Расположен во Внутреннем Тянь-Шане на территории Кочкорской, Кара-Куджурской и Сонкульской высокогорных долин. Окаймлен хребтами Кыргызский Ала-Тоо, Джумгал, Сон-Куль, Боор, Албарс. По территории района протекают реки Кочкор, Кара-Куджур, Джоон-Арык и др. На юго-западе расположено оз. Сон-Куль, площадь водного зеркала которого составляет 270 км² (длина 29 км, ширина – около 18 км); глубина – до 13,2 м. Климат континентальный, засушливый. Зима холодная и продолжительная; средняя температура января – 10°С. Лето умеренно-теплое: средняя температура июля +16°С. В долинах осадков выпадает 190–200 мм, в горах 400–500 мм в год.

Животный мир разнообразен [Иссык-Куль, Нарын 1991: 341]. На территории района находятся крупнейшие залежи каменной соли. Можно вести разработку строительных материалов: глины, песка, гравия, щебня, мраморной крошки и т.д. Основу хозяйства составляет животноводство. Население также выращивает картофель, сеет пшеницу, ячмень, овес, экспортер и другие культуры. Основной вид транспорта – автомобильный. По территории района проходят дороги общереспубликанского значения: Бишкек – Нарын – Торугарт; Иссык-Куль – Чаек – Мин-Куш.

* Москалев Михаил Иванович – КНУ им. Ж. Баласагына. Кыргызстан, г. Бишкек.

Памятники археологии Кочкорского района стали вводиться в научный оборот после вхождения Северного Кыргызстана в состав России. Первые сведения о них были получены от краеведа-любителя А.М. Фетисова, который в 70-е годы XIX в. посетил Сонкульскую котловину и зарегистрировал каменные изваяния [Фетисов 1878]. В сентябре 1891 г. он же по поручению Российской императорской археологической комиссии раскопал 35 курганов в местностях Кара-Булун, Ак-Чат, Орто-Токой, Джоон-Арык. На основании собранной информации А.М. Фетисов предложил классификацию курганов, в основу которой положил внешний вид насыпи и погребального сооружения. Среди его материалов особый интерес вызывает оштукатуренный алебастром склеп из сырцового кирпича в местности Каска-Таш. В нем был зафиксирован сосуд с кальцинированными костями. Аналогии этому погребению пока не выявлены. Одновременно этот энтузиаст-археолог собрал у местного населения древние предметы, полученные ими при грабительских раскопках курганов долины, и передал их в Археологическую комиссию; в настоящее время они хранятся в Эрмитаже (г. Санкт-Петербург) [ОАК 1893: 109–117].

В 1899 г. врач Пишпекского военного госпиталя Ф.В. Поярков, заручившись разрешением Археологической комиссии, совершил поездку в Кочкорскую долину и на оз. Сон-Куль с целью выяснения назначения «каменных баб» [ОАК 1892: 34].

В 1904 г. Сонкульскую долину посещает американский археолог Р. Помпели [Pumpell 1905: 104].

В последующее время, вплоть до 1937 г., никаких исследований памятников археологии территории Кочкорского района не проводилось. В 1937 г. по инициативе преподавателя Киргизского государственного педагогического института им. М.В. Фрунзе² Б.М. Зима была организована археологическая экспедиция по обследованию и выявле-

нию памятников древности на территории Кыргызстана. Она положила начало научному изучению археологических объектов специалистами нашей республики [Зима 1982: 4].

В 1938–1940 гг. древности Северного Кыргызстана исследует Семиреченская археологическая экспедиция под руководством А.Н. Бернштама. Она проводила раскопки в том числе могильников Кочкорской долины [Труды... 1950].

В 1943 г. был открыт Киргизский филиал АН СССР, сектор истории Института языка, литературы и истории которого возглавил находившийся здесь в эвакуации А.Н. Бернштам. Он продолжил планомерное изучение памятников археологии нашей республики. Во время экспедиций под его руководством за 1944–1949 гг. были обследованы огромные пространства Тянь-Шаня и Алая, в том числе Внутренний Тянь-Шань, включая Кочкорский район. В отчетной работе А.Н. Бернштам констатировал, что многочисленные могильники этого региона Кыргызстана были оставлены сако-усуньскими и тюркскими племенами [Бернштам 1952]. Подчеркнем, что в экспедицию 1949 г. А.Н. Бернштам привлек студентов исторического факультета КГПИ им. М.В. Фрунзе [Винник 1949: 122].

Археологические памятники Кочкорского района были объектом изучения Тянь-Шаньского археологического отряда (рук. А.К. Кибиров) Киргизской археолого-этнографической экспедиции (1953–1955 гг.), занимавшейся вопросом этногенеза кыргызского народа [Кибиров 1959: 63–138].

В 1960–1963 гг. специалисты Института истории АН Кирг. ССР и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством Я.А. Шера занимались археологическими разведками – выявлением памятников ранних кочевников и каменных изваяний в долине оз. Сон-Куль; одновременно фиксировались наскальные рисунки [Шер 1966: 9].

В 1972 г. в Кочкорском районе работал Иссык-Кульский историко-археологический отряд под руководством Д.Ф. Винника, занимавшийся выявлением и изучением памятников археологии и мавзолеев «Кырк Чоро» [Винник 1974: 45].

А.К. Абетеков в 1987–1988 гг. изучает в Кочкорке могильники Кум-Добе, Албан-Жылга, Кара-Сенир, Асабай-Акун, Бугучу, Куренкей. В результате раскопок им был получен материал, относящийся к сакскому времени [Абетеков 1988; Абетеков 1989].

Большой объем работ по выявлению памятников кочевого и оседлого населения Кочкорского района был проделан кафедрой археологии и этнографии Киргизского государственного университета, которая работала в этом регионе в 1985–1986 и 1989 гг. Ею были учтены десятки могильников, каменных изваяний, наскальных рисунков, ранее не известных науке [Москалев 1986: 15].

С 1985 г. по настоящее время древности Кочкорской долины исследуют К.Ш. Табалдиев, О.А. Солтобаев и автор данной статьи. В исследованиях долины также принимает регулярное участие профессор Новосибирского университета Ю.С. Худяков. Этими археологами были выявлены и раскопаны могильники ранних кочевников, тюркского и монгольского времени, выявлены каменные изваяния и наскальные рисунки. Особый интерес представляют памятники эпиграфики тюркской письменности [Табалдиев, Солтобаев 1989; Кляшторный 2004: 169–174; Кызласов 2005: 54–67]. В 1986 г. с целью выявления памятников археологии К.Ш. Табалдиев и О.А. Солтобаев совместно с одним из старейших археологов Кыргызстана Д.Ф. Винником совершили поездку вокруг оз. Сон-Куль.

В 1995–1996 гг. в рамках Кыргызско-Немецкой археологической экспедиции вместе с вышеназванными исследователями работал немецкий археолог Бодо Анке. В местности Сутту-Булак экспедицией были раскопаны могильники ранних и средневековых кочевников, давшие интересный материал [Anke & other, 1997; Худяков и др. 1996; Худяков и др. 1997].

В 1996–1998 гг. Кыргызско-Турецкая археологическая экспедиция, в составе которой работали К.Ш. Табалдиев, М.И. Москалев, О.А. Солтобаев и турецкий исследователь Рустам Бозер, а также студенты исторического факультета КГНУ, изучала могильники восточной части Сонкульской долины. Ею были выявлены находки эпохи мезолита и неолита, каменные изваяния и наскальные рисунки, а также исследованы разновременные могильники.

С 2000 г. в местности Бел-Саз кафедра археологии и этнологии факультета истории и регионоведения КНУ им. Ж. Баласагына проводила археологическую практику. В результате работ были открыты памятники эпохи камня, бронзы, ранних и средневековых кочевников.

Кроме того следует отметить, что в течение 1989–2000 гг. К. Табалдиевым и О. Солтобаевым в восточной и юго-восточной части Сон-Кульской долины были открыты и ис-

следованы средневековые могильники в местностях Беш-Таш-Короо I-III, Бел-Саз I-III. В результате исследований около 70 курганов получены сведения по культуре кочевников VI–XIV вв. К. Табалдиевым составлена карта средневековых курганов и изваяний Внутреннего Тянь-Шаня, в которой нашли отражение курганы тюркского, монгольского времен и изваяния Кочкорского района [Табалдиев, Солтобаев 1993; Табалдиев 1996; Табалдиев, Жолдошев 2007].

В настоящей работе приводится систематизированная информация не о всех археологических объектах Кочкорского района Нарынской области Кыргызстана, а лишь о тех из них, которые непосредственно были осмотрены и исследованы автором за 20 лет.

Памятники эпохи камня

Стоянка. Выявлена юго-восточнее с. Ормон-хан. На основании полученного материала датирована эпохой нижнего – финального палеолита [Москалев 2000].

Стоянка-мастерская Калмак-Таш. Выявлена в одноименной местности в южной предгорной зоне у с. Кара-Саз К.Ш. Табалдиевым и А. Бараталиевым в 1998 г. По найденным артефактам датируется верхнепалеолитическим временем [Табалдиев 1998].

Местонахождение. Зафиксировано на левом берегу р. Кочкор, западнее села Кара-Тоо (42° 13' 41,6", с.ш. 75° 43' 39,0" в.д.) и южнее населенного пункта Кок-Жар (координаты 42° 09' 24,2", с.ш. 75° 39' 36,3" в.д.) российско-кыргызской палеолитической экспедицией в 2000 г., когда были найдены единичные каменные изделия палеолитического облика [Деревянко и др. 1996].

Местонахождение. В восточной части Сонкульской долины был найден мезолитический наконечник плоской формы (длина 8 см, ширина 1,5–2 см, толщина 0,8 см), изготовленный из белого кремня; по краям он был обработан мелкой ретушью. К сожалению, этот наконечник, датируемый 10–6-м тыс. до н.э., был утерян [Москалев 1998].

Местонахождение. В одном из курганов могильника Чон-Добе был найден дисковидный нуклеус круглой формы (диаметр 6,5 см, толщина 6–8 мм). По аналогиям его можно датировать 6–3-м тыс. до н.э.

Клады

Шамшинский клад. Найден в с. Шамши. Открыт колхозником А. Джапаровым в 1975 г. Он насчитывает 27 предметов эпохи бронзы:

2 вислобушных топора, кельтообразный молоток, тесла с уступом, три серпа, бритвы, однолезвийный нож, четыре зеркала, четыре бляхи, два кольца, ажурная булавка, слиток металла и др. Это самый крупный клад указанного времени, обнаруженный на территории Кыргызстана [Кожомбердиев, Кузьмина 1980; Кузьмина, Кожомбердиев 1982: 11–18].

Могильники

Могильник Бель-Саз. Расположен в 3–4 км к юго-востоку от с. Ормон-хан. В нем зафиксировано 53 кургана с каменными насыпями. В результате раскопок были выявлены захоронения эпохи бронзы, совершенные по обряду трупосожжения и кремации. В погребениях были обнаружены изделия и сосуды эпохи бронзы [Москалев, Солтобаев 2003: 144].

Могильник Ак-Учук. Расположен южнее одноименного села слева от дороги. Состоит из курганов «царского» типа и расположенных вокруг них мелких курганов. Курганы «царского» типа имеют каменные насыпи диаметром 35–40 м и высотой 3,5–4 м. Вокруг насыпей – два кольца каменных выкладок на расстоянии 1,5–2,5 м друг от друга. На вершинах курганов имеются следы грабительских воронок диаметром 10–12 м и глубиной до 1 м. Мелкие курганы диаметром 4–8 м при высоте 15–35 см. Впервые исследовался в 50-х годах прошлого века А.К. Кибировым. Типологически датируется VII–IV вв. до н.э. [Кибиров 1959; Москалев 1985].

Могильник Ак-Учук-1. Находится в 1 км западнее от вышеописанного; справа от могильника проходит дорога на Кочкорку. Зафиксировано восемь каменно-земляных насыпей, расположенных цепочкой по линии север – юг; диаметр 5–7 м, высота 0,25–0,4 м. Следов грабительских воронок не отмечено. Типологически датируется III в. до н.э. – I в. н.э. [Москалев 1985].

Могильник Ак-Учук-2. Выявлен в 3–4 км к востоку от одноименного села, на 21-м км дороги Кочкорка – Чаек; восточнее могильника проходит дорога в ущелье. Зафиксировано семь каменно-земляных насыпей диаметром 4–7 м и высотой 0,15–0,35 м. Вершины овальной и уплощенной формы. Типологически датируется III в. до н.э. – I в. н.э. [Москалев 1985].

Могильник Кара-Кунгей. Зафиксирован в 5–6 км восточнее одноименного села; севернее могильника протекает р. Кара-Кунгей Оозум, южнее – высохшее русло. К востоку от него – кошары. Состоит из двух цепочек курганов. Насыпи каменно-земляные. Курганы

первой цепочки диаметром 6–9 м, высотой 0,15–0,25 м. К одному из них примыкает каменная квадратная выкладка (14 × 14 м) в один ряд камней [Москалев 1985]. Вторая цепочка курганов на расстоянии 100–120 м от вышеописанной. В ней 11 каменно-земляных насыпей диаметром 21–24 м при высоте 1,5–2 м и разбросанные между ними мелкие курганы. В северной части могильника находятся выложенные из камней круглые жертвенники высотой 0,4–0,7 м. Типологически могильник датируется VII–IV вв. до н.э. [Москалев 1986].

Могильник Кара-Кунгей-1. Расположен на восточной окраине одноименного села, слева от дороги. В нем 15 каменно-земляных насыпей диаметром 7–12 м при высоте 0,3–0,6 м. На отдельных курганах – следы грабительских воронок. Слева от дороги на 700 м тянется каменная выкладка шириной 1,5 м. Типологически могильник датируется I–V вв. [Москалев 1986].

Могильник Эки-Кызыл. Зафиксирован восточнее вышеописанного, слева от дороги при въезде в ущелье; в западной части могильника находится кошара, с востока – водозабор. В могильнике семь каменно-земляных насыпей диаметром 5–9 м и высотой 0,3–0,5 м. Типологически датируется I–V вв. н.э. [Москалев 1986].

Могильник Сары-Булак. Расположен на левом берегу р. Кара-Куджур, на 249 км автотрассы Нарын – Кочкорка, к западу от дороги; рядом проходит дорога на с. Сары-Булак. В могильнике зафиксировано шесть курганов, ориентированных, с небольшим отклонением, по линии север – юг. Насыпи каменно-земляные диаметром до 3 м и высотой 0,15–0,35 м. Типологически датируется I–V вв. н.э.

На одном из курганов установлена плита из черного мраморовидного известняка (рис. I). На ней с восточной стороны изображена сова высотой 25 см шириной 17,5 см. Четко просматриваются глаза и зрачки, выше них показаны «уши». На западной стороне плиты двумя линиями показаны очертания совы и левый глаз. Размеры плиты 50 × 45 × 11,5 см. Аналогии этому изображению в Кыргызстане пока не известны [Москалев 1986].

Могильник Сары-Булак-1. Находится на 251-м км автотрассы Нарын – Кочкорка, слева от дороги; восточнее дороги находится ДЭУ. В могильнике насчитывается пять каменно-земляных насыпей диаметром 5–8 м и высотой 0,2–0,35 м. Типологически датируется I–V вв. н.э. [Москалев 1985].

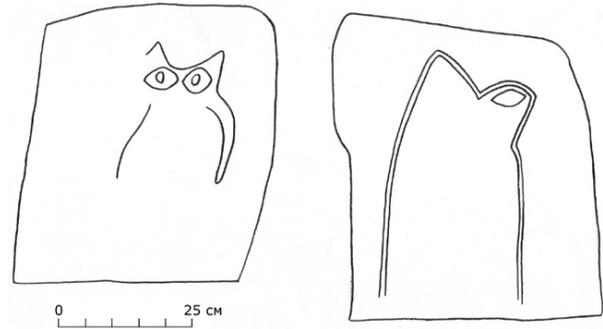

Рис. I. Плита с изображением совы.
Могильник Сары Булак

Могильник Усулбек. Расположен на северо-восточном берегу оз. Сон-Куль в одноименной местности. В нем зафиксировано 10 каменно-земляных насыпей диаметром 6–12 м и высотой 0,3–0,7 м. Следы грабительских воронок не зарегистрированы. Типологически датируется III в. до н.э. – I в. н.э. [Москалев 1986].

Могильник Усулбек-1. Расположен на северном берегу оз. Сон-Куль в одноименной местности при выходе из ущелья. В нем 12 каменно-земляных насыпей диаметром 6–12 м и высотой 0,3–0,6 м. В северо-восточной части могильника отмечены две каменные выкладки диаметром 4 м, выложенные из больших камней с ровной площадкой внутри. Типологически датируется IV–I вв. до н.э. [Москалев 1986].

Могильник Кара-Кыя. Расположен в Сонкульской долине. Состоит из 13 курганов с каменно-земляными насыпями диаметром 6–11 м и высотой 0,3–0,5 м. В центре могильника зафиксированы остатки квадратной каменной постройки со стороной 17 м. Типологически датируется I – V вв. н.э. [Москалев 1986].

Могильник Кара-Кыя-1. Расположен на берегу оз. Сон-Куль. Зафиксировано пять расположенных квадратом курганов с каменно-земляными насыпями [Москалев 1986].

Могильник Ак-Таш. Находится в восточной части Сонкульской долины в одноименной местности. В нем 13 каменно-земляных насыпей диаметром 12–21 м при высоте 1–1,5 м. Вокруг отдельных курганов имеются каменные оградки. Вершины курганов со следами грабительских воронок. Типологически датируется IV–I вв. до н.э. [Кибиров 1959: 84; Москалев 1986].

Могильник Ак-Таш-1. Зафиксирован в 8 км к юго-востоку от вышеописанного могильника в одноименном урочище. Состоит из шести курганов с каменно-земляными насыпями диаметром 11–18 м и высотой 0,5–0,7 м. На вершинах – следы грабительских воронок. В могильнике зарегистрировано шесть

каменных жертвенников овальной формы, из 6–7 валунов по 0,5–1,1 м. Типологически датируется VII–III вв. до н.э. [Москалев 1986].

Могильник Чон-Добе. Находится к югу от урочища Ак-Таш в одноименной местности. Включает курганы высотой 6–7 м, один из них – 10,5 м. Захоронение сделано в грунтовых и подбойных могилах. В 50-х годах XX в. раскапывался А.К. Кибировым. По найденным предметам датируется VII–IV вв. до н.э. [Кибиров 1959: 84–86, 129–130; Москалев 1986].

Могильник Семиз-Бел. Расположен в 500–600 м к юго-востоку от окраины одноименного села. Состоит из 15 курганов, расположенных цепочкой, ориентированной по линии север – юг. Насыпи каменно-земляные, диаметром 6–8 м и высотой 0,15–0,4 м. Типологически датируется III в. до н.э. – I в. н.э. [Москалев 1986].

Могильник Семиз-Бел-1. Находится в 300 м к западу от одноименного населенного пункта. В нем – четыре кургана с каменно-земляными насыпями диаметром 6–9 м и высотой 0,25–0,5 м. В 200 м к северу от курганов – каменная выкладка длиной 20 м. Типологически могильник датируется I–V вв. н.э.

Могильник Семиз-Бел-2. Расположен восточнее села, в 300–400 м от кошары. В нем зафиксировано 23 кургана, вытянутых в цепочку по линии север – юг. Реньше курганов было больше, но часть снивелирована под посевами. Насыпи каменно-земляные, диаметром 6–11 м и высотой 0,5–1,15 м. Типологически могильник датируется I–V вв. н.э. [Москалев 1986].

Могильник Кара-Булун. Находится в 1,5 км от одноименного села. В нем зафиксировано 23 бессистемно разбросанных кургана. Насыпи каменно-земляные, диаметром 5–8 м и высотой 0,4–0,5 м. Типологически датируются I–V вв. н.э. [Москалев 1986].

Могильник Кара-Булун-1. Расположен в 800–1000 м к юго-востоку от вышеописанного. Насыпи каменно-земляные, диаметром 7–11 м и высотой 0,4–0,7 м. На отдельных курганах следы грабительских воронок. Здесь же зафиксированы каменные выкладки прямоугольной и треугольной формы длиной 30–40 м и шириной 0,8–1,05 м. Типологически могильник датируется I–V вв. н.э. [Москалев 1986].

Могильник Кара-Булун-2. Расположен в 1–1,5 км к востоку от вышеописанного, севернее кошары; вдоль него проходит ЛЭП. Насыпи курганов каменно-земляные, на отдельных из них имеются следы грабительских воронок.

Диаметр 7–9 м, высота 0,3–0,5 м. Типологически датируется I–V вв. н.э. [Москалев 1986].

Могильник Кен-Сай. Находится в одноименном урочище у выхода р. Джоон-Арык в Кочкорскую долину. В северной части могильника цепочка больших курганов диаметром 8–30 м и высотой до 3 м. Насыпи каменно-земляные. В 1954 г. А.К. Кибировым раскопано около 10 курганов. В них погребения совершены по обряду труположения. Датируется могильник I–VIII вв. [Кибиров 1959: 72–74].

Могильник Кен-Суу. Расположен в одноименном урочище. Насыпи каменные, высотой 0,3–1,5 м и диаметром 8–25 м; вокруг отдельных курганов устроена каменная кольцевая выкладка. В 1953 г. изучался Кибировым. Датируется III в. до н.э. – V в. н.э. [Кибиров 1959: 83–84].

Могильник Муз-Тор. Расположен на р. Тюлек. Насыпи каменно-земляные. Встречаются кольцевые каменные выкладки. Впервые отмечен в 1953 г. А.К. Кибировым. Раскопки не производились. Типологически датируется III в. до н.э. – V в. н.э. [Кибиров 1959: 83].

Могильник Орто-Кууганды. Расположен на правом берегу одноименной реки. Состоит из нескольких цепочек курганов больших и средних размеров. Типологически датируется III в. до н.э. – V в. н.э. [Кибиров 1959; Москалев 1989].

Могильник Таш-Добе. Находится в одноименном урочище в долине р. Кара-Куджур. Насчитывает около 100 курганов, четырехугольных оградок с изваяниями и вереницами камней, врытых в землю. Раскопки А.К. Кибирова в 1953 г. выявили погребения человека с конем. Могильник датируется VI–VIII вв. [Кибиров 1959: 73; Москалев 1989].

Могильник Туура-Суу. Тянется от правого берега одноименной реки у с. Туура-Суу на восток на 1,5 км; большинство курганов расположено на террасе р. Кара-Куджур. Насыпи невысокие, с выкладкой из камней в виде круга и четырехугольника; встречаются четырехугольные оградки из плоских камней. В 1953 г. А.К. Кибировым раскопано девять курганов с одиночными и парными захоронениями в грунтовых, подбойных и катакомбных могилах. Датируется I–V вв. [Кибиров 1959: 77–80, 113–118; Москалев 1986].

Могильник Бала-Бейит. Расположен в одноименной местности. В нем зафиксировано 73 кургана с каменно-земляными насыпями (камни привозные). Курганы имеют следы

грабительских воронок. В северо-восточной части могильника был вскрыт один курган диаметром 5 м и высотой 0,3 м. Под каменной насыпью шел грунт. Раскоп доведен до глубины 1,6 м, но следов погребения не выявлено. Вероятно, курган является кенотафом [Москалев 1986].

Могильник Бала-Бейит-1. Расположен на одноименном плато в 200–250 м от вышеописанного. Зафиксировано 21 курган. Насыпи каменные и каменно-земляные. Раскопки не производились [Москалев 1986].

Могильник. Расположен на 24-м км дороги на Тюлек – Сон-Куль; в 75 м южнее от него расположена кошара. Насыпи каменно-земляные. Много распаханных курганов. Раскопки не производились [Москалев 1986].

Могильник Джаман-Эчки. Расположен в одноименной местности слева от дороги Сон-Куль – Тюлек. Зафиксировано три кургана с каменно-земляными насыпями; три насыпи уничтожены могилами современного кладбища 30–40-летней давности. На вершине одного из курганов прослеживается выкладка в один ряд камней. Раскопки не производились [Москалев 1986].

Могильник Чолпон. Расположен на 27-м км дороги Кочкорка – Комсомол напротив одноименного села. В нем зафиксировано 24 кургана с каменно-земляными насыпями, в том числе пятью распаханными. Раскопки не производились [Москалев 1986].

Могильник Чолпон-1. Расположен на 25-м км дороги Кочкорка – Комсомол, на северо-западной окраине населенного пункта; в северо-западной части могильника стоит кошара. Зафиксировано 52 кургана с каменно-земляными насыпями. Раскопки не производились [Москалев 1986].

Могильник Кызыл-Добе. Находится на террасе на левом берегу р. Суек, южнее с. Мантыш. Зафиксировано 153 кургана с каменно-земляными насыпями. На одном из курганов расположено каменное изваяние; черты лица прослеживаются слабо. Раскопки не производились [Москалев 1986].

Могильник Ак-Тала. Расположен у одноименного села южнее дороги. Могильник представлен семью каменно-земляными насыпями. Многие курганы разрушены землеройной техникой. Раскопки не производились [Москалев 1986].

Могильник Одыр. Находится в 500–700 м восточнее одноименного села. В нем зафиксировано 44 кургана с каменно-земляными насыпями диаметром 4–12 м и высотой 0,2–

0,7 м. На отдельных курганах прослеживаются следы грабительских воронок. Рядом с одним из курганов зарегистрирован жертвенник из семи камней. Раскопки не производились [Москалев 1986].

Могильник Ак-Учук. Расположен южнее с. Ак-Учук. В нем зафиксировано 15 курганов с каменно-земляными насыпями диаметром 6–12 м и высотой 0,15–0,15 м.

Могильник Ак-Учук-1. Находится в 3–3,5 км восточнее с. Ак-Учук. Зафиксирована ориентированная по линии север – юг цепочка из шести курганов с каменно-земляными насыпями диаметром 7–9 м и высотой 0,3–0,5 м. Типологически датированы I–V вв. Раскопки не производились [Москалев 1986].

Могильник Кум-Добе. Расположен в одноименном урочище у выхода в Кочкорскую долину. Насыпи каменно-земляные высотой 0,1–8,5 м. Крупные курганы имеют каменные оградки в виде двойного четырехугольника и колец. Малые курганы располагаются внутри кольцевых выкладок. Раскопано три кургана, под которыми выявлены грунтовые могилы. Датирована I–V вв. [Кибиров 1959: 74–75; Москалев 1986].

Могильник Кум-Добе-1. Состоит из разнотипных курганов, имеющих земляные и каменно-земляные насыпи. Высота курганов 0,15–3,1 м, диаметр 6–38 м. Вокруг больших курганов выявлены оградки из камня или кольцевые выкладки. Малые курганы располагаются внутри кольцевых выкладок. Изучался А.К. Абетековым в 1987–1988 гг. Были выявлены захоронения в грунтовых могильных ямах; костяки лежали на спине, в вытянутом положении, головой на северо-запад и юг. Найдены глиняная посуда и украшения из золота. Типологически датирована VI–I вв. до н.э. [Москалев 1986].

Могильник Кум-Добе-3. Расположен западнее одноименного урочища. Состоит из двух больших курганов царского типа. Насыпи каменно-земляные. Типологически могильник датирован IV–I вв. до н.э. Раскопки не производились [Москалев 1986].

Могильник Кош-Добе. Открыт А.Н. Бернштамом в 1940 г. В нем зафиксировано два больших кургана высотой 2,1 м диаметром 27 м. Типологически датирован III в. до н.э. – II в. н.э. [Труды... 1950: 15].

Могильник Кытай-Джол. Находится в долине р. Тюлек. Насыпи каменные. Вокруг отдельных курганов прослеживаются кольцевые каменные выкладки. В 1953 г. отмечен А.К. Кибировым. Раскопки не производились.

Типологически датируется I–VI вв. [Кибиров 1959: 83; Москалев 1989].

Каменные изваяния

Кокбулакское 1. Лицо монголоидное. Пол не устанавливается. Брови и нос показаны Т-образным рельефом, глаза – черточками, щеки – кружочками. Руки согнуты в локтях и держат перед грудью кубок. Высота 100 см.

Кокбулакское 2. У изваяния рельефом даны черты женского лица монголоидного типа. На шее гривна. Руки полусогнуты в локтях и держат перед животом сосуд. Высота 138 см.

Кокбулакское 3. Также изображает женщину. Рельефом даны черты лица монголоидного типа. Стилизованно показаны руки, держащие перед животом сосуд больших размеров. Высота 80 см.

Кокбулацкие каменные изваяния обнаружены в местности Кок-Булак на северо-западном берегу оз. Сон-Куль. Открыты и описаны Я.А. Шером (№141, 144, 145) [Шер 1966: 124–125].

Сарыбулакское 1. На изваянии рельефом переданы черты мужского лица монголоидного типа. Высота 150 см.

Сарыбулакское 2. Изображение плоскостное. В верхней части четырехгранного камня контуром даны черты мужского лица монголоидного типа. Высота 102 см.

Сарыбулацкие каменные изваяния открыты в местности Сары-Булак на северо-западном берегу оз. Сон-Куль. Открыты и описаны Я.А. Шером (№98, 104) [Шер 1966: 110, 114].

Узбексайское. Зафиксировано в местности Узбек-Сай в восточной части Сонкульской котловины Я.А. Шером (№63). Было установлено около оградки из камней. Оно изображает мужскую фигуру с монголоидными чертами лица. Хорошо прослеживаются черты лица – брови, глаза, нос, уши. Правая рука согнута под прямым углом и держит на уровне груди двумя пальцами за ножку кубок. Левая прижата к груди. Хорошо просматривается кафтан. На углах имеются шарики. Показаны края облегающих рукавов. В ушах – серьги с каплевидными подвесками. Изготовлено из серого гранита. Размеры 150 × 41 × 25 см [Шер 1966: 100].

Чондобинское 1. Стояло у оградки из камней. Лицо монголоидное. Глаза, брови, нос и рот просматриваются хорошо. На голове – «трехрогий головной убор». На груди изображен воротник одежды с отворотами. Однако не исключено, что так передано нагрудное украшение, выполненное из 10 блях – восьми прямоугольных и еще двух, располо-

женных между ними, четырехугольной и пятиугольной формы. Изваяние выбито из серого гранита; 120 × 35 × 20 см.

Чондобинское 2. Овал лица прочерчен замкнутой линией. Глаза, брови, нос и рот просматриваются четко. Определить физический тип невозможно. Изваяние выбито на сером гранитном камне размерами 123 × 35 × 23 см.

Чондобинское 3. Изображает мужскую фигуру с монголоидными чертами лица. Черты лица изображены четко. Нижняя часть лица отделена от туловища контурной линией. Изваяние выбито на сером гранитном камне размерами 156 × 45 × 20 см.

Чондобинское 4. Лицо монголоидное; на нем прослеживаются брови, глаза, нос, рот, усы и подбородок. Изваяние сделано из камня удлиненной формы размерами 117 × 25 × 20 см.

Чондобинские каменные изваяния зафиксированы в восточной части Сонкульской долины на северном берегу озера в местности Чон-Добе. Открыты и описаны Я.А. Шером (№99–102) [Шер 1967: 114].

Кумдуусуйское. Находится на восточном побережье оз. Сон-Куль в местности Кумдуу-Суу. Было зафиксировано у разрушенной каменной оградки, ориентированной сторонами по сторонам света. Выполнено в контурной технике. Голова не выделена из монолита. На ней – «трехрогий головной убор». Лицо монголоидное с хорошо просматриваемыми чертами. Пол не ясен. Сделано из серой гранитной крупнозернистой плиты. Я.А. Шером описана под №103 [Шер 1967: 114].

Чейчекское (рис. II. 1). Найдено в 2,5–3 км от бывшего культцентра, в местности Чейчек. Изображает мужскую фигуру. Голова объемно выделена, овальной формы. На лице низким рельефом показаны миндалевидные глаза с хорошо просматриваемыми зрачками, утолщенный книзу нос, под ним – длинные усы и небольшой рот. Другие элементы не изображены. Изваяние сделано из серого гранита размерами 90 × 47 × 20 см [Москалев 1986].

Кегетинское (рис. II. 2). Зафиксировано с южной стороны перед перевалом Кегеты. Выполнено низким рельефом из серого гранита. Изображает мужскую фигуру. Широкие плечи хорошо отделяют объем головы овальной формы. На лице одной линией выбиты миндалевидные глаза, нос и брови. Усы и рот непропорционально малы. Четко просматриваются уши. Правая рука показана согнутой под острым углом; она держит круглодонную чашу. На поясе с правой стороны изображен кинжал. Размеры изваяния 103 × 50 × 20 см. В этом месте находится еще четыре каменных изваяния,

но их описать не представляется возможным, так как они были повалены и находятся в заболоченном грунте [Москалев 1986].

Кумдобинское (рис. II. 3). Найдено на поле близ с. Кум-Добе. Выполнено низким рельефом из серого гранита. Изображает мужчину-воина. Голова объемно не выделена. Черты лица выбиты небрежно. Хорошо изображены брови, нос, рот, усы. Борода расчесана на две стороны. В правом ухе каплевидная серьга; левое не показано. Правая рука согнута в локте под прямым углом и двумя пальцами держит бокаловидный сосуд на ножке. Кисть левой руки показана на эфесе сабли; на ней хорошо изображены четыре пальца, держащие оружие. Ниже высечен кинжал. Размеры 92 × 32 × 22 см. В настоящее

время каменное изваяние находится в средней школе с. Кум-Добе [Москалев 1986].

Чалайское (рис. II. 4). Зафиксировано у моста через р. Чалай. Выполнено низким рельефом из серого гранита. Изображает фигуру с монголоидными чертами лица. Голова отделена от туловища линией. На лице показаны брови, глаза, нос, рот, усы. В ушах – серьги в виде шести лепестков. В правой руке, согнутой под острым углом, на уровне груди изображен сосуд с ножкой, который держится тремя пальцами. Кисть левой руки опущена на уровень пояса. Показаны рукава одежды. Размеры 105 × 30 × 15 см. Хранится в фондах КГИМ, куда оно было вывезено в 1996 г. [Москалев 1986].

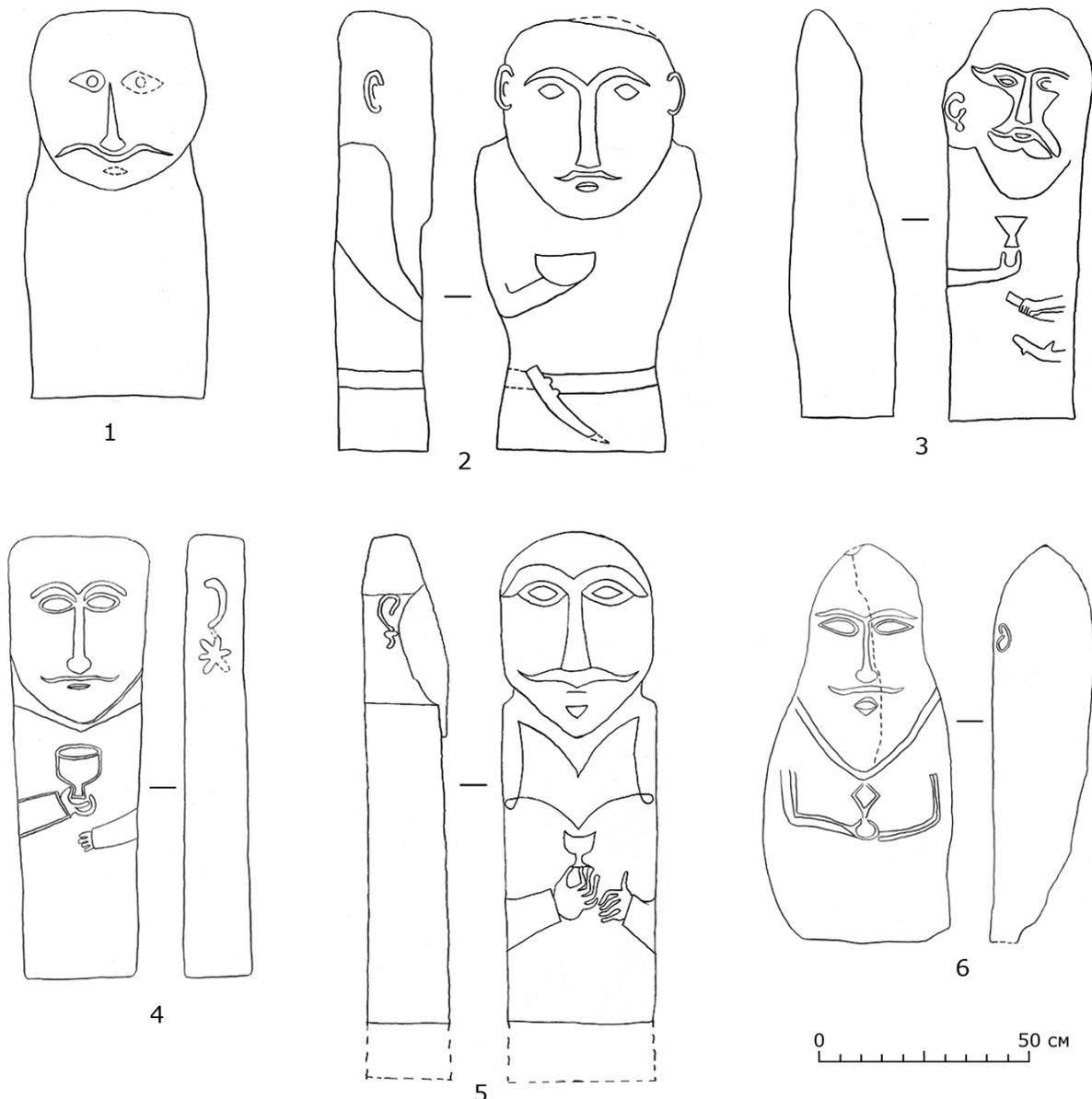

Рис. II. Каменные изваяния

Усупбекское (рис. II. 5). Найдено вкопаным в землю на 30 см в местности Усуп-Бек. Выполнено низким рельефом из серого гранита. Изображает мужчину. Голова объемно выделена короткой шеей и узкими плечами. На лице показаны Т-образные брови и нос, несколько расширяющийся книзу. Глаза большие, широкие. Усы пышные. Рот непропорционально мал. Подбородок показан заостренным. Под ним изображены двусторонние широкие отвороты кафтана. В правой руке, согнутой в локте под острым углом, изображен бокал с цилиндрическим резервуаром на короткой ножке. Левая рука также показана согнутой в локте, и ее кисть находится рядом с правой. По пять пальцев на каждой кисти переданы несколько манерно. Размеры изваяния 115 × 35 × 18 см [Москалев 1986].

Талдыбулакское (рис. II. 6). Обнаружено в ущелье Талды-Булак. Изображает мужскую фигуру с монголоидными чертами. Брови, глаза, нос, усы, рот и уши четко выбиты. Голова от туловища отделена двумя линиями, которые, возможно, изображают горловину кафтана. Левая и правая рука показаны в рукавах. Они согнуты под прямым углом. Правая рука двумя пальцами держит ромбовидный сосуд на ножке. По лицу проходит глубокая трещина камня. Размеры изваяния 90 × 45 × 22 см. Хранится в музее средней школы с. Кум-Добе [Москалев 1986]³.

Эпиграфика

В 1989–2000 гг. в юго-восточной части Кочкорской долины, в местности Кок-Сай, археологами КНУ им. Ж. Баласагына К.Ш. Табалдиевым и О.А. Солтобаевым были открыты восемь древнетюркских рунических надписей [Табалдиев, Солтобаев 2001: 68–73]. Затем в этой же части долины в 2000–2006 К. Табалдиевым обнаружено еще несколько надписей. В настоящее время в Кочкорской долине выявлено 25 памятников тюркской рунической письменности. В ряде случаев рунические надписи сопровождаются арабграфичными надписями Средневековья и Нового времени. Первые восемь рунических надписей были прочтены разными специалистами [Кляшторный 2004; Кызласов 2005].

Поселения и памятники поселенческой культуры

Поселение Чап. Расположено в юго-восточной части Кочкорской долины, в местности, давшей ей свое название. Объект находится внутри пространства, окруженного гря-

дами из поставленных на ребро массивных валунов, образующих своеобразный каменный вал. Ориентировочно поселение занимает участок 30 × 40 м. В ходе предварительных раскопок все артефакты были обнаружены на глубине 0,80–1,20 м. Датируется раннежелезным веком [Табалдиев 2004; Табалдиев 2005].

Поселение Кочкор-Ата. Находится в 4 км к северу от одноименного урочища вблизи мавзолеев Кырк-Чоро у с. Дон-Алыш. В плане – прямоугольник 400 × 800 м. Валы сильно оплывшие. Обследовано А.Н. Бернштамом и А.К. Кибировым. По подъемному материалу датируется X–XII вв. [Труды... 1950: 27; Кибиров 1959: 62].

Поселение Чолпон. Расположено восточнее одноименного села. Имеет прямоугольную форму с длиной сторон 40 × 60 м. По углам прослеживаются следы башен, а въезд, исходя из топографии, находился в южной стене. Раскопки не производились. На основании подъемного материала датировано X–XII вв. [Москалев 1985].

Следы древних арыков, выложенных камнями. Находятся на террасе на левом берегу р. Суек южнее с. Мантыш, среди курганов могильника Кызыл-Добе [Москалев 1986].

Мавзолеи Кырк-Чоро. Находятся на северо-восточной окраине с. Дон-Алыш. В комплекс входит 14 усыпальниц из сырцового кирпича с мощными порталами и купольными перекрытиями. В плане они имеют прямоугольную или квадратную форму. Следы декора отсутствуют. Местные легенды утверждают, что в них похоронены сподвижники Манаса. Изучались А.Н. Бернштамом и Д.Ф. Винником. Датированы XVI–XVIII вв. [Труды... 1950: 27].

Петроглифы

Местонахождение Семиз-Бель. Находится на небольшой возвышенности в 900–1100 м юго-восточнее одноименного села. На камнях выбиты изображения фигур козлов, верблюдов и сцены охоты [Москалев 1986].

Местонахождение Суттуу-Булак. Расположено в долине оз. Сон-Куль в одноименной местности. Изображения выбиты на скалах. В основном изображают козлов [Москалев 1986].

Местонахождение Кок-Сай. Расположено в одноименной местности восточнее с. Кочкорка. Большинство из петроглифов выбито на валунах, разбросанных на 2–3 км в широтном направлении в предгорной зоне. На камнях, покрытых патиной, нанесены изображения козлов, оленей, верблюдов, собак, сцен

охоты. На одном из камней изображены два человека, несущие третьего на носилках [Москалев 1986].

Местонахождение Ири-Суу. Наскальные рисунки находятся слева от дороги Сары-Булак – Кара-Куджур, между 14–15 км, на правом берегу р. Ири-Суу. На камнях изображены разносюжетные рисунки. На одном из них, например, сцена охоты человека с луком на козла. Ниже локтя стрельца намечен маленький козленок. Высота человека 15 см, козлов – от 4 до 14,5 см. На другом камне нанесена фигурка человека высотой 27 см. Особый интерес представляет изображение оленя-солнце: у него в рогах изображен козел, на спине которого сидит волк и терзает оленя (высота оленя 50 см, длина 35 см, высота рогов 27 см; волк длиной 13,5 см, высотой 6,5 см). Второй олень имеет высоту 38 см, длину 36,5 см, высоту рогов 15 см. Внутри рогов оленя-солнца – фигура козла. На этом камне в общей сложности выбито семь фигур козлов [Москалев 1986].

Местонахождение на 30-м км дороги Кочкорка – Комсомол. Наскальные рисунки изображают козлов, верблюда и человека с луком. Вблизи них находятся могильник и кошара [Москалев 1986].

Местонахождение Суек. Наскальные рисунки зарегистрированы в ущелье, из которого вытекает р. Суек, на ее левом берегу. Открыты в 1989 г. И.М. Москалевым. Выбиты на камнях по обе стороны дороги и тянутся на 1,5–2 км с востока на запад. В основном это фигурки козлов, оленей, волков, верблюдов, сцены охоты и одиночные фигуры человека [Москалев 1989].

Местонахождение Суек-1. Наскальные рисунки выявлены на левом берегу р. Суек вблизи р. Мантыш. Они представлены фигурками козлов и лошади [Москалев 1989].

Местонахождение Сонкульское. Расположено слева от дороги перед въездом в восточную часть Сонкульской долины. Петроглифы выбиты на больших камнях и изображают солярные знаки, сцены охоты и фигурки козлов [Москалев 1986].

Местонахождение Кара-Булун. Расположено на камнях и близлежащих к могильнику

Кара-Булун-1 скалах. Зафиксированы изображения козлов [Москалев 1986].

Местонахождение Чолпон. Расположено на скалах у 25-го км дороги Кочкорка – Комсомол вблизи могильника Чолпон-1. Зафиксированы изображения козлов [Москалев 1986]⁴.

Учет памятников археологии имеет большое научное и практическое значение для сохранения исторической памяти территорий и народов, на них проживавших. Полное выявление памятников позволяет более обоснованно и всесторонне подходить к исследованиям древнего прошлого, а также к проблемам охраны и использования археологических объектов как части мирового культурного наследия, в туристических целях и во благо современного народа Кыргызстана. И памятники Кочкорского района весьма показательны в этих аспектах.

Данный перечень археологических памятников не является полным и окончательным. Это именно материалы. Дальнейшие исследования позволят более полно воссоздать археологическую карту этого региона нашей республики, выявить новые объекты и углубить знания об уже открытых.

Примечания

1. Административная единица. Дословно – сельская управа.

2. С 1954 г. – Кыргызский государственный университет (КГУ); в 90-е годы XX в. – Кыргызский государственный национальный университет (КГНУ); в настоящее время – Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына.

3. Во время исследований памятников средневековых кочевников в Кочкорской и Кара-Кужурской долинах К.Ш. Табалдиевым целенаправленно были исследованы около 30 поминальных оград с каменными изваяниями (См. [Табалдиев 1996: 60–82, рис. 26–27]).

4. В течение 1990–2007 гг. в юго-восточной части Кочкорской долины, в местностях Беш-Таш-Короо, Кара-Тоо, Кёк-Сай, Бейрёк-Булак, Кыргызбай Булун К. Табалдиевым, Ю.С. Худяковым, О. Солтобаевым, Ч. Жолдошовым были обнаружены и исследованы наскальные рисунки эпохи раннего железа и Средневековья [Худяков, Табалдиев 1995; Chudjakov, Tabaldiev 1996; Tabaldiyev, Soltobaev 2002; Hudjakov, Tabaldiev 2003; Табалдиев, Жолдошов 2003].

Abstract

THE DATE ON THE ARCHEOLOGICAL MAP OF KOCHKOR DISTRICT

M.I. Moskalev

The archaeological sites of Kochkor district still are not well studied. The present article collects and represents the results of archeological works in this district including the works of the author. As result of this activity there were registered and studied different types of archaeological sites: medieval settlements and burial mounds and stone statues.

Литература

- Абетеков 1988 – *Абетеков А.К.* Полевой отчет Шамшинского археологического отряда Киргизской историко-археологической экспедиции за 1987-1988 гг. – Фрунзе, 1988. – Археологический архив ИИ НАН КР.
- Абетеков 1989 – *Абетеков А.К.* Новые памятники саков-тиграхауда во Внутреннем Тянь-Шане // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). – Кемерово, 1989.
- Бернштам 1952 – *Бернштам А.Н.* Историко-археологический очерк Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.; Л., 1953. – (МИА, №26).
- Бернштам 1939 – *Бернштам А.Н.* Археологические работы в Казахстане и Киргизии // ВДИ. – 1939. – №4.
- Деревянко и др. 1996. – *Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Зенин А.Н. Табалдиев К.Ш.* Поиски памятников эпохи палеолита на территории Кыргызстана в 2000 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. 5. – Новосибирск, 2000.
- Винник 1949 – *Винник Д.Ф.* Археологические экспедиции 1949 г. // Тр. ТКГПИ. – Вып. 2. – 1951.
- Винник 1974 – *Винник Д.Ф.* Памятники архитектуры Иссык-Кульской котловины XIII-XV вв. // ПК. – Вып. 2. – 1974.
- Иссык-Куль. Нарын: Энциклопедия. – Бишкек, 1991.
- Кибиров 1959 – *Кибиров А.* Археологические работы в Центральном Тянь-Шане // ТКАЭЭ. – Т. 2. – М., 1959.
- Кляшторный 2004 – *Кляшторный С.Г.* Древние рунические надписи на Центральном Тянь-Шане // Источниковедение Кыргызстана. – Бишкек, 2004.
- Кожомбердиев, Кузьмина 1980 – *Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е.* Шамшинский клад эпохи бронзы в Киргизии // СА. – 1980 – №4.
- Кузьмина, Кожомбердиев 1982 – *Кузьмина Е.Е., Кожомбердиев И.* Шамшинский клад // По следам памятников истории и культуры Кыргызстана. – Фрунзе, 1982.
- Кызласов 2005 – *Кызласов И.Л.* Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // МИАК. – Вып. 1. – 2005.
- Москалев 1985 – *Москалев М.И.* Отчет Нарынской археологической экспедиции 1985. – Архив кафедры археологии и этнологии КНУ им. Ж. Баласагына.
- Москалев 1986 – *Москалев М.И.* Отчет Нарынской археологической экспедиции 1986. – Архив кафедры археологии и этнологии КНУ им. Ж. Баласагына.
- Москалев 1989 – *Москалев М.И.* Отчет Нарынской археологической экспедиции 1989. – Архив кафедры археологии и этнологии КНУ им. Ж. Баласагына.
- Москалев 2000 – *Москалев М.И.* Отчет Нарынской археологической экспедиции 2000. – Архив кафедры археологии и этнологии КНУ им. Ж. Баласагына.
- Москалев, Солтобаев 2003 – *Москалев М.И., Солтобаев О.А.* Памятники бронзового века Нарынской области // ВКНУ им. Ж. Баласагына. Сер. 1. – Бишкек, 2003.
- Москалев, Табалдиев, Митько 1996 – *Москалев М.И., Табалдиев К.Ш., Митько О.А.* Культура средневекового населения Внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии. – Бишкек, 1996.
- Мусаев 1974 – *Мусаев С.* «Манас» – уникальный памятник культуры кыргызского народа // ПК. – Вып. 2. – 1974.
- ОАК 1892 – Отчет императорской археологической комиссии за 1889. – СПб., 1892.
- ОАК 1893 – Отчет императорской археологической комиссии за 1891. – СПб., 1893.
- Табалдиев 1996. – *Табалдиев К.Ш.* Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек, 1996.
- Табалдиев 1998 – *Табалдиев К.Ш.* Отчет Кочкорского археологического отряда за 1998 год. – Археологический архив ИИ НАН КР.
- Табалдиев 2002 – *Табалдиев К.Ш.* Новые древнетюркские рунические надписи Кочкорской и Таласской долин // Труды факультета истории и регионоведения. – Вып. X. – Бишкек, 2002.
- Табалдиев 2003 – *Табалдиев К.Ш.* Новые сведения об археологических памятниках Кочкорской долины (по данным исследований АУК в 2002 году) // АВ. – Вып. 1. – 2003.

- Табалдиев 2004 – *Табалдиев К.Ш.* Поселения ранних кочевников // ТД II Международной научной конференции «Роль и место тюркской цивилизации среди других цивилизаций». – Бишкек, 2004.
- Табалдиев 2005 – *Табалдиев К.Ш.* О поселениях ранних кочевников Тянь-Шаня // Турк цивилизациясынын дуйнолук цивилизациялар ичиндеги орду. II эл аралык турк цивилизациясы конгрессинин материалдары. (Second international congress on tucic civilization. Bishkek, Oktober 4–6, 2004). – Бишкек, 2005.
- Табалдиев, Алимов 2004 – *Табалдиев К., Алимов Р.* Байыркы турктордун Талас жергесинде табылган жабы эстеликтери // Турк цивилизациясы жана мамлекеттик салты. – Бишкек, 2004.
- Табалдиев, Жолдошов 2003 – *Табалдиев К.Ш., Жолдошов Ч.* Образцы изобразительной деятельности древнетюркских племен Тенир-Тоо // «Манас» Университети. Коомдук илимдер журналы. – Бишкек, 2003.
- Табалдиев, Жолдошев 2007. – *Табалдиев К.Ш., Жолдошев Ч.* Позднесредневековые курганы Тянь-Шаня в свете новых исследований // Средневековая археология евразийских степей. – Т. 1. – Вып. 1. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Казань, 14–16 февраля 2007 г. – Казань, 2007.
- Табалдиев, Солтобаев 1993. – *Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.* Исследование памятника Беш-Таш-Короо // ТД научной конференции профессорско-преподавательского состава исторического факультета. – Бишкек, 1993.
- Табалдиев, Солтобаев 2001 – *Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.* Рунические надписи Кочкорской долины // Изв. НАН КР. – 2001. – №1–2.
- Табалдиев, Солтобаев 2001 – *Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.* Рунические надписи Кочкорской долины // Изв. НАН КР. – 2001. – №1–2.
- Табалдиев, Солтобаев 2001 – *Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.* Рунические надписи Кочкорской долины // «Манас» Университети. Коомдук илимдер журналы. – Бишкек, 2001.
- Труды... 1950 – Труды Семиреченской археологической экспедиции. – М.; Л., 1950. – (МИА, №14).
- Худяков и др. 1996. – *Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.* Многофигурные композиции на костяных пластинах из памятника Суттуу-Булак // Новейшие археологические и этнографические открытия Сибири. Материалы IV сессии Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. – Новосибирск, 1996.
- Худяков и др. 1997. – *Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.* Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрков на Тянь-Шане // РА. – 1997.
- Худяков и др. 2002 – *Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.* Комплекс памятников с руническими надписями в местности Кок-Сай в Кочкорской долине на Тянь-Шане // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3 (11).
- Худяков, Табалдиев 1995 – *Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш.* Сравнительный анализ изображений лучников на петроглифах Южной Сибири и Тянь-Шаня // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири // ТД X Западносибирского археолого-этнографического совещания памяти В.Н. Черенцова. – Томск, 1995.
- Фетисов 1878 – *Фетисов А.М.* Экскурсия в горы Заилийского, Терскей и Кунгей Алатау // ТВ. – 1878. – №3–4.
- Шер 1966 – *Шер Я.А.* Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л., 1966.
- Anke & other 1997 - *B. Anke, M. Moskalev, O. Soltobaev, K. Tabaldiev.* Ausgrabungen auf dem Graberfeld von Süttüü-Bulak. Rai. Kockor. Kyrgyzstan. // EURASIA ANTIGUA. Zeitschrift für archäologie Eurasians. Bn. 3. – Berlin, 1997. – (на нем. яз.).
- Chudjakov, Tabaldiev 1996 – *Chudjakov Julij, Tabaldiev K.Š.* Bodenschützen-Darschtellung auf Felsbildern im Altai und im Tien-Shan // EURASIA ANTIGUA. Zeitschrift für archäologie Eurasians. – Bd. 2. –Berlin, 1996. – (на нем. яз.).
- Hudjakov, Tabaldiev 2003 – *Hudjakov J.S, Tabaldiev K.Sh.* Petroglyphs Kara-Too // Manas Üniversitesi. Sosyal bilimler dergisi. Sayı:5. – Bişkek, 2003. – (на англ. яз.).
- Pumpell 1905 – *Pumpell R.* Explorations in Turkestan. – Washington, 1905. – (на англ. яз.).
- Tabaldiev 2002 – *Tabaldiev Kubat S.* I nomadi medioevali del Kirghistan // Pastori erranti dell' Asia.popoli, archeologia e storia nelle steppe dei Kirghisi. Napoli, Museo Archaologico. – Nasionale, 2002. – (на итал. яз.)
- Tabaldiyev 2002 – *Tabaldiyev K.* Koçkor ovasy kadim türk yazitlari // TÜRKSOY. Türk Dünyasi Kültür, Sanat, Bilim, Haber ve Araştırma Dergisi. – Yil. 2. – Cilt 1. – Sayı 5. – Ocak, 2002. – (на турецк. яз.).
- Tabaldiyev, Soltobaev 2002 – *Tabaldiyev K.Sh. and Soltobaev O.A.* Petroglyphs with Runik Inscritptions in the Kochkor Valley, Central Tienshan // Silk Road Studies. – 2002. – № 2 (March). – Tokyo, 2002. – (на япон. яз.).
- Tabaldiyev, Soltobaev 2002 – *Tabaldiyev K.Sh. and Soltobaev O.A.* Petroglyphs with Runik Inscritptions in the Kochkor Valley, Central Tienshan // Silk Road Studies.– Tokyo, 2002. – №2. – P. 41–49. – (на япон. яз.).

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ КОШОЙ-КОРГОНСКОГО МУЗЕЯ

М.И. Москалев, О.А. Солтобаев*

*Кошой-Коргонский музей / каменные изваяния / тюркский период
Koshoiy-Korgon's museum / Stone sculpture / the turks period*

В 2005 г. в долине р. Ат-Баши вблизи средневекового городища Кошой-Коргон было начато и 2007 г. завершено строительство археолого-архитектурного музея¹. Среди местного населения была проведена большая работа по сбору материалов археологического и этнографического характера для формирования его фондов и экспозиции. Среди прочих в музей были переданы шесть каменных изваяний, не известных ранее науке. Их публикации посвящена настоящая заметка.

Каменные изваяния являются одним из интереснейших типов памятников археологии. Им одним из первых среди древностей Кыргызстана было уделено внимание. Еще в 1856 г. российский офицер Чокан Валиханов, отправленный в Восточное Прииссыккулье с дипломатической миссией, в своем дневнике описал и зарисовал несколько каменных изваяний [Валиханов 1984: 341–345]. После вхождения территории Кыргызстана в состав России описания изваяний, благодаря усилиям путешественников, военных, краеведов и членов Туркестанского кружка любителей археологии, регулярно появляются в печати [Голубев 1861; Фетисов 1878; Аничков 1897; Каллаур 1898 и др. См.: Винник 1995].

О каменных изваяниях Ат-Башинской долины, как и о многих других древностях Кыргызстана, одним из первых сообщает В.В. Бартольд. Им по поручению Санкт-Петербургского университета и Академии наук России была проведена специальная поездка по северу нашей республики для ознакомления с древностями. В отчете этой экспедиции со слов её участника художника С.М. Дудина, посетившего долину в 1894 г., упоминаются три атбашинских каменных изваяния. Первое из них было зафиксировано в местности Туя-Куйрук, вблизи перевала Май-Сейли, в 80–

90 км от городища Кошой-Коргон [Бартольд 1966: 41]. Другое находилось к югу от с. Ат-Баши. Оно располагалось в двух шагах к западу от разрытой прямоугольной оградки со скелетом человека, обложенного в два слоя плитами из песчаника [Бартольд 1966: 61]. Третье, зафиксированное у источника Талды-Булак в 30 км от с. Ат-Баши в верховьях одноименной реки, также было вкопано у западной стороны каменной оградки; переданы головной убор в виде шлема, на спине – бороzdки, на правом боку – кисет. К сожалению, современное местонахождение изваяний не известно. Невозможно определить и места их обнаружения, так как указанные привязки не сохранились в современной топографической и административной номенклатуре и памяти местного населения.

В 1984 г. местные жители указали нам местонахождение каменной скульптуры в местности Сары-Коо. Сотрудники Нарынской археолого-этнографической экспедиции КГУ², с 1980 г. проводившей стационарные раскопки на городище Кошой-Коргон и археологические разведки по всему Ат-Башинскому району, произвели его фиксацию и описание. Оно располагалось в 2,5 км к юго-западу от с. Казык, у выхода из ущелья Сары-Коо. Изваяние выполнено из серого гранита. Правая рука скульптуры изображена держащей на уровне груди чашевидный сосуд. На поясе показаны меч или кинжал. Брови и нос переданы единым рельефом. Размеры изваяния 135 × 42 × 23 см. В настоящее время изваяние находится в здании Жогорку Кенеша.

Точное первоначальное местонахождение большинства из шести изваяний, переданных в Кошой-Коргонский музей, не устанавливается; места же, из которых они были доставлены, вторичны.

Изваяние 1. Выполнено из серого песчаника. Рельефно намеченная шея отделяет голову от туловища. На лице изваяния хорошо видны глаза, брови, нос и рот, переданные невысоким рельефом. Высота скульптуры 95 см,

* Москалев Михаил Иванович – КНУ им. Ж. Баласагына. Кыргызстан, г. Бишкек.

Солтобаев Ороз Азекевич – КНУ им. Ж. Баласагына. Кыргызстан, г. Бишкек.

ширина 27 см, толщина 24 см. По словам К. Кермалиева, доставившего изваяние в музей, оно было найдено им в 1955 г. в Аксайской долине и перевезено в с. Кызыл-Туу (рис. I. 1).

Изваяние 2. На нем показано только лицо, объемно не выделенное из монолита камня. Т-образные брови и нос переданы единой низкой рельефной складкой. Глаза узкие. Небольшой рот отделен от носа узкой удлиненной складкой, передающей усы. Заостренный подбородок показан высеченной линией. Высота скульптуры 95 см, ширина 40 см, толщина 23 см. До передачи в музей находилось в районном акимате (рис. I. 2).

Изваяние 3. Голова показана рельефно. Лицо округлой формы. Нос и брови переданы

одной рельефной линией, глаза миндалевидные, рот небольшой. На уровне груди в правой руке бокаловидный сосуд; кисть левой руки изображена непосредственно под правой. На каменном изваянии рельефно обозначена одежда – длиннополый кафтан с правым (?) запахом, показанный широкими отворотами в верхней части и краем полы в нижней, и головной убор типа тубетейки. На шее – мониста из прямоугольных блях, в центре которой крупная ромбическая бляха-«подвеска». Высота скульптуры 115 см, ширина 40 см, толщина 27 см. Изваяние передано в музей из с. Ак-Тала Т. Душенбиевым; первоначально, возможно, находилось в местности Босого (рис. I. 3).

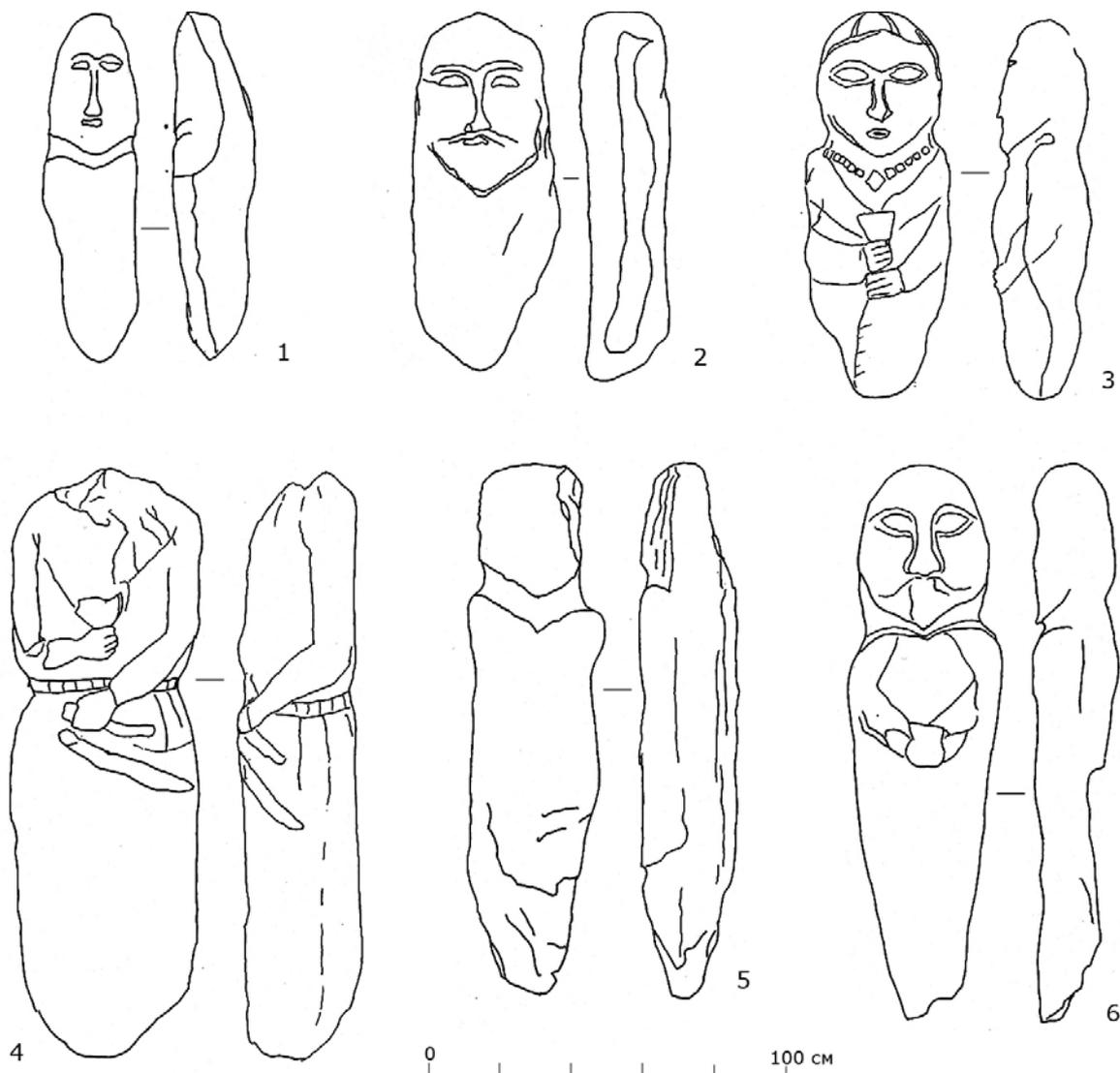

Рис. I. Каменные изваяния Кошой-Коргонского музея

Изваяние 4. Выполнено из песчаника. Крупное, с хорошо показанными объемом плечами и талией; голова утрачена. Правая рука высечена согнутой в локте, на уровне груди держащей бокаловидный сосуд. Левая показана опущенной на рукоять кинжала; ниже изображен меч. Одежда обозначена краями зауженных длинных рукавов и широкими отворотами кафтана; также передан узкий пояс с бляхами. Высота скульптуры 160 см, ширина у пояса 40 см, толщина 30 см. В музей доставлено из с. Кара-Булун М. Карагуловым (рис. I. 4).

Изваяние 5. Короткая объемно выделенная шея отделяет голову подпрямоугольных очертаний от четко показанных плеч тулова. Черты лица, как и другие реалии, не прослеживаются; лишь объемно изображены округлый подбородок и небольшой треугольный вырез одежды под горлом. Высота скульптуры 114 см, ширина 35 см, толщина 27 см. Доставлено в музей из с. Озгоруш (рис. I. 5).

Изваяние 6. Выполнено из песчаника. Голова выделена объемно посредством передачи покатых коротких плеч и линии подбородка

на фронтальной поверхности скульптуры. Нос и брови показаны одной рельефной линией. Глаза миндалевидные. Усы переданы нечетко. Подбородок заострен. Две руки изображены держащими сосуд. В верхней части тулова показаны отвороты кафтана. Высота скульптуры 145 см, ширина 41 см, толщина 20 см. Выявлено Т. Абдыкеримовым в с. Сары-Коо у дороги Нарын – Ат-Баши (рис. I. 6).

Безусловно, вырванные из контекста своего первоначального местоположения изваяния утрачивают значительный объем заложенной в них информации. Но, с другой стороны, аккумуляция изделий в музее позволяет надежно их сохранить и сделать доступными как для исследователей, так и для широкого круга посетителей музея.

Примечания

¹ Строительство музея было начато по инициативе депутата Жогорку Кенеша (Парламента) Кыргызстана А. Салымбекова.

² Кыргызский государственный университет им. 50-летия СССР, ныне – Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына.

Abstract

STONE SCULPTURE OF KOSHOIY-KORGON'S MUSEUM M.I. Moskalev, O.A. Soltobaev

In article set out the brief history of studying of stone sculptures into a At-Bashy valley. Also six stone sculptures new into a science are described.

Литература

- Аничков 1897 – *Аничков И.И.* О каменных бабах в окрестностях Мерке // ПТКЛА за второй год его деятельности. – Ташкент, 1897.
- Бартольд 1966 – *Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1883–1884 гг. // Соч.– М., 1966. – Т. 4.
- Валиханов 1884 – *Валиханов Ч.В.* Дневник поездки на Иссык-Куль // Соч. – Алма-Ата, 1984. – Т. 1.
- Винник 1995 – *Винник Д.Ф.* История изучения каменных изваяний Кыргызстана // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. – Бишкек, 1995.
- Голубев 1861 – *Голубев А.Ф.* Отрывок из путешествия в Среднюю Азию. Заилийский край // ЗРГО. – Кн. 3. – СПб., 1861.
- Каллаур 1898 – *Каллаур В.А.* Каменные бабы Аулие-Атинского уезда // ПТКЛА за третий год его деятельности. – Ташкент, 1898.
- Москалев 2006 – *Москалев М.И.* Памятники археологии Ат-Башинского района // ВКНУ им. Ж. Баласагына. Сер. 1. – Вып. 5. – Бишкек, 2006.
- Фетисов 1878 – *Фетисов А.М.* Экскурсии в горы Заилийского, Терксей и Кунгей Ала-Тай // ТВ. – 1878. – №4.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ВСАДНИЧЕСКИЕ МЕЧИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С.С. Иванов*

Центральная Азия / ранний железный век / ранние кочевники / всаднические мечи
Central Asia / early iron age / ancient nomads / cavalry swords

Меч – универсальный вид наступательного оружия, предназначенный в большей степени для рубки, в меньшей – для колюще-режущих ударов [Горелик 1993: 27].

Мечи по своим функциям и длине клинка подразделяются на длинные и короткие. Однако в типологизации конкретных артефактов у оружейников существуют самые расхожие мнения. Впрочем, большинство ученых сходится во мнении, что мечи длиной от 50 до 70 см следует относить к коротким, а мечи более 70 см – к длинным [Хазанов 1971: 5, 15; Клепиков 2002: 21–22]. М.В. Горелик предлагает подразделить также длинные мечи на оптимальные (70–90 см) и специальные всаднические (длиной более 90 см), подкрепляя это тем, что оптимальные мечи были одинаково удобны и для рубки с коня, и в пешем бою, а мечи более 90 см в длину более всего приспособлены для конного боя [Горелик 1993: 27–28]. Но для кочевых обществ подразделение мечей на оптимальные и специальные кавалерийские несколько теряет логику, так как у кочевников во все времена конница всегда играла несоизмеримо большее значение, чем пехота. Поэтому мечи более 70 см в длину в данном случае стоит рассматривать именно как кавалерийские.

Характерной особенностью мечей рассматриваемого периода в Центральной Азии, а также на всем степном пространстве Евразии является то, что они внешне очень близки современным им кинжалам; единственное различие состояло в длине клинка.

Длинные всаднические мечи сравнительно редко встречаются в сакский период на территории Центральной Азии. Для рассматриваемого времени известно пока только

шесть находок мечей и их фрагментов, поддающихся типологическому определению: четыре из них были обнаружены в Приаралье, два – в Семиречье. Все они изготовлены из железа.

Малочисленность мечей в Центральной Азии не позволяет прибегнуть к хорошо разработанной классификации клинкового оружия скифского периода, поэтому они будут рассмотрены индивидуально с выделением значимых для типологии и хронологии мечей и кинжалов элементов в соответствии с принятой в оружейведении терминологии.

В Приаралье найденные длинные мечи территориально распределяются следующим образом: два из них были обнаружены в могильнике Тагискен (курганы 53 и 59), по одному – в могильниках Каскажол и Чирик-Рабат.

Меч длиной 125 см в кургане 53 могильника Тагискен лежал в ногах погребенного. Навершие меча овально-брусковидное. Перекрестье массивное, бабочковидное, украшенное золотой тисненой пластинкой-накладкой с изображением головы архара. На мече сохранились остатки деревянных ножен с обкладкой из золотой фольги и золотым наконечником на конце (рис. I. 1).

Меч из кургана 59 Тагискена имел длину 110 см. Навершие меча плохой сохранности, вероятно, было антенным. Перекрестье почковидное. Рукоять рамочная, то есть с двумя рельефными валиками по бокам. Клинок прямой, линзовидный в сечении. Похоже, что он, как и меч из кургана 53, имел деревянные ножны с золотой обкладкой, о чем свидетельствует фрагмент золотой пластины с изображением хищника (рис. I. 2).

С.П. Толстов и М.А. Итина датировали оба меча из Тагискена V в. до н.э. [Толстов, Итина 1966: 166–168]. Позднее их дата была несколько удревнена М.А. Итиной и Л.Т. Яб-

* *Иванов Сергей Сергеевич* – КНУ им. Ж. Баласагына. Кыргызстан, г. Бишкек, sak@yandex.ru

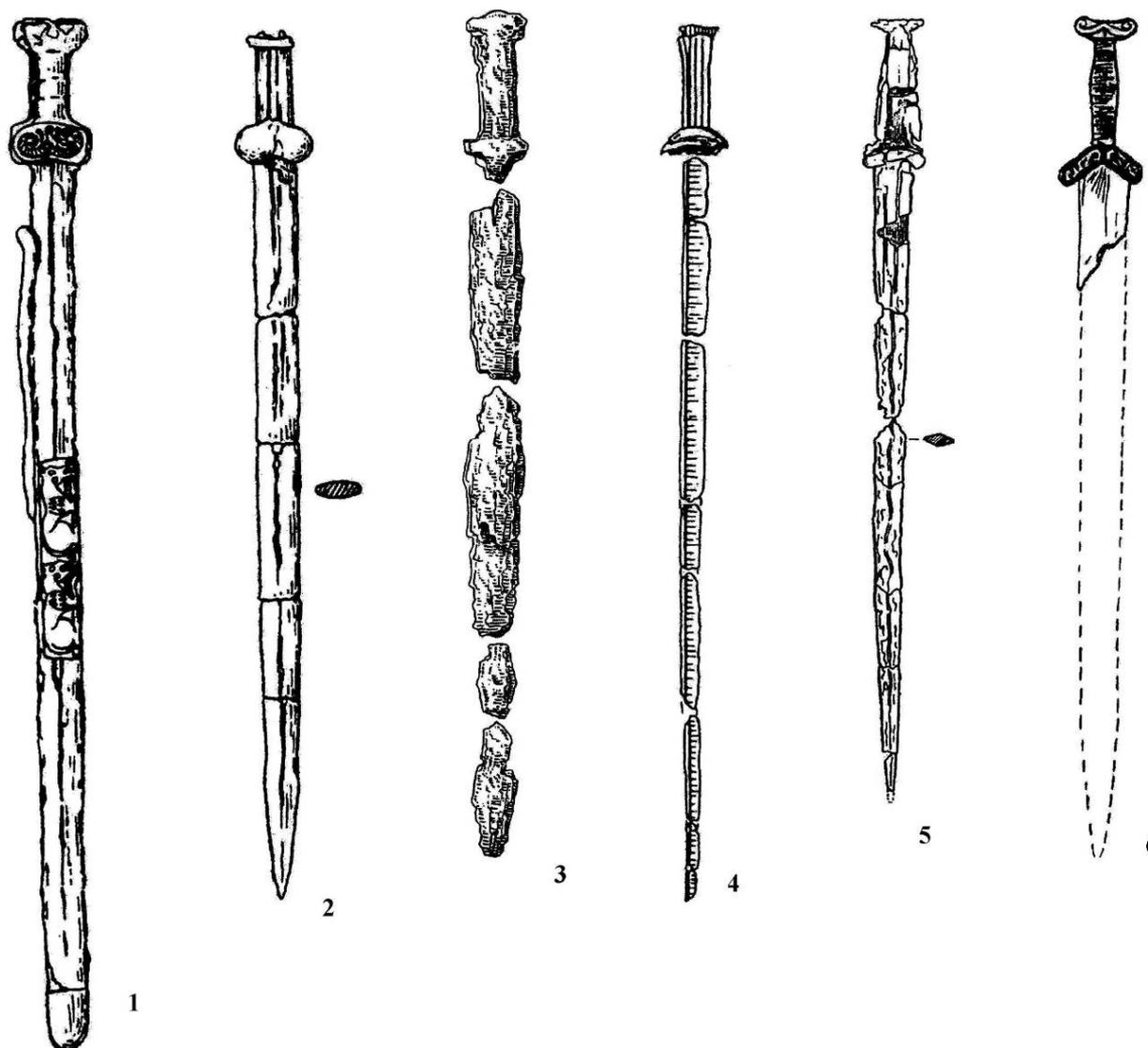

Рис. 1. Мечи древней Центральной Азии:
 1 – могильник Тагискен, курган 53, 2 – могильник Тагискен, курган 59;
 3 – могильник Чирик-Рабат, курган 1; 4 – могильник Курты, курган 59;
 5 – могильник Каскажол, курган 4; 6 – курган Иссык (без масштаба)

лонским – VI – начало V в. до н.э. [Итина, Яблонский 1996: 45, рис. 44. 5, 55. 9]. Но, на наш взгляд, оба меча могут быть отнесены к рубежу VI–V вв. до н.э. В пользу этого свидетельствуют бронзовые наконечники стрел из колчана, найденного в кургане 53. Среди них полностью отсутствуют архаичные типы втульчатых двулопастных и черешковых с уплощенным клиновидным черешком, которые, как справедливо показала М.И. Медведская, еще в небольшом количестве продолжают встречаться в комплексах начала и середины VI в. до н.э., а к началу V в. до н.э. в среднеазиатских комплексах практически полностью исчезают [Медведская 1972: 88–89].

Оба меча находят аналогии из Северного Причерноморья, Поволжья и Приуралья, а также у кочевников Лесостепного Алтая и

Восточного Казахстана, относящиеся к раннему этапу развития скифоидных культур в этих регионах. Так, наибольшее типологическое сходство меч из кургана 53 имеет с железными всадническими мечами из Старшей могилы на Украине [Тереножкин, Ильинская 1984: 316–317], Кармир-Блур в Закавказье [Тереножкин 1975: 28–29, рис. 20. 11], Имирлера в Северо-Восточной Турции [Горелик 1993: 247, табл. XV. 49], Башкирии (Енактаево) [Горбунов, Исмагил 1976: 235–237, рис. 1. 2] и Лесостепного Алтая (Новообинка) [Могильников, Медникова 1985: 179, 183, рис. 1; Могильников 1997: 39]. Все перечисленные выше железные мечи имеют единственное отличие от тагискенского – это наличие рамочной рукояти, но такую рукоять имеет второй меч из рассматриваемого могильника (курган 59). Он

также находит значительные аналогии в степной части Евразии; ему наиболее близки мечи из Актюбинской области [Смирнов 1961: 17–18, рис. 2. 9] и из Зевакино в Восточном Казахстане [Могильников 1997: 41] – оба датируются рубежом VI–V вв. до н.э.

Третий меч, длиной 106 см, происходит из могильника Каскажол (курган 4) на Устюрте. Навершие меча брусковидное, с сужающимися концами. Перекрестье в виде сломанного под углом бруска. Клинок прямой, двулезвийный, ромбический в сечении (рис. I. 5). Он надежно датируется по найденным вместе с ним бронзовым втульчатым наконечником стрел и зеркалом – IV в. до н.э. [Ягодин 1978-а: 157, рис. 53. 5; Ягодин 1978-б: 87–88, рис. 2. 5].

Он действительно, как отметил В.Н. Ягодин, находит широкие аналогии преимущественно у ранних сарматов Южного Приуралья и, в меньшей мере, Поволжья [Ягодин 1978-а: 147]¹. Особенно близки устюртскому мечу длинные мечи из раннепрохоровских погребений Южного Приуралья [Мошкова 1963: 33, табл. 18. 11; Мошкова 1974: 23–25, рис. 5. 7–8; Смирнов 1961: 26–27, рис. 7. 11; Пшеничнюк 1983: табл. VII. 22], также датирующиеся IV в. до н.э.

Следующий меч, длиной около 79 см, происходит из кургана 1 на городище Чирик-Рабат в Восточном Приаралье. Навершие брусковидное или овальное. Перекрестье плохой сохранности, но, скорее всего, было узким, бабочковидным [Толстов 1962: рис. 82, в] (рис. I. 3). Он датирован IV в. до н.э. на основе типологически очень близких савроматских аналогий, некоторые из которых также имели значительную длину клинка, к примеру, меч из Красногорского могильника достигал 120 см. [Смирнов 1961: 23–24, рис. 6. 4]. К.Ф. Смирнов считает, что савроматские мечи и кинжалы этого типа появляются под влиянием скифских образцов, которые датируются несколько более ранним временем, чем сарматские и приаральский экземпляры, – концом V–IV вв. до н.э. [Смирнов 1961: 24].

В Семиречье – втором районе Центральной Азии, откуда известны длинные мечи, – они были обнаружены в кургане Иссык и в могильнике Курты.

Иссыкский меч имел клинок плохой сохранности, но в целом виде был длиной около 1 м. Его навершие – в виде слабо изогнутого бруска. Рукоять – эллипсоидная, т.е. несколько сужающаяся к перекрестию и навершию. Перекрестье в виде сломанного под

углом бруска. Клинок двулезвийный, в сечении линзовидный, с продольным желобком на обеих сторонах лезвия. Навершие и перекрестье инкрустированы золотыми пластинами, рукоять обвита золотой проволокой. Длина сохранившейся части – 20 см [Акишев 1978: 30, табл. 28] (рис. I. 6).

К.А. Акишев первоначально датировал курган Иссык V в. до н.э. [Акишев 1978: 39], но затем для него была предложена дата IV в. до н.э. В пользу этого свидетельствуют изогнутое навершие меча и эллипсоидная рукоять кинжала; такие элементы рукояти характерны для мечей и кинжалов IV – начала III вв. до н.э. степной части Евразии [Мошкова 1963: 23–25]. Поэтому наиболее вероятная дата для иссыкского меча – IV в. до н.э.

Сходные с иссыкским длинные мечи происходят преимущественно с территории Приуралья и Зауралья [Мошкова 1963: 33, табл. 18. 10–14; Хабдулина, Малютина 1982: 76, рис. 1. 10]. Все они датируются IV в. до н.э. Кроме того, один или несколько продольных долов на клинке имел также один из длинных мечей из Лесостепного Алтая, датирующийся IV–III вв. до н.э. [Могильников 1997: 45, рис. 39. 2].

Второй семиреченский меч длиной 80 см был найден в кургане 56 могильника Курты. Навершие меча плохой сохранности, и восстановить его форму трудно. Перекрестие дуговидное. Клинок прямой, однолезвийный, треугольный в сечении. Рукоять рубчатая (т.е. с тремя продольными рельефными валиками) [Агеева 1961: 24, рис. 4] (рис. I. 4).

На основании однолезвийности меч был отнесен к первой половине I тыс. н.э. [Досымбаева 1999: 11–12]. Но были упущены из виду очень важные элементы эфеса этого меча, такие, как дуговидное перекрестье, широко распространенное в степях Евразии в IV – начале III в. [Мошкова 1963: 59, табл. 19. 9–11] и рубчатая рукоять, характерная для архаических бронзовых и железных кинжалов VII–V вв. до н.э. и практически не встречающаяся после начала IV в. до н.э. [Кызласов 1972: 102–105, рис. 2. 1; Кубарев 1981: 30–42; Мокрынин, Плоских 1988: 20–22, рис. 19. 2].

Близкие прямые однолезвийные мечи были известны у скифов Северного Причерноморья в IV–III вв. до н.э. Единственной их особенностью было то, что они имели как бы половину рукояти скифского облика. А.И. Мелюкова считает, что на происхождение этой редкой группы мечей повлияли греческие однолезвийные кавалерийские ме-

чи – махайры, широко распространенные в греческих колониях Причерноморья [Сokolьский 1954: 132–136, табл. I. 3–7; Мелюкова 1964: 53–59, табл. 19. 8–11; Воронов 1975: 222–224, рис. 5. 26; Пичикян 1980: 208–210]. Однолезвийные мечи и кинжалы типа махайры с VII–VI вв. до н.э. известны в Волго-Камье, а с конца VI в. до н.э. – на Северном Кавказе. Единичные находки их зафиксированы также у савроматов Нижнего Дона V–IV вв. до н.э. [Горелик 1993: 40].

Впрочем, махайра и очень близкие ей аналогии широко применялись на Ближнем и Среднем Востоке в I-м тыс. до н.э., и, не касаясь вопроса происхождения и первичного района распространения здесь махайр, отметим, что они как оружие кавалеристов применялись в ахеменидском Иране [Горелик 1993: 40]. Широко они использовались и в Бактрии в ахеменидский и античный периоды, о чем свидетельствуют многочисленные находки махайр в Северной Бактрии [Пичикян 1980: 207; Горелик 1993: 40; Литвинский 2001: 247–248]. Поэтому возможность влияния махайр на появление однолезвийных мечей в древней Центральной Азии была не меньше, а скорее даже, выше, чем в Северном Причерноморье.

О влиянии такого специфического оружия эллинизма, как махайра, на мечи ранних кочевников косвенно свидетельствует и находка очень необычного меча в кургане 13 Старо-Кишишкского могильника в Южном Приуралье. Он однолезвийный, без металлических навершия и перекрестья, с изогнутым клинком, у которого рубящей была вогнутая сторона, как у махайры. М.Г. Мошкова датировала его по сопровождающим погребение вещам III–II вв. до н.э. [Мошкова 1963: 35, табл. 19. 28]. Итак, получается, что махайры повлияли некоторым образом и на оружие ранних сарматов, чему служит доказательством уникальный старокишишкский меч. Однако не совсем понятно, откуда пришел этот импульс в Приуралье: из Средней Азии или из Причерноморья.

Итак, из всего вышесказанного ясно, что однолезвийные мечи и кинжалы были известны на пограничных с кочевым миром территориях и спорадически влияли на клинковое оружие ранних кочевников евразийских степей. Саки творчески переработали саму идею однолезвийного клинкового оружия, приспособив его к местным стандартам, следствием чего стало появление мечей, подобных куртинскому. Он пока остается

единичной находкой. Однако есть все основания датировать куртинский меч IV в. до н.э. или рубежом IV и III вв. до н.э.

Кроме того, на Западном Тянь-Шане железные фрагменты мечей обнаружены в кургане 2 могильника Джал-Арык II и кургане 12 могильника Акчий-Карасу. Они представляют собой нижние части лезвий мечей [Кожомбердиев 1971: 171; Ташбаева 1987: 9]. Однако не совсем ясно, принадлежат ли они к типу всаднических мечей длиной более 70 см или же к коротким типа акинака. Если учесть, что оба кургана, в которых найдены мечи, датируются позднеасакским временем, то логично предположить, что рассматриваемые находки принадлежат именно к всадническому типу, так как короткие мечи в этот период встречаются значительно реже.

Ножны кинжалов и мечей ранних кочевников Центральной Азии в сакский период, судя по немногочисленным археологическим данным, изготавливали из дерева и кожи. В частности, деревянные ножны имели оба меча из могильника Тагискен и меч из кургана Иссык. Иногда ножны украшались золотыми или другими металлическими накладками. Из этих же материалов изготавливали ножны для клинкового оружия и в соседних с Центральной Азией регионах [Смирнов 1961: 28; Кубарев 1981: 44–49].

Итак, рассмотрев немногочисленные находки мечей в Центральной Азии, можно наметить пути происхождения и распространения этого вида оружия в нашем регионе.

Единичные находки бронзовых и железных мечей значительной длины в степной зоне Евразии известны еще в эпоху поздней бронзы и связаны в первую очередь с распространением оружия карасукского облика [Тереножкин 1975: 6–25]. Некоторые из них, например меч с Субботовского городища в Северном Причерноморье, имели внушительную длину – 108 см. [Тереножкин 1975: 10–11, 30–32, рис. 4. 5]. Но до массового освоения железа длинные мечи не могли получить широкого распространения, так как их бронзовые аналоги имели значительный вес, вследствие чего были неудобны в использовании. С освоением железа в эпоху ранних кочевников длинные мечи входят в регулярное употребление и, как следствие, откладываются в погребальных комплексах.

В кочевнической среде самые ранние мечи значительной длины появляются у скифов Северного Причерноморья и Северного Кавказа во второй половине VII в. до н.э., о

чем свидетельствуют их находки из Келермеса и Мельгунова [Горелик 1993: 33, табл. XVI. 1–2]. Со скифами также связывают находки всаднических мечей из Кармир-Блура в Закавказье и Имирлера из Северо-Восточной Анатолии (Турция), датирующиеся тем же временем [Тереножкин 1975: 28–29, рис. 20. 1; Горелик 1993: 247, табл. XV. 12, 49]. Длина их колебалась в среднем от 70 до 80 см.

В настоящее время не совсем ясно, какие именно прототипы были у первых скифских длинных мечей: повлияли ли на их появление мечи карасукско-киммерийского облика или же мечи, которые были распространены с начала I тыс. до н.э. в Закавказье и на Ближнем Востоке, с которыми скифы, несомненно, познакомились во время своих легендарных походов [Горелик 1993: 30–31].

От скифов всаднические мечи проникают в течение VI в. до н.э. к савроматам Поволжья и Южного Урала [Смирнов 1961: 28–31; Горелик 1994: 33–34]. Здесь они получают дальнейшее развитие и достигают поистине колоссальных размеров – более 1 м. Однако не стоит переоценивать роли длинных мечей у савроматов. В период с VI по начало IV в. до н.э. с территории расселения савроматских племен известно менее одного десятка длинных мечей. Их число возрастает только в прохоровский период (IV–II вв. до н.э.), когда они, наряду с кинжалами, начинают играть роль одного из основных видов наступательного вооружения ранних сарматов [Хазанов 1971: 69]. При этом, по подсчетам М.В. Горелика, процентное соотношение длинных и коротких мечей у савроматов было примерно таким же, как у скифов [Горелик 1993: 34]. А в конце VI – начале V в. до н.э. длинные мечи из Южного Приуралья попадают в Зауралье, Западную Сибирь, Лесостепной Алтай и Восточный Казахстан, о чем ярко свидетельствуют упомянутые выше находки в этих регионах. Одновременно посредством связей с савроматами мечи всаднического типа появляются в Приаралье. Но здесь они также не получили большого распространения, впрочем, так же, как и в других регионах обширного скифо-сибирского мира.

То, что распространение длинных мечей в ранний период шло именно с запада на восток – из Северного Причерноморья и Северного Кавказа через Поволжье и Приуралье в Западную Сибирь и Центральную Азию, не вызывает сомнений. Об этом косвенно свидетельствует, к примеру, то, что ранние мечи из Саратовского музея, меч из кургана 59 мо-

гильника Тагискен и меч из Лесостепного Алтая (Новообинка) имели рамочную рукоять. Рукояти этого типа были характерны для многих киммерийских и раннескифских мечей и кинжалов [Тереножкин 1975: 29–32]. Позднее развитие всаднических мечей пошло конвергентно от скифских, что выразилось в появлении в указанных регионах мечей так называемых «переходного» и прохоровского типов, ядром сложения которых, вероятно, были Южное Приуралье, Зауралье и, отчасти, Приаралье.

В Семиречье длинные мечи появляются примерно на рубеже V и IV вв. до н.э., скорее всего, под влиянием саков Приаралья. Впрочем, на наш взгляд, не исключено и некоторое влияние ранних кочевников западных предгорий Алтая и Восточного Казахстана, с которыми саки Семиречья и Тянь-Шаня имели тесные культурные связи [Могильников 1997: 103–104].

На юго-востоке Центральной Азии всаднические мечи появляются, видимо, только во II в. до н.э., что повлекло за собой достаточно быстрое вытеснение старых средств ближнего боя – чеканов, секир и др. Действительно, первые настоящие длинные мечи на юго-востоке региона пока известны в кушанских погребениях Тулхарского могильника [Мандельштам 1966: 102–103, табл. 39. 1–2]. А на рубеже эр длинные всаднические мечи известны уже в огромном количестве практически на всей территории Центральной Азии, что свидетельствует о том, что длинные мечи становятся подлинно массовым оружием кочевников [Обельченко 1978: 122–123; Обельченко 1992: 152–153; Лоховиц, Хазанов 1979: 126–127; Левина 1996: 196; Маслов, Яблонский 1996: 173–174; Литвинский 2001: 235–237].

Однако, несмотря на то что меч является универсальным средством ведения ближнего конного боя, в Центральной Азии он распространяется достаточно медленно. Это можно объяснить несколькими причинами.

Распространение мечей всаднического типа было связано с дальнейшим развитием ближнего боя [Горелик 1993: 35]. В начале сакской эпохи почти на всем пространстве степной части Евразии основу войска у кочевников составляли конные лучники, которые вели обстрел противника на дистанции в течение длительного времени, иногда обращаясь в притворное бегство. Это, по сообщениям античных авторов, было характерной особенностью «скифской тактики» [Блават-

ский 1950: 24]. Когда же дело доходило до ближнего боя, то большинство воинов спешивалось и сражалось с кинжалами и копьями. Поэтому, с учетом скоротечности и мобильности военных столкновений в условиях кочевого образа жизни, назрела необходимость вести весь бой сидя верхом, что, несомненно, было шагом вперед в развитии военного искусства в целом, и кавалерии в частности. Именно тогда длинный меч выходит на первое место в арсенале средств ближнего боя всадника, так как он был легче и удобнее, чем клевцы, секиры, булавы, применявшиеся ранее. Преимуществом его также было то, что он мог использоваться как против конного, так и против пешего противника.

Определенную роль в распространении всаднических мечей сыграл металлический доспех. С самого начала появления доспеха у ранних кочевников он был, в первую очередь, рассчитан на защиту воина от стрел, в меньшей – от средств ближнего боя. Поэтому с распространением металлических панцирей появилась возможность практически без урона приближаться к конным лучникам противника, что опять-таки повлекло изменение тактики самого ведения боя в степной части. А это в свою очередь послужило причиной поиска эффективного средства ближнего боя – вот здесь и выходит на первое место меч, имеющий преимущества, как упоминалось выше, перед другими видами вооружения. Однако даже в V–III вв. до н.э. оборонительный доспех был слабо распространен в степной части Центральной Азии [Горелик 1993: 34], что не требовало такого эффективного средства ведения ближнего боя, как длинный всаднический меч.

Впрочем, относительно специфики распространения всаднических мечей в степной части Евразии М.В. Горелик высказал мне-

ние, что если у скифов Причерноморья и Северного Кавказа мечи значительной длины были рассчитаны, прежде всего, против тяжелого кавалериста, то у савроматов и саков – против пехотинцев и, в меньшей мере, против легко- и тяжеловооруженных всадников [Горелик 1993: 34–35]. Последнее обстоятельство мало способствовало широкому распространению мечей, так как, с учетом слабого распространения защитного доспеха и скоротечности вооруженных схваток с преимущественным использованием только лука и стрел, в кавалерийских мечах не было большой необходимости.

Кроме того, не вызывает сомнений, что меч был достаточно дорогим оружием, поэтому получил распространение в первую очередь в среде кочевой аристократии, что подтверждается их находками только в крупных и средних курганах, как о том свидетельствуют находки длинных мечей в Иссыке, Чирик-Рабате и Тагискене.

Итак, длинные всаднические мечи были известны в Центральной Азии с конца VI в. до н.э., но они не получили здесь широкого распространения в сакский период и остались (на всем его протяжении) преимущественно аристократическим оружием. Истинное же распространение они получили только со II в. до н.э., о чем ярко свидетельствуют их многочисленные находки в различных пунктах нашего региона.

Примечания

1. Сходство меча из Каскажолы с мечами из Приуралья было не случайно. Обряд захоронения и инвентарь данного погребения практически аналогичны раннепрохоровским, поэтому его можно отнести к кочевникам, передвинувшимся из Южного Приуралья в Западное Приаралье [Ягодин 1975-б: 88–89].

Abstract

THE IRON CAVALRY SWORDS IN ANCIENT CENTRAL ASIA S.S. Ivanov

In article are investigated the questions linked with genesis and role of long cavalry swords in armour complex of ancient nomads in Central Asia. There are only six cavalry swords found in Central Asia: four of them were found in Aral sea region and two – in Semirechie region. The long swords appeared in ancient Central Asia at 6-th century B.C. and became the leading type of weapon of ancient nomads cavalry in last centuries B.C.

Литература

Агеева 1961 – Агеева Е.И. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области // ТИИАЭ АН КазССР. – Т. 12. – Алма-Ата, 1961.
Акишев 1978 – Акишев К.А. Курган Иссык. – М., 1978.

- Бабанская 1956 – *Бабанская Г.Г.* Берккаринский могильник // ТИИАЭ АН КазССР. – Т. 1. – Алма-Ата, 1956.
- Блаватский 1950 – *Блаватский В.Д.* О стратегии и тактике скифов // КСИИМК. – Вып. 24. – М., 1950.
- Вишневская 1973 – *Вишневская О.А.* Культура саков низовьев Сырдарьи (по материалам Уйгарака). – М., 1973.
- Вишневская, Итина 1971 – *Вишневская О.А., Итина И.И.* Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. – М., 1971.
- Воеводский, Грязнов 1938 – *Воеводский М.В., Грязнов М.П.* Усуньские могильники на территории Киргизской ССР // ВДИ. – 1938. – №3.
- Воронов 1975 – *Воронов Ю.Н.* Вооружение древнеабхазских племен в VI–I вв. до н.э. // Скифский мир. – Киев, 1975.
- Горелик 1993 – *Горелик М.В.* Оружие Древнего Востока. – М., 1993.
- Горбунов, Исмагил 1976 – *Горбунов В.С., Исмагил Р.Б.* Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. – 1976. – №3.
- Досымбаева А. М., 1999 – *Досымбаева А. М.* Культура населения Семиречья во II в. до н.э. – V в.н.э. (по погребальным памятникам). АКД. – Алматы, 1999.
- Ильинская, Тереножкин 1973 – *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия в VII–IV вв. до н.э. – Киев, 1973.
- Итина, Яблонский 1996 – *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена). – М., 1996.
- Кадырбаев 1984 – *Кадырбаев М.К.* Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984.
- Клепиков 2002 – *Клепиков В.М.* Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. – Волгоград, 2002.
- Кожомбердиев 1975 – *Кожомбердиев И.К.* Саки Кетмень-Тюбе // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. – Фрунзе, 1975.
- Кубарев 1981 – *Кубарев В.Д.* Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981.
- Левина 1996 – *Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). – М., 1996.
- Литвинский 2001, – *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии. Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. – М., 2001.
- Лоховиц, Хазанов А.М. 1979 – *Лоховиц В.А., Хазанов А.М.* Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-Гыр // Кочевники на границах Хорезма. – М., 1979.
- Маслов, Яблонский 1996 – *Маслов В.С., Яблонский Л.Т.* Могильник Гяур-IV в Северной Туркмении // РА. – 1996. – №2.
- Мелюкова 1964 – *Мелюкова А.И.* Вооружение скифов. – М., 1964.
- Могильников, Медникова 1985 – *Могильников В.А., Медникова Э.М.* Находки металлических изделий раннего железного века из Новообинки // СА. – 1985. – №1.
- Мандельштам 1966 – *Мандельштам А.М.* Кочевники на пути в Индию. – М.; Л., 1966. – (МИА, №136).
- Могильников 1997 – *Могильников В.А.* Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. – М., 1997.
- Мокрынин, Плоских 1988 – *Мокрынин В.П., Плоских В.М.* Иссык-Куль: затонувшие города. – Фрунзе, 1988.
- Мошкова 1963 – *Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры. – М., 1963.
- Мошкова 1974 – *Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М., 1974.
- Обельченко 1978 – *Обельченко О.В.* Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. – 1978. – №4.
- Обельченко 1992 – *Обельченко О.В.* Культура античного Согда. – М., 1992.
- Пичикян 1980 – *Пичикян И.Р.* Ножны ксифосов и махайр в Северной Бактрии // СА. – 1980. – №4.
- Пшеничнюк 1983 – *Пшеничнюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. – М., 1983.
- Смирнов 1961 – *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. – М., 1961.
- Смирнов 1964 – *Смирнов К.Ф.* Савроматы. – М., 1964.
- Сокольский 1954 – *Сокольский Н.И.* Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античное время. – М.; Л., 1954. – (МИА, №33).
- Соловьев 2003 – *Соловьев А.И.* Оружие и доспехи. – Новосибирск, 2003.
- Степная полоса... 1992 – *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* – М., 1992. – (Археология СССР).
- Ташбаева 1987 – *Ташбаева К.И.* Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. АКД. – Л., 1987.
- Тереножкин 1975 – *Тереножкин А.И.* Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир. – Киев, 1975.
- Тереножкин 1976 – *Тереножкин А.И.* Киммерийцы. – Киев, 1976.
- Толстов 1962 – *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962.
- Хабдулина, Малютина 1982 – *Хабдулина М.К., Малютина Т.С.* Погребальный комплекс V–IV вв. до н.э. из Челябинской области // КСИА. – Вып. 170. – М., 1982.
- Хазанов 1971 – *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. – М., 1971.
- Ягодин 1978-а – *Ягодин В.Н.* Древняя и средневековая культура Устюрта. – М., 1978.
- Ягодин 1978-б – *Ягодин В.Н.* Сарматский курган на Устюрте // КСИА. – Вып. 154. – М., 1978.

О МЕСТОНАХОЖДЕНИЯХ КРАСНОРЕЧЕНСКИХ ОССУАРИЕВ

В.А. Кольченко*

Чуйская долина / оссуарии / Средневековье
Chuy valley /ossuaries / Middle ages

Среди археологических собраний Института истории НАН КР имеется значительная коллекция оссуариев. Часть коллекции уже публиковалась [Байпаков, Горячева 1999: табл. 106–107], в том числе и нами [Кольченко 1999]. При их публикациях местонахождение было указано предельно лаконично – городище Красная Речка. Однако стоит заметить, что на этом городище оссуарии находились в разных местах. Так, в сводке по раннесредневековому периоду региона авторы говорят о четырех некрополях с оссуарными погребениями на городище [Байпаков, Горячева 1999: 158], но не конкретизируют каких. Фактически, как будет показано далее, таких мест несколько больше. Мы считаем важным уточнить местонахождения оссуариев на городище. Этому и посвящена настоящая работа. Для более полной характеристики местонахождений изложим имеющуюся сопутствующую информацию о близких оссуарных погребениях в хумах и иных сосудах, а также кучками костей, т.е. о захоронениях, традиционно соотносимых с зороастрийским погребальным обрядом. Представляется, что это может позволить более адекватно реконструировать как идеологические представления населения данного средневекового поселения, так и социоконфессиональную ситуацию в нем.

Публикуя первые оссуарии с городища, А.Н. Бернштам сообщает об их нахождении в 1939 и 1940 гг. во дворе замковой постройки (Раскоп 1) к югу от шахристана-II. Он считал их происходящими с «фамильного» кладбища владельца замка и его семьи» [Бернштам 1941: 56, рис. 4–5; Чуйская долина 1950: 31–32, табл. XIV]. На этом объекте А.Н. Бернштамом было найдено три целых изделия и 77 фрагментов; в графическом виде им опубликованы все целые оссуарии, крышка от погребального сосуда и пять фрагментов. Большинство арте-

фактов принадлежало овальным в плане оссуариям; лишь «3 экземпляра», найденных во фрагментах, – прямоугольные оссуарии. Датированы изделия были V–VII вв. [Чуйская долина 1950: 31, 35]. Кроме того, по сообщениям А.Н. Бернштама, в 10-х годах XX века «крестьяне-переселенцы» заложили здесь «раскоп» – яму размерами 2 × 2 × 1–1,5 м, в которой «было добыто и уничтожено много оссуариев» [Чуйская долина 1950: 31], сохранившиеся фрагменты которых были также собраны исследователем. Стратиграфически «все оссуарии и большинство фрагментов находятся на самом низком горизонте тепе, несколько ниже подошвы замка», в т.ч. два целых – на глубине 3,5 м от наивысшей точки тепе, а третий целый оссуарий – на глубине 3,1 м. Обобщая данные по оссуарным погребениям, А.Н. Бернштам резюмировал: «...вскрытое зороастрийское кладбище... располагалось в наиболее удаленной части двора. Кладбище было небольших размеров, едва ли количество оссуариев превышало 30–40 штук» [Чуйская долина 1950: 31].

Здесь же автором раскопок было зафиксировано шесть захоронений в хумах и сосудах, причем, по его наблюдениям, «этот тип захоронений встречается в слое, следующем за слоем, который содержал оссуарии». Предложенная их датировка – VIII–IX вв. [Чуйская долина 1950: 32–33].

Третий тип найденных на объекте погребений – это «захоронения переходного типа»: «на слегка утрамбованной почве кости скелета бывали аккуратно сложены в кучу. ...Сбоку или сверху кости прикрывали либо большим жженым кирпичом, либо большим фрагментом боковины хума». В ходе работ 1939–1940 гг. было зафиксировано четыре таких погребения. Причем стратиграфически они располагались на одном уровне и, частично, несколько выше хумных погребений. Из этого исследователь делает вывод: «Возможно, что они синхронны хумным погребениям и только отчасти бытуют позднее их. Поэтому предполо-

* Кольченко Валерий Анатольевич – Институт истории НАН КР. Кыргызстан, г. Бишкек, archak@mail.ru

жительная датировка их IX–X вв. Генетически они связаны с предыдущими двумя типами захоронений» [Чуйская долина 1950: 33–34].

Наконец, следует подчеркнуть, что всего на объекте было вскрыто 90 погребений. Из них 77 – труположения вытянутых костяков, в том числе в четырех случаях в цистах из саманного кирпича, выделенных исследователем в отдельный тип. Преимущественная ориентировка погребенных – головой в северном или западном секторах; в 17 случаях ориентировку, ввиду разрушенности погребения, установить не удалось. Труположения «не сосредоточены где-либо в одном месте, они встречаются по всему тепе». Основное их количество сконцентрировано в средней части нижней площадки и у северной стены замка, но были погребения и на развалинах самого замка, и в северной части объекта, т.е. там, где в основном найдены оссуарии. «Глубина залегания этих погребений разнообразна, есть погребения (6 случаев), расположенные почти на уровне оссуариев, но все же основная часть находится выше всех предшествующих... С глубины 3 м (от высшей точки тепе) и до поверхности бугра они являются единственным типом захоронений». Основаниями для датировки этой многочисленной группы погребений явились стратиграфия и аналогии типу погребений (раннемусульманский), ибо сопроводительный инвентарь был зафиксирован лишь в пяти случаях, причем в одном – это китайская и тюркешская монеты и электровый брактеат. А.Н. Бернштам датировал труположения X–XI(XII) вв., а в кирпичных цистах – нач. XIII в. [Чуйская долина 1950: 34–35].

В изложении А.Н. Бернштама выстроена красивая и четкая эволюция погребений: оссуарные (V–VII вв.) – хумные (VIII–IX вв.) – кучками костей (IX–X вв.) – труположения (X – нач. XIII в.), которая построена как бы на данных стратиграфии. Однако более внимательный взгляд на имеющуюся информацию с современных позиций позволяет, по крайней мере, усомниться в ее достоверности. Так, автором не оговариваются критерии выделения «стратиграфических слоев» и не исключено, что они выделяются формально, на основании глубины залегания. Подтверждение этому мы видим в оперировании высотой от единой реперной точки объекта (вершины холма) при отсутствии упоминаний качественных различий в структуре слоев. Другой пункт сомнений в достоверности предложенной эволюционной схемы – в отсутствии информации о характере

нахождения погребений в слое (на древней дневной поверхности, в склепе, в яме и пр.).

Сегодня мы знаем, что оссуарии и другие сосуды для погребения, как правило, помещались либо в склеп, либо закапывались в специальную яму произвольной, преимущественно небольшой глубины. А погребения кучек костей находят в склепах или на дневной поверхности. Учитывая отсутствие информации о склепах-наусах в публикациях А.Н. Бернштама, представляется наиболее вероятным отсутствие таковых на объекте. Следовательно, оссуарии и погребения в сосудах, по всей видимости, размещались в ямах. Поэтому небольшой разброс глубин фиксации оссуариев, погребальных сосудов и кучек костей, а также немногочисленность последних, позволяют допускать их синхронность.

Если считать погребения костей в оссуариях, сосудах и кучками, принадлежащими «владельцу замка и его семье» (что также не однозначно), т.е. синхронизировать их с замковой постройкой, то датированы они должны быть не ранее середины второй половины VII в., поскольку именно так в настоящее время датируются коридоро-гребенчатые замки Семиречья [Семенов, 2000: 68]. Верхняя же граница располагается в хронологических рамках Средневековья, но, как нам представляется, конкретизирована быть не может.

Выводы о погребениях по обряду труположения также требуют некоторой ревизии. Исходя из имеющейся информации – размещение части из них на развалинах замка и выше «зороастрийских» погребений, отсутствие инвентаря и преимущественная ориентация – можно согласиться с верхней границей датировки – нач. XIII в. Хотя приведенный А.Н. Бернштамом факт нахождения двух тюркешских монет вблизи погребенного, найденного в помещении 2 на глубине 0,85 м и отнесенного исследователем к верхнему горизонту, заставляет с настороженностью отнестись к ней. А монеты, найденные в расположенном на глубине 1,2 м погребении в северной части тепе, т.е. в районе обнаружения основной массы оссуариев и их фрагментов, позволяют отодвинуть нижнюю границу к сер. VIII в. Учитывая же зафиксированный факт обнаружения шести погребений «почти на уровне оссуариев», нельзя исключать синхронности некоторых из них «зороастрийским» погребениям. Впрочем, важнее не факт глубины залегания костяка, а с какой поверхности или хотя бы высотной отметки опущено погребение и ка-

кова была его конструкция (подбой, катакомба, яма). Однако такой информации в публикациях А.Н. Бернштама нет, поэтому важные вопросы о культурном единстве трупоположений и их синхронности между собой, а также непрерывности функционирования некрополя следует оставить открытыми.

Второй пункт нахождения оссуариев на Краснореченском городище, названный П.Н. Кожемяко «кладбищем оссуарных захоронений», был зафиксирован в 50-х годах прошлого века. Причем в публикации расплывчато указывается лишь о его местонахождении в районе «восточных окрестностей Краснореченского городища». Исследователем в ходе осмотра территории некрополя были найдены рельефные налеты (один целый и верхняя часть второго; изготовлены в одной матрице), фрагменты овального в плане оссуария «с глубоким врезным орнаментом», фрагменты с налестками стилизованных изображений животных (собак – ?) и с «орнаментом в виде стилизованных растительных мотивов». Учитывая характер орнаментации последних, «совершенно аналогичных» найденным в 1939–1941 и 1953–1954 гг., вся группа фрагментов оссуариев была отнесена к керамике VI–VIII вв. [Кожемяко 1959: 35–36], т.е. самостоятельно значимых критериев для датировки П.Н. Кожемяко не имел.

С конца 1970-х годов в связи с началом планомерных исследований на городище и проведением строительно-земляных и планировочных работ последовала новая серия находок оссуариев. Уже в кратком информационном отчете за первый год работ (1978 г.) было помещено изображение оссуария с некрополя (Раскоп 3), украшенного налестками антропоморфными фигурками «кушано-согдийского облика с атрибутами тюркской одежды», и приведены его размеры. Датирован он был VII–IX вв. [Горячева, Береналиев 1979: 590–591]. Попутно заметим, что данный оссуарий найден не археологами, а местными жителями незадолго до начала раскопок, о чем повествует руководитель работ в другой публикации, а значит, мы не обладаем информацией о контексте его нахождения. Кстати, во второй публикации датировка оссуария сужена до VII–VIII вв. [Горячева 1988: 32–33]. Заметим, что первоначально остальные оссуарные и хумные захоронения этого объекта датированы VIII–IX вв. [Горячева, Береналиев 1979: 590]. Такие разночтения показывают, по нашему мнению, отсутствие четких критериев для датировки оссуариев.

К остальным оссуарным и другим погребениям Краснореченского некрополя вернемся несколько позже.

В 1982 г. оссуарии были найдены на «Ивановском глиняном карьере», который располагается на краю 2-й надпойменной террасы р. Чу в северо-восточной части Краснореченского городища вблизи т.н. «длинных стен» (0,2 км к северу от указателя 38-го км автодороги Бишкек – Токмак – Балыкчи). На поле, подступающем с юга к карьере и впоследствии частично им поглощенном, было отмечено «несколько небольших бугров» высотой 0,5–1,0 м и «мелкие фрагменты хозяйственной керамики». Однако в срезах карьера признаки культурного слоя отсутствовали: «здесь имелись мощные отложения лесса, перекрытые тонким слоем гуммированного суглинка» – сообщается в Отчете [Мотов 1982: 12–13].

Часть оссуариев была зафиксирована *in situ*, другая – на дне карьера. В общей сложности сообщается о семи оссуариях разной степени сохранности, в том числе: 1) из необожженной глины, 2) фрагменте оссуарной крышки, не подходящей ни к одному оссуарию, а также об одном хумном погребении. По рассказам экскаваторщиков и водителей, работавших на карьере, ими было уничтожено порядка 200–300 «кувшинов с костями» [Мотов 1982: 13]. И хотя, как представляется, цифра явно завышена, но говорит о массовости данного типа погребений в обозначенном месте. В этом же карьере археологами Краснореченского отряда в 1982 г. были дообследованы остатки 10 погребений по обряду трупоположения, часть из которых – с инвентарем [Мотов 1982: 13–19].

Над пунктами нахождения одних оссуариев отмечается наличие бугров, а над другими – ровная поверхность. Так, оссуарии 2 и 4 найдены, хотя и на разных глубинах и на расстоянии 4 м друг от друга, но под полой одного холма, «диаметр которого составил не менее 8 м, высота сохранившейся части 0,6–0,7 м» [Мотов 1982: 14]. Но над оссуарием 5 дневная поверхность ровная [Мотов 1982: 16].

Оссуарии и хум, найденные на первоначальных местах, зафиксированы в трех пунктах на глубине 1,5, 1,95 и 2,5 м от современной дневной поверхности. Во всех случаях рядом, на одном уровне с ними отмечены трупоположения: «Кости ног (погребенного по обряду трупоположения), хум и обломки необожженного оссуария находятся на одном уровне, вероятно, на уровне пола сооружения. На этой линии при зачистке выявлена про-

слойка намытого (?) песка толщиной 2–5 см, длиной около 1 м» [Мотов 1982: 17]. Впрочем, «следы конструкций с достаточной уверенностью не выявляются ни в вертикальной зачистке, ни в горизонтальной – выше уровня предполагаемого пола. В вертикальной зачистке поверхности обреза прослежены лишь следы нарушения лессового слоя» [Мотов 1982: 16]. В итоге делается вывод: «Анализ размещения костехранилищ, а также и встречающихся рядом с ними скелетов, позволяет предположить, что они находились в специальных помещениях, вырубленных в материковом лессе. ... доступ к костехранилищам был прост» [Мотов 1982: 21]. В целом, данное местонахождение называется исследователем некрополем, а найденные здесь оссуарии «традиционно» датируются VII–VIII вв. [Мотов 1982: 20]. На наш взгляд, основываясь на факте нахождения тюргешской монеты в погребении, совершенном рядом и на одном уровне с оссуарным, что зафиксировано в отчете [Мотов 1982: 20], датировать их правильное временем не ранее нач. VIII в.

В последующие годы осуществлялся периодический археологический надзор на этом карьере, в результате которого зафиксирована новая серия оссуарных и других погребений. К примеру, в 1984 г. здесь, как сообщается в отчете, было зафиксировано два археологически целых оссуария и одна крышка с антропоморфной ручкой. Однако описаны и приведены фотографии лишь для крышки и одного костехранилища [Горячева, Тур 1985: 20–21, рис. 20–21].

К сожалению, данных (и даже упоминания. – *К.В.*) об этом некрополе в публикациях нет. Впрочем, вероятно, именно его упоминал П.Н. Кожемяко, о чем мы писали выше. Последние по времени находки оссуариев и их фрагментов были совершены нами в 2005 и 2006 гг. [Кольченко 2006]. Тогда же в одном из срезом значительно выросшего карьера была отмечена стенка склепа из сырцового кирпича.

В 1983 г. в 1200 м к западу от некрополя и центральных развалин городища, но в пределах «длинных стен», при прокладке проселочной дороги, идущей вдоль террасы р. Чу, было уничтожено тепе – «монументальный замок... рядом (с которым) зафиксировано небольшое оссуарное кладбище» [Горячева, Байпаков 1989: 72]. По всей видимости, этот объект был аналогичен раскопанному А.Н. Бернштамом. К сожалению, информация об объекте крайне фрагментарная. Сообщается лишь, что «среди грунтовых могил поздне-

феодалного и нового времени» было зафиксировано «несколько оссуарных и хумных захоронений» [Горячева 1984: 576]. Причем, «в отличие от городского некрополя, здесь оссуарии ставились не в наусы, а опускались в грунтовые ямы, вырытые в лессе» [Горячева 1988: 36]. Количество найденных оссуариев и других погребений данного объекта в публикациях не приводится. В фотографиях и графических прорисовках опубликован, насколько мы можем судить, только один оссуарий – прямоугольный в плане, со стенками, оттиснутыми в матрице, на которых изображена сцена кормления огня. Приведа в первой публикации фотографию этого оссуария, остальные изделия автором описываются суммарно: «ящичные», овальные, с шатровыми и конусообразными крышками, несущими различные сюжетные и орнаментальные изображения» [Горячева 1984: 576].

Относительно датировки в этой публикации пишется: «...открыто еще одно древнее кладбище, принадлежавшее поселению VI–VIII вв.» [Горячева 1984: 576]. Но в другой работе В.Д. Горячевой с некоторой аргументацией приводится иная дата: «...вместе с костехранилищами поднята и тюргешская монета, которая датирует слой не ранее середины VIII в.». Правда там же, в подрисовочной подписи, знаменитый упомянутый выше оссуарий со сценой кормления огня датирован уже VII–VIII вв. [Горячева 1988: 35–36].

В 1987 г. в связи с частичным уничтожением по хозяйственным мотивам очередного холма на Краснореченском городище были выполнены аварийные работы. В полевой документации объект получил наименование «Раскоп 11». Он располагался, как сказано в дневнике, в юго-западной оконечности некрополя вблизи от современной фермы. В ходе исследований были вскрыты два науса, содержащие значительное количество костей погребенных. Однако, хотя и выделены четыре уровня погребений, говорить об обряде погребения не приходится, так как все кости разбросаны. Помимо прочего, были найдены и фрагменты оссуариев – восемь зафиксированы в дерновом слое над наусом 2, а остатки одного оссуарного погребения – в том же наусе 2 в четвертом выделенном слое на отметке 1,5 м от наивысшей точки объекта [Мейтартчян 1987]. В последующие годы исследования объекта не возобновлялись, хотя вскрыта лишь малая часть холма.

Нам известны еще два случая нахождения фрагментов оссуариев на Краснореченском городище. В одном отмечается факт обнаруже-

ния фрагмента крышки оссуария где-то на территории «южного рабада», т.е. на участке «шириной около 0,8–1,0 км между южной стеной шахристана и автотрассой» [Мотов 1982: 7]. В другом случае – это разрушенное «оссуарное погребение» в 600–650 м к востоку от цитадели: на глубине 30–40 см от поверхности найден фрагмент декорированной лицевой стенки оссуария [Мотов 1982: 5–6]. И хотя в обоих случаях речь идет о случайных находках единичных фрагментов, тем не менее и их необходимо иметь в виду при анализе.

Наконец, о месте, где можно было бы ожидать наибольшего количества погребений в оссуариях, хумах и кучками костей, – городском некрополе. Он был выделен в структуре городища после полевого сезона 1978 г. [Горячева, Береналиев 1979]. Располагается в т.н. «западной пристройке» [Кожемяко 1959: 67] – территории, простирающейся на 300–350 м к западу от шахристанов и обнесенной с трех сторон собственной крепостной стеной; с четвертой, восточной стороны – ров и крепостные стены шахристанов. Впрочем, четких границ некрополя внутри этой территории не выделено. Сообщается лишь, что он тянулся вдоль своей западной стены, отделенный от шахристанов незастроенной полосой шириной около 200 м [Горячева 1988: 28].

Некрополь изучался начиная с 1978 г., в течение десяти лет работами на раскопах 3, 3а, 9, 10. В нем выделено три [Горячева 1989: 87] или четыре слоя (/горизонта) [Байпаков, Горячева 1999: 158].

В публикациях достаточно подробно описан лишь верхний слой Раскопа 3. Сообщается, что были найдены погребения в пяти обожженных и одном необожженном оссуариях, в шести хумах (один из которых необожженный) и 21 погребение кучками костей. Все эти погребения располагались в наусах из сырцового кирпича и пахсы, а также в нишах-подбоях под стенками наусов. В тех же самых наусах и одиночных сырцовых камерах зафиксированы костяки людей в анатомическом порядке (упомянуты в публикации 11) и отдельные кости потревоженных и переотложенных погребений [Горячева 1989: 88–91]. Фактически же, исходя из ознакомления с полевой документацией работ, погребений кучками костей и труположений было больше. По выявленному нумизматическому и керамическому материалу слой датирован сер. VIII – сер. X вв. [Горячева 1989: 92].

Все найденные в слое оссуарии овальной в плане формы. Подчеркнем, что большинст-

во из них найдены внутри науса-2 и под ним. При этом три или четыре оссуария не орнаментированы; по приведенной информации, достоверно орнаментировано лишь одно изделие [Горячева 1989: 89].

Первый, самый нижний горизонт некрополя, содержал погребения под курганами в грунтовых ямах, подбоях и катакомбах, совершенные, надо полагать, по обряду труположения [Байпаков, Горячева 1999: 158]. Формировался он, как считают исследователи, в кон. VI – нач. VII вв. [Горячева, Перегудова 1988: 10].

Со средним горизонтом связана вначале строительная деятельность – возведение крепостной стены и строения с рядом помещений, интерпретированного как «зороастрийское святилище», а позднее – погребения на их руинах, совершенные как по обряду труположения в катакомбах, подбоях и грунтовых могилах, так и в сидячем положении, и в хумах [Горячева, Перегудова 1988: 10–14]. К этому же слою относятся два погребения с конем.

Таким образом, погребения, однозначно связываемые с зороастрийской обрядностью – оссуарные, хумные и кучками костей, не преобладают как в целом по Краснореченскому некрополю, так и в каждом из его слоев. И лишь для верхнего слоя, по самым приблизительным оценкам, они составляют около половины.

И еще одна ремарка относительно погребений на некрополе. При их описаниях в публикациях ни к одному захоронению не применяется понятие «мусульманское погребение». Практически нет данных и о разрушениях наусов погребениями с вышележащего уровня; наусы составляют верхний горизонт некрополя. А это означает, что либо некрополь перестал функционировать во времена распространения и доминирования (?) ислама на этой территории (X – нач. XIII в.), либо погребения верхнего горизонта по обряду труположения, во всяком случае часть их, следует считать мусульманскими, и тогда горизонт должен быть датирован более поздним временем – вплоть до XII в.

Суммируем вышеизложенное. На Краснореченском городище за все время исследования было открыто семь пунктов нахождения оссуариев, из них два – случайные, не точно зафиксированные места находок оссуарных фрагментов. Если говорить о «зороастрийских погребениях» в целом, то необходимо к этим семи пунктам добавить вскрытый в 1978 г. многокамерный наус (Раскоп 4) [Горячева

1989: 91–94]. Итого – восемь пунктов «зороастрийских погребений», известных сегодня (рис. I).

Исходя из расположения приведенных исследователями соответствующих значков на планах местности, получается, что Раскоп 1 (замок с кладбищем), исследованный в 1939–1940 гг. А.Н. Бернштамом, Раскоп 4 (многокамерный наус) и Раскоп 11 (группа наусов), изучавшиеся под руководством В.Д. Горяче-

вой в 70–80-х годах XX века, а также объект 8 (жилой дом №3 караханидского времени, перекрытый «кладбищем» с 55 погребениями-трупоположениями), раскопанный в 1963 г. П.Н. Кожемяко [Кожемяко 1989: 59–60], находятся достаточно близко друг к другу, в одной части городища. Однако эти объекты разновременны, а их характер настолько различен, что они никак не допускают предложенной при описании Раскопа 11 трактовки данного

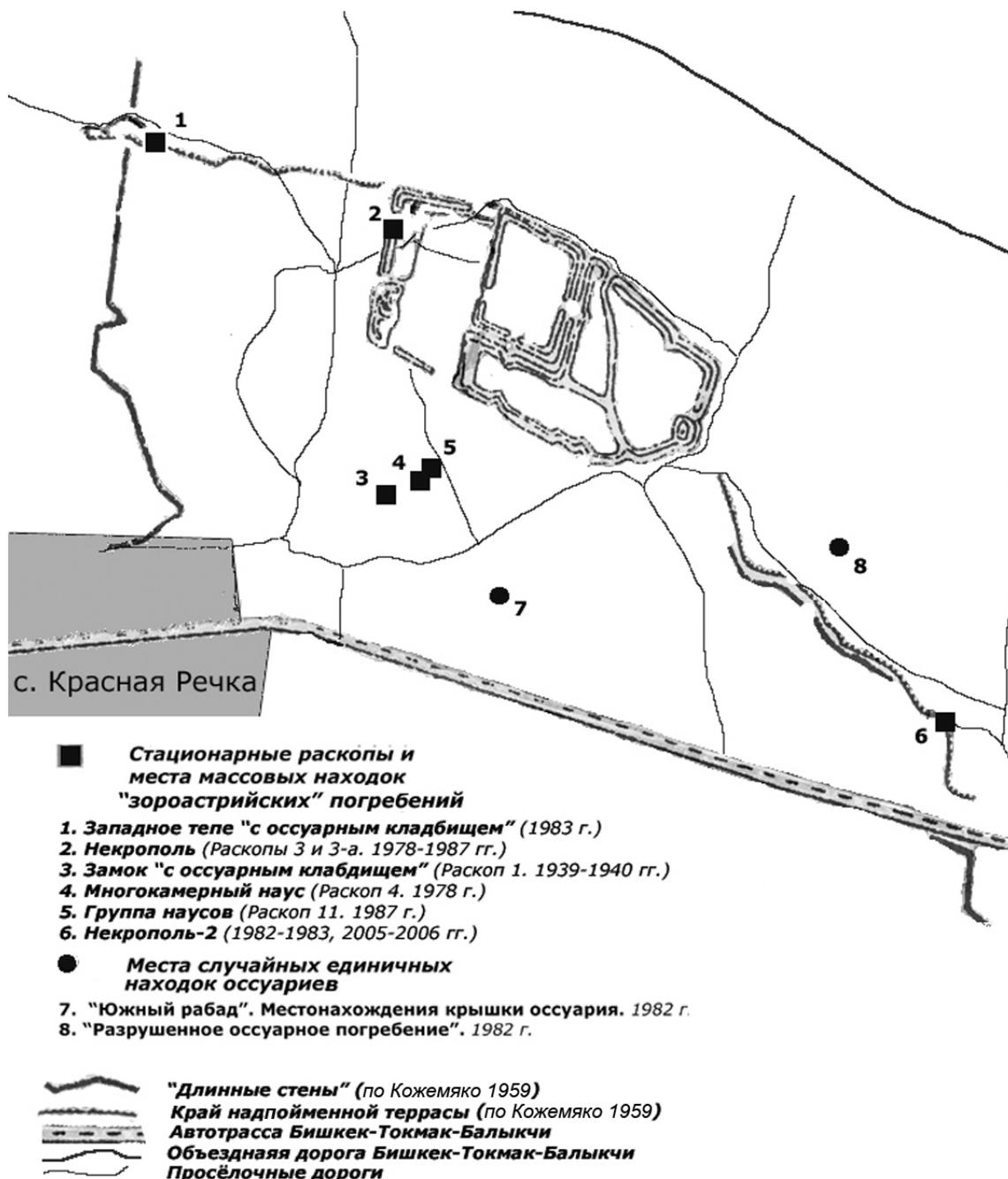

Рис. I. Схема обнаружения оссуариев и других «зороастрийских» погребений на Краснореченском городище

района как «юго-западной оконечности некрополя» [Мейтарчиян 1987].

Ареал находок оссуариев на городище весьма велик – почти вся его территория. Следовательно, в оссуариях хоронили не только в некрополях – общегородских кладбищах – и, по всей видимости, не столько в них, сколько в других местах, т.к. погребения собственно в оссуариях составляют незначительный процент погребений городского некрополя. С чем это связано и как может быть объяснено – вопрос для отдельного рассмотрения.

Из восьми пунктов «зороастрийских погребений» некоторые данные о стратиграфии имеются лишь для пяти. При этом для большинства из них имеющаяся информация неполная и недостаточная. В наибольшем объеме она приведена для городского некрополя-1 (Раскоп 3). В ней необходимо выделить тот факт, что оссуарии и другие «зороастрийские» погребения найдены преимущественно в верхнем слое. Нижележащие слои содержат в основном труположения в катакомбах и подбоях; последние в других местах городища пока не известны. Следовательно, изначально существовал некрополь именно как единый город мертвых. Причем существовал значительный отрезок времени – мощность напластований нижних слоев некрополя составляет около 3 м. А с появлением (/количественным увеличением) погребений в оссуариях захоронения производятся и собственно в городе

живых, т.е. городской некрополь теряет свою монополию на хранение останков умерших.

Имеющаяся информация по контексту обнаружения и стратиграфии позволяет, на наш взгляд, относить время массового появления погребений в оссуариях на Краснореченском городище и в Чуйской долине в целом к началу VIII в. Аргументация к этому, пусть не всегда достаточная и убедительная, приведена выше. Эта дата совпадает с ранее предложенной нами на основе формальных признаков и логически коррелируется с историческими данными [Кольченко 1999: 53–54].

В завершении остается констатировать, что выполнение чисто археологических процедур – картографирования местонахождения оссуариев на Краснореченском городище и уточнение по археологическим критериям их датировок – позволяет с новых позиций подходить к рассмотрению историко-культурологических вопросов (определению места погребений в оссуариях и прочих «зороастрийских» погребений в ряду других – предшествующих, синхронных и последующих). А через это, следовательно, судить о конфессиональной ситуации в одном из крупнейших средневековых городов Семиречья, о социальных вопросах его жизни и этническом составе населения. Однако, это вопросы следующего этапа исследования, требующие отдельного специального рассмотрения.

Abstract

ABOUT LOCALITY KASNORECHENSK'S OSSUARIES V.A. Kol'chenko

In article the information on sites on site of medieval settlement Krasnaya Rechka in Chuy valley of Kyrgyzstan of crypts and others «Zoroaster» burials is resulted. Such places it appears eight. And, on the basic city necropolis (Ex-3, -3a) such burials are located mainly in the top horizon. In two or three bottom horizons were fixed, basically, the burials accomplished on other ceremony.

The available information on a context of detection and stratigraphy allows to carry, in our opinion, time of mass occurrence of burials in ossuaries of medieval settlement Krasnaya Rechka and in Chuy valley as a whole to the beginning of VIII century. This date coincides with earlier offered by us on the basis of formal attributes and is logically correlated with the historical data.

Литература

- Байпаков, Горячева 1980 – *Байпаков К.М., Горячева В.Д.* Раскопки Краснореченского городища // АО в 1979 году. – М., 1980.
- Байпаков, Горячева 1999 – *Байпаков К.М., Горячева В.Д.* Семиречье // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. – М., 1999. – (Археология).
- Бернштам 1941 – *Бернштам А.Н.* Археологический очерк Северной Киргизии. – Фрунзе, 1941.
- Горячева 1988 – *Горячева В.Д.* Город золотого верблюда. – Фрунзе, 1988.
- Горячева 1983 – *Горячева В.Д.* Исследования Краснореченского городища и некрополя // АО в 1983 году. – М., 1984.
- Горячева 1989 – *Горячева В.Д.* Наусы некрополя Краснореченского городища // Красная Речка и Бурана. – Фрунзе, 1989.

- Горячева, Береналиев 1979 – *Горячева В.Д., Береналиев О.* Раскопки Краснореченского городища // АО в 1978 году. – М., 1979.
- Горячева, Перегудова 1988 – *Горячева В.Д., Перегудова С.Я.* Исследования на Краснореченском городище в 1986–1987 годах // Отчет о полевых исследованиях Краснореченского отряда Киргизской историко-археологической экспедиции Института истории АН Киргизской ССР в 1986 и 1987 гг. – Фрунзе, 1988. – Археологический фонд ИИ НАН КР. – №812.
- Горячева, Тур 1985 – *Горячева В.Д., Тур С.С.* Работы на Краснореченском городище в 1984 г. // Отчет о полевых исследованиях Краснореченского отряда Киргизской историко-археологической экспедиции. – Фрунзе, 1985. – Археологический фонд ИИ НАН КР. – №769.
- Кожемяко 1989 – *Кожемяко П.Н.* Отчет о раскопочных работах на Краснореченском городище в 1962–1963 гг. // Красная Речка и Бурана. – Фрунзе, 1989.
- Кожемяко 1959 – *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе, 1959.
- Кольченко 1999 – *Кольченко В.А.* К типологии оссуариев Чуйской долины // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане / Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. – Вып. 2. – Бишкек, 1999.
- Кольченко 2007 – *Кольченко В.А.* Новое об оссуариях Чуйской долины // МИАК. – Вып. 2. – Бишкек, 2007.
- Мейтарчиян 1987 – *Мейтарчиян М.Б.* Полевой дневник. Краснореченский археологический отряд 1987 г. – Археологический фонд ИИ НАН КР.
- Мотов 1982 – *Мотов Ю.А.* Отчет об археологическом обследовании городища Красная Речка и об археологическом надзоре на разрушаемом некрополе у с. Ивановка в 1982 г. – Алма-Ата, 1982. – Археологический фонд ИИ НАН КР.
- Семенов 2000 – *Семенов Г.Л.* Замки Семиречья // Ош и Фергана в исторической перспективе / Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. – Вып. 3. – Бишкек, 2000.
- Чуйская долина 1950 – Чуйская долина: Тр. Семиреченской археологической экспедиции. – М.; Л., 1950. – (МИА, №14).

ОБ ОДНОЙ НАХОДКЕ ВЕРИТЕЛЬНОЙ БИРКИ ДИНАСТИИ ТАН С ГОРОДИЩА АК-БЕШИМ¹

В.А. Беляев, С.В. Сидорович*

*Городище Ак-Бешим / Суяб / верительная бирка / династия Тан / период Великая Чжоу (690–705 гг.)
Ak-Beshim settlement / Sujab / tally of credence / Tang / the period Da Zhou (690–705 A.D.)*

В январе 2006 г. бишкекский нумизмат А.М. Камышев² сообщил о необычной находке на городище Ак-Бешим (Кыргызстан) – небольшом подвесном бронзовом предмете в форме черепахи с китайскими надписями. Он был помещен в нумизматическую он-лайн базу данных [ZENO, №27003, Интернет]. Его размеры: 4,4 × 2,1 × 0,4 см, вес – 16,6 г (рис. I).

Первоначально предмет был отнесен к амулетам, однако вскоре, после прочтения иероглифов, стало понятным совсем иное его назначение – составная часть верительной бирки – одна из ее половинок. Эту версию подтвердило и наличие на ее боковой стороне двух иероглифов (рис. I. 3), восстанавливаемых как *хэ-тун* (合同, «договор», в данном контексте уместно «удостоверено»).

Очень крупный иероглиф *тун* (同, «совпадение, соответствие») на плоской внутренней поверхности бирки выполнен в виде углубления, в которое должен был войти выпуклый иероглиф *тун* на ответной половинке при их сопоставлении. Подобные же выпуклые и углубленные «ключи» мы находим на бирках-рыбах, опубликованных американским нумизматом А. Кулом (рис. II), который, правда, не разобрался в назначении бирок, считая их разновидностью платежных средств [Coole 1976: 564–571]. На приведенной же иллюстрации хорошо виден и второй признак, по которому проверялось совпадение половинок – разделенная на две части надпись *хэ-тун* на боковой стороне.

Великолепно сохранившаяся надпись на бирке состоит из 15 иероглифов, расположенных в три строки³:

Традиционное написание	Упрощенное написание
豹韜衛翊府	豹韬卫翊府
左右郎将負	左右郎将员
外置石沙陀	外置石沙陀

* Беляев Владимир Анатольевич – канд. техн. наук. Компания «Зенон Н.С.П.». Россия, г. Москва, bel@zenon.net.

Сидорович Сергей Владимирович, ЗАО «ШУКО Интернационал Москва». Россия, г. Санкт-Петербург, sccc@zmail.ru.

Первая попытка интерпретации надписи, результаты которой появились в информационном сообщении в газете «Вечерний Бишкек» [Камышев 2006], была сделана в процессе дискуссии на он-лайн форуме в базе данных ZENO (один из авторов доклада также принимал участие в этом обсуждении). Предполагалось, что речь в данном случае идет о приказе танского генерала из гвардии *Баотао*, повелевавшим двум *ланцзянам* и их помощникам либо «соорудить укрепления из песка и камня», либо «покинуть местность, называемую *Ши-Ша-То*». Однако попытки локализации данной местности не увенчались успехом.

В настоящей статье представлена наша версия прочтения надписи и датировки данного артефакта.

Вначале кратко рассмотрим временные рамки присутствия китайских войск в данном регионе. Городище Ак-Бешим уверенно отождествляется с городом Суяб, в котором китайские войска находились с 648 по 719 гг. с небольшим перерывом [Горячева, Перегудова 1996: 186]. В 676 г. каган десятистрельных тюрок Ашина Дучжи поднял мятеж против танского Китая. Однако уже в 679 г. мятеж был подавлен. В этом же году Суяб был укреплен и вошел в состав т.н. «четырёх гарнизонов». В 689 г. город был захвачен тибетцами, однако в 692 г. китайцы освободили его. По всей вероятности, в 699 г. китайцы вновь потеряли контроль над Суябом: Уч-элиг-каган (699–706 гг.) – родоначальник тюркешской династии – захватил город и учредил здесь свою главную ставку. В 704 г. западно-тюркский каганат попытался реставрировать свою власть, однако Уч-элиг, вытеснив в Китай претендента на трон в Западном каганате, тем самым завершил борьбу с родом Ашина [Камышев 2002: 11]. В литературе приводятся довольно противоречивые сведения относительно дат присутствия китайских войск в регионе, однако исследователи однозначны в своих утверждениях по поводу временных границ пребывания китайских войск в Суябе: нижняя граница – 648 г., верхняя – 751 г. В течение этих ста с небольшим лет было несколько периодов, когда город был под властью то тибетцев, то тюркешей, то «черных» тюркешей и, следовательно, китайские войска в городе не присутствовали⁴.

Рис. I. Половинка верительной бирки.
Внешняя (1), внутренняя (2) и боковая (3) поверхности

Таким образом, очевидно, что ответ на вопрос по поводу бирки надо искать в хрониках династии Тан.

Теперь перейдем к форме бирки. Верительные бирки известны с периода династии Чжоу. Тогда их делали в виде тигра [ШЦ: 233]. Бирки-рыбы, наряду с другими формами, использовались со времен династии Суй. В период династии Тан с 9-го месяца первого года правления У-дэ⁶ медные рыбы стали основной формой именных бирок [ЦТШ: гл. 25]. Считается, что такая форма верительных бирок окончательно утвердилась не случайно, а связана с фамилией правящего танского дома Ли⁷. Имеются неоднократные упоминания о том, что правители Тан жаловали титулы и чины вождям племен, подчинившихся, выказавших лояльность или оказавших услугу китайскому правительству. При этом они также получали верительные бирки. Как подарки от императора особо ценились поясные мешочки⁸, в которые эти бирки клались: «Басмылы⁹ впервые явились ко двору в 20-м году эры правления Чжэнь-гуань¹⁰. В начале эры правления Тянь-бао¹¹ совместно с уйгурским ябгу¹² напали и убили туцзюеского¹³ кагана. Большой вождь басмылов Ашина Ши был поставлен [императорским двором] каганом с титулом Хэла пицзя. [Каган] отправил послов ко двору с выражением благодарности. Император Сюань-цзун¹⁴ пожаловал послам пур-

пурные узорчатые халаты, расшитые золотом пояса и поясные мешочки [люй-дай]» [Малявкин 1989: 104]. И еще: «Во втором месяце в день бин-шэнь [11-го года правления Тянь-

Рис. II. Верительная бирка (по Cool 1976)

бао)¹⁵ три карлука (три карлукских племени) отправили ко двору послов. [Послам] пожалованы парчовые халаты, пояса, украшенные золотой вышивкой, поясные мешочки для хранения верительных бирок – всего семь предметов» [Малявкин 1989: 43].

Система бирок довольно подробно описана в Танских источниках. В «Тан люй шу и» описаны наказания за подделку бирок [ТЛШИ 2001: 309–318] или ненадлежащее их использование [ТЛШИ 1999: 66–68, 75–79, 241–244, 246–249, 270–271; ТЛШИ 2001: 75–81]. Мы не будем останавливаться на этих деталях подробно, отметим лишь, что бирки изготавливались в виде нескольких пар идеально подогнанных друг к другу ответных частей, при этом, в зависимости от назначения бирок, их количество и материал менялись. Правые половинки предназначались для выдачи официальному лицу или для передачи на периферию, на них наносились идентификационные данные владельца или владения. Левые же половинки оставались в центральной администрации или канцелярии. Совмещение двух частей бирки позволяло удостовериться в подлинности полномочий лица, предъявлявшего свою половинку бирки. Об этой системе сообщается и в «Тайпинхуаньюйцзи»¹⁶: «Все сифаньские¹⁷ владения установили сношения [с Китаем с помощью] послов. Танский двор решил приготовить медных рыб, – самцы и самки¹⁸ соответствовали друг другу, – 12 пар, и на всех вырезано название того владения, которому предназначались» [ТПХЮЦ: 14а–16а].

Судя по тому, что на рассматриваемом предмете находится «правая половина» иероглифов *хэ-тун* (合同), сама половинка также является правой, т.е. выданной официальному лицу.

Правление императрицы У Цзэтянь, в 690 г. провозгласившей свою династию Да Чжоу, отмечено многочисленными изменениями в названиях административных и военных органов, в атрибутике и даже внедрением новых иероглифов. Также была сменена форма верительных бирок: «В девятом месяце первого года Тянь-шоу¹⁹ [бирки в форме] рыбы были поменяны на [бирки в форме] черепахи» [ЦТШ: гл. 25]. Новая форма бирок была обязана своим появлением фамилии императрицы У Цзэтянь. Иероглиф У (武) входит в название одного из мифологических существ *сюань-у*²⁰, отсюда – бирки-черепахи.

Узурпаторский режим У Цзэтянь не был признан, и сразу же после потери ею власти «нововведения» императрицы были упразднены. С приходом на трон императора из клана Ли (во втором месяце первого года Шэн-лун) были упразднены бирки в форме черепахи и вновь были введены в использование бирки-рыбы [ЦТШ: гл. 25].

Таким образом, бирки-черепахи были в употреблении с 691 по 705 гг., около 13 лет и 9 месяцев, и относятся к периоду династии Да Чжоу императрицы У Цзэтянь.

Учитывая сказанное выше о том, что надпись на обеих половинках бирки содержит идентификационные данные подчиненного (владельца правой половинки), мы пришли к выводу, что перевод надписи, приведенный А.М. Камышевым, неверен. Наши китайские коллеги-нумизматы, также считая надпись приказом и основываясь на строгом порядке слов в китайском предложении, восприняли иероглиф *чжи* (置) как сказуемое, таким образом переводя *ши-ша-то* (石沙陀) как дополнение. Кроме того, без внимания осталось *ша-то* – устойчивое выражение, являющееся китайским названием тюркского племени.

Оставив в стороне все промежуточные шаги, через которые пришлось пройти при интерпретации надписи, остановимся на конечном результате. Надпись разбивается на следующие элементы:

豹韬卫 翊府 左右郎将 员外置 石沙陀.

1. Первые три иероглифа – *бао-тао-вэй*²¹. В хрониках династии Тан упоминается следующее: «[Бывшая] Суйская *вэй-вэй*²² называлась [вначале] *тунь-вэй*²³, [в годы правления] Лун-шо²⁴ [название] было изменено на *вэй-вэй*, [в год правления] Гуань-жай²⁵ *вэй-вэй* поменяла [название] на *баотао-вэй*, [а в годы правления] Шэн-лун²⁶ опять стала [называться] *вэй-вэй*» [ЦТШ: гл. 24].

Таким образом, термин *баотао-вэй* мог использоваться только с 684 по начало 705 гг., что подтверждает представленную выше первоначальную датировку бирки временем правления У Цзэтянь.

2. Следующие два иероглифа в первой строке – *и-фу*. Охраной дворцового комплекса и его обитателей занимались т.н. «5 гарнизонных управлений», одно из которых и называлось *и-фу*²⁷.

3. Во второй строке в отдельный блок выделяются четыре иероглифа – *цзо-ю-лан-цзян*. Словоупотребление *цзо-ю* может означать как совокупность всех *ланцзянов*²⁸ (левых и правых), так и просто «окружение, среда». Возможный перевод – «среди *ланцзянов*» или «из *ланцзянов*».

4. Пятый иероглиф второй строки и два первых иероглифа третьей строки – это следующий блок – *юань-вай-чжи*. Выражение встречается в источниках и обозначает должность не из основного штата чиновников (внештатную). В Китае довольно частой была практика пожалования должностей различным знатым представителям туземного населения. В ЦТШ упоминается о пожаловании должностей тюркской знати из рода Ашина, причем один из «одариваемых» был до этого причислен именно к подразделению *баотао-*

вэй и-фу: «[Когда У] Цзэтянь пришла к власти, представители 10 родов²⁹ не имели государя [уже] несколько лет, племена [их] рассеялись. В начале [периода правления] Чуйгун³⁰ сын Мишэ³¹ Юань Цинн, [занимавший должность] среднего *ланцзяна* левой *баотао-вэй И-фу*, был назначен на должность левого военачальника³² *юйцзянь-вэй*³³ наместничества Куньлин³⁴, которым ранее управлял Синсиван Каган³⁵, *ябгу* племени *долу*³⁶. Сын Бучжэня³⁷ Хусэло [получил должность] правого военачальника *юйцзянь-вэй* наместничества Мэнчи³⁸, по совместительству – *ябгу* племени *нушиби*³⁹. Вскоре Юань Цину пожаловали должность великого военачальника левой [*юйцзянь-*] *вэй*» [ЦТШ: гл. 144].

Как правило, такое награждение племенной знати было почетным и не означало, что получивший эту должность имел в подчинении реальное воинское подразделение. Поэтому *цзоу ланцзян юаньвайчжи* следует понимать как «из внештатных *ланцзянов*».

5. Последний блок (3–5-й иероглифы третьей строки): *ши-ша-то*, что, по нашему мнению, обозначает фамилию (род) некоего Ши из племени *шато*. Тюркское племя *чугай* отделилось от более крупного племени *чуйюй*⁴⁰ после поражения, нанесенного Западному Тюркскому каганату Танскими войсками, и вынуждено было откочевать в район восточнее Бешбалыка (а в VIII в. – еще дальше на восток), получив в китайских источниках имя *шато* по наименованию местности (*шато* – пустыня) [Малявкин 1989: 176–177]. Многие представители тюрков, в том числе из племени *шато*, состояли после распада каганата на службе у китайского двора. После гибели Тан, в период «5 царств, 10 государств», шатосцами основаны три династии из пяти. Одно из этих государств, Поздняя Цзинь, было основано выходцем из рода Ши, о чем есть упоминание в «Старой истории Пяти династий» [ЦУДШ: Цзинь Шу, гл. 1]. Можно с определенной долей уверенности говорить о том, что владелец бирки был из того же клана, что и Гао Цзу, основатель династии Поздняя Цзинь.

Итак, текст бирки звучит следующим образом:

Шатосский Ши, внештатный ланцзян стражи Баотао гарнизонного управления И.

Бирка была изготовлена в период **июнь-июль 691 г. – март 705 г.** Очевидно, что она не могла быть утеряна до 692 г. – момента, когда Суяб был отбит у тибетцев. С 699 по 705 г. Суяб несколько раз переходил из рук в руки. Дальнейшее накопление и изучение источников относительно пребывания китайских войск в Суябе поможет более точно установить даты изготовления бирки, ее использования и утери.

Примечания

1. Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на XXXVII Научной конференции «Общество и государство в Китае», ИВ РАН, г. Москва, 12–14 февраля 2007 г.

2. Авторы выражают признательность кыргызстанским коллегам А.М. Камышеву и В.Г. Кошевару за предоставленные материалы по городищу Ак-Бешим (Суяб), а также Цао Гуаншэн (Китай) за некоторые сведения о верительных бирках танского периода. Наша особая благодарность А.М. Камышеву за сотрудничество и дополнительно присланные фотографии предмета.

3. Для удобства читателей приводим надпись в традиционном (как на бирке) и упрощенном (современном) написании иероглифов. Распознавание иероглифов не вызвало особых сложностей, за исключением небрежно написанного слова *вай* 外. Два символа представлены в более редких вариантах разнописи – *юань* (𠄎 вместо 員) и *чжи* (𠄎 вместо 置). Далее в тексте использована упрощенная форма иероглифов.

4. Подробнее об этом см. специальную работу Е.И. Лубо-Лесниченко [Лубо-Лесниченко 2002]. – *ред.*

5. Деревянные бирки-рыбы появились в 590 г., а бронзовые – в 595 г. См. [Rotours 1952: 106–107].

6. Первый год правления У-дэ соответствует 618 г.

7. *ли* 李 омонимично с *ли* 鯉 – карп.

8. *Юй-дай* (鱼袋) – букв. «мешок для рыбы».

9. *Басмылы* (*басими*) – племя, обитавшее в районе Бешбалыка. Являлось ли оно тюркским – до конца не ясно [Малявкин 1989: 172].

10. 20-й год Чжэнь-гуань соответствует периоду 17 февраля 649 г. – 6 февраля 650 г.

11. Тянь-бао – период правления с 742 по 756 гг.

12. *Ябгу* – верховный титул у уйгурских и тюркских племен.

13. *Туцзюэ* (突厥) – китайское название тюрков.

14. Император Сюань-Цзун правил 712–756 гг.

15. 7 апреля 753 г.

16. ТПХЮЦ, Т. VI, кн. 6, гл. 200, с. 14а–16а.

17. *Сифань* – «западные варвары». Термин при Тан употреблялся широко, в том числе по отношению к западным *туцзюэ*.

18. Самцы и самки – бирки с большим иероглифом *тун*, выпуклым или в виде углубления, соответственно.

19. Выдающаяся императрица изменила существовавший порядок смены периодов правления. Традиционно после объявления новой эры ее отсчет начинался с первого дня ближайшего Нового года по китайскому календарю. Однако после провозглашения династии Да Чжоу отсчет стал вестись сразу же после очередной смены периода правления. За короткий период существования династии таких периодов было восемь, причем самый короткий из них составлял всего три месяца. Период Тянь-шоу (天授) длился с 16 октября 690 г. по 21 апреля 692 г. Таким образом, дата «9-й месяц первого года Тянь-шоу» приходится на июнь – июль 691 г.

20. 玄武 – *сюань-у*, букв. «черный воин» (изображался в виде черепахи с головой змеи), отвечал за северный квадрант небесной сферы [Williams 1960: 400].

21. Вэй (卫) – охрана, стража. В период Тан – одна из 16 частей, несших службу по охране столицы. Приблизительный перевод наименования *баотао-вэй* звучит как «стража из леопардов, искусных в военном деле», далее в тексте дается без перевода.

22. Вэй-вэй (威卫) – букв. «стража из доблестных».

23. Тунь-вэй (屯卫). Иероглиф *тунь* применяется в словосочетаниях, обозначающих военные поселения, колонии, лагеря. Поэтому приблизительный перевод названия следующий: «гарнизонная стража».

24. 661–663 гг.

25. 684 г.

26. 705–707 гг.

27. В комментариях В.М. Рыбакова к ТЛШИ говорится: «Прибывавшие от корпусов ополчения *чжэчунфу* в столицу бойцы, предназначенные для посменной службы в шестнадцати гвардиях, расквартировывались на время отбывания воинской повинности по так называемым Пяти гарнизонным управлениям (*у-фу*)» [ТЛШИ 1999: 316]. И далее: «Тремя гвардиями *сань вэй* собирательно назывались войсковые части, сконцентрированные в столице для ее безопасности, в первую очередь – личной безопасности императора. Они-то и были расквартированы по Пяти гарнизонным управлениям, у двух пар из которых названия совпадали, так что названий было три – отсюда три гвардии» [ТЛШИ 1999: 327]. Эти три названия – одно управление *цин-фу* (亲府), два управления *сюнь-фу* (勋府) и два управления *и-фу* (卫府). В Большом китайско-русском словаре под ред. Ошанина [БКРС: 110] приводится словосочетание *ивэй* (卫卫) – «стража из почтительных», поэтому *и-фу* примерно будет звучать как «гарнизонное управление [стражи] из почтительных». Ввиду громоздкости и приблизительности такого перевода будем употреблять название «гарнизонное управление И».

28. Ланцзян (郎将) – при династиях Суй и Тан военная должность, соответствующая первому высшему классу 5-го ранга.

29. Ши-син (十姓) – букв. «10 родов», т.е. десятистрельные тюрки.

30. Чуй-гун (垂拱) – название периода правления с 685 по 689 гг. императрицы У Цзэтянь.

31. Мишэ (弥射) – Ашина Мишэ, Синсиван Каган (兴昔亡可汗), 657–662 гг.

32. Цзян-цзюнь (将军) – букв. «военачальник». Да Цзян-цзюнь (大将军) – великий военачальник.

33. Юйцзянь-вэй (玉钤卫) – букв. «стража, вооруженная секирами с древками, украшенными нефритом».

34. Куньлин (昆陵) – одно из двух фиктивных наместничеств в Восточном Туркестане. В 658 г. танский генерал Су Динфан разгромил западных тюрков, ликвидировав угрозу влияния государства Тан в степях Средней Азии. Танские правители хотели поставить западных тюрков под контроль и с этой целью создали два марионеточных каганата, одновременно объявив их наместничествами (*духу* 都护) Куньлин и Мэнчи. Каганами были поставлены принцы из рода Ашина (阿史那) – Мишэ и Бучжэнь, они же стали наместниками. «Сотрудничество» танского государства с марионетками из рода Ашина продолжалось примерно 50 лет, на протяжении трех поколений ашинских правителей [Малявкин 1989: 100].

35. См. примечание 31.

36. Долу (дулу) – племенной союз тюрков туцзюэ. Наряду с широко известным делением западных тюрков на 10 племен (родов, стрел) известны также два союза – пять племен *долу* (咄六) и пять племен *нушиби* (弩失) [Малявкин 1989: 168].

37. Бучжэнь (步真) – Ашина Бучжэнь, Цзи-ванцзюй Каган (继往绝可汗), 659–665 гг. См. примечание 33.

38. Мэнчи (濛池). См. примечание 33.

39. См. примечание 35.

40. Чукуй (处月).

41. При работе над докладом использовались тексты СТШ, ЦТШ и ЦУДШ в редакции, доступной в PDF-формате в он-лайн библиотеке г. Шанхай, Китай [Сунцзе, Интернет].

Abstract

ON ONE FIND OF THE TANG DYNASTY BRONZE TALLY OF CREDENCE FROM THE AQ-BESHIM SITE.

V.A. Belyaev, S.V. Sidorovich

This article considers the leaf of bronze tally of credence of the Tang dynasty period, unearthed in 2006 at the ancient site Aq-Beshim (Kyrgyzstan). The tally originally had the shape of a tortoise, consisting from two leaves. There are Chinese inscriptions on the inner and flank sides. The inscriptions have been read, translated and commented. The date when the tally could have been issued and used ranges from June – July 691 A.D. till March 705 A.D., i.e. during the reign of Empress Wu Zetian.

Источники

- СТШ – Оуян Сю. Синь Тан шу (新唐書 Новая хроника государства Тан)⁴¹.
- ТЛШИ 1999 – Тан люй шу и (唐律疏議 Уголовные установления Тан с разъяснениями) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. – Ч. 1. – СПб., 1999.
- ТЛШИ 2001 – Тан люй шу и (唐律疏議 Уголовные установления Тан с разъяснениями) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. – Ч. 2. – СПб., 2001.
- ТЛШИ 2005 – Тан люй шу и (唐律疏議 Уголовные установления Тан с разъяснениями) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. – Ч. 3. – СПб., 2005.
- ТПХЮЦ – Тайпин хуань юй цзи (太平寰宇記 Описание мира годов правления Тайпин). – *Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961.
- ЦТШ – Лю Сюй. Цзю Тан шу (舊唐書 Старая хроника государства Тан).
- ЦУДШ – Се Цзюйчжэн. Цзю Удай ши (舊五代史 Старая хроника периода “Пяти династий”).
- ШЦ – Сыма Цянь. Ши цзи (史記 Исторические записки) / Пер. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. – М., 1975. – Т. 2.

Литература

- БКРС – Большой китайско-русский словарь.– М., 1984. – Т. 3.
- Горячева, Перегудова 1996 – *Горячева В.Д., Перегудова С.Я.* Буддийские памятники Киргизии // ВДИ. – 1996. – № 2.
- ZENO, Интернет – *ZENO.RU.* Нумизматическая он-лайн база данных. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zeno.ru>.
- Камышев 2002 – *Камышев А.М.* Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. – Бишкек, 2002.
- Камышев 2006 – *Камышев А.М.* В Киргизии найдена черепашка – тайный приказ китайского генерал-губернатора эпохи Тан (VII век) // Вечерний Бишкек. – 2006. – 17 мая.
- Кляшторный, Савинов 2005 – *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. – СПб., 2005.
- Лубо-Лесниченко 2002 – *Лубо-Лесниченко Е.И.* Сведения китайских письменных источников о Суябе (городище Ак-Бешим) // Суяб. Ак-Бешим. – СПб., 2002.
- Малявкин 1989 – *Малявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. – Новосибирск, 1989.
- Сунцзе, Интернет – 上海市青浦区崧泽学校 Шанхай шицин Пуцзюй Сунцзе сюяо (Сайт школы Сунцзе района Пуцзюй Шанхая). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.qpszxx.edu.sh.cn>.
- Coole 1976 – *Coole A.B.* Encyclopedia of Chinese Coins. – Vol. 5. – Massachusetts, 1976.
- Rotours 1952 – *Rotours R.d.* Les insignes en deux parties (fou 符) sous la dynastie des T'ang (618–907) // T'oung Pao. – Vol. 41. – Leiden, 1952.
- Williams 1960 – *Williams C.A.S.* Encyclopedia of Chinese symbolism and art motives. – New-York, 1960.

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ МОНЕТНОГО СПЛАВА
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОНЕТ СЕМИРЕЧЬЯ

В.Г. Кошевар*

*Чуйская долина / состав монетного сплава / Средневековье
Chu valley / alloy composition of coins / Middle ages*

В настоящей публикации приводятся предварительные сведения о составе монетного сплава некоторых типов раннесредневековых монет, найденных в Чуйской долине.

Анализ монетных находок в Чуйской долине предполагает, что в VIII в. здесь имело место совместное обращение монет местных эмиссий и китайских монет. Причем последние, видимо, отливались как на государственных монетных дворах в Центральном Китае или в Восточном Туркестане, так и частным образом, в том числе и в Чуйской долине. Вследствие этого нами проанализирован весь массив доступной информации о составе монетного сплава китайских монет, отлитых, судя по легендам на лицевой стороне монет и иным признакам, в период VII – кон. VIII в.

Известно, что в Китае при эмиссии монет всегда регламентировали их вес, размер, оформление внешнего вида, состав монетного сплава и легенду. По сведениям, содержащимся в «Синь Тан Шу», один монетный двор расходовал в год 21200 цзинь (1 цзинь – 596,816 г [Кроль, Романовский 1982: 217]) меди, 3709 цзинь свинца и 500 цзинь олова [Хрестоматия... 1961: 58], что указывает на декретируемое содержание основных компонентов монетного сплава как 83 : 15 : 2%. Как следствие, монеты, отливавшиеся на монетных дворах, контролируемых государственными чиновниками, видимо, должны были соответствовать декретированным параметрам, с возможными незначительными отклонениями в метрологии и составе монетного сплава.

Проведенные зарубежными специалистами анализы показали, что среднее содержание, вычисленное по результатам спектрального анализа более чем 130 различных монет

династии Тан, составляет: меди (Cu) 72,18%, свинца (Pb) 20,10 % и олова (Sn) 6,15% [Dai, Zhou 1993: 323]. Для монет с легендой на лицевой стороне 開元通寶 (Кайюань Тунбао, Kai Yuan Tong Bao): меди 60–75%, свинца 10–30%, олова 4–9%, железа (Fe) до 2,4% [Dai, Zhou 1993: 316]. Впрочем, известны монеты Кайюань Тунбао с содержанием олова 28,5% [ZENO, Интернет; №37792], свинца 41,9% [ZENO, Интернет; №43025] или полностью свинцовые [ZENO, Интернет; №43021–43023].

Результаты анализа состава монетного сплава трех монет с легендой на лицевой стороне 乾元重寶 (Цяньюань Чжунбао; Qian Yuan Zhong Bao) и двух монет с легендой на лицевой стороне 大曆元寶 (Дали Юаньбао, Da Li Yuan Bao), найденных в Восточном Туркестане, показали, что они содержат свинца 38–74%, олова 13–18% [Rhodes 1997: 182]. Это в 2–3 раза больше, чем монеты, которые, как предполагается, были изготовлены в Центральном Китае. По мнению Х. Ванг и Дж. Крибба, эти сведения могут являться критерием определения места эмиссии монет в Восточном Туркестане [Wang 2004: 43; Wang, Cowell... 2005: 2]. П.М. Карташовым (г. Москва)¹ были исследованы четыре монеты, найденные в Восточном Туркестане. Одна монета Дали Юаньбао имеет в составе монетного сплава Sn 11,6561%, Pb 24,1146% [ZENO, Интернет; №37794], другая Sn 11,5386/8,9970%, Pb 39,7654/49,3865% [ZENO, Интернет; №44241]. Монеты с одним иероглифом 元 (Юань; Yuan) и 中 (Чжун; Zhong) имеют в составе монетного сплава Sn 3,5050%, Pb 40,5108% [ZENO, Интернет; №44240] и Sn 8,4921%, Pb 18,2674% соответственно [ZENO, Интернет; №44239]. Прослеживается повышенное содержание свинца в исследованных монетах этих типов, но для окончательных заключений о правомерности критерия, предложенного Х. Ванг и Дж. Криббом,

* Кошевар Вадим Григорьевич – ЧП «АЛВИ-АН». Кыргызстан, Бишкек, alwian@elcat.kg, alwian@mail.ru

требуется исследование значительно большего количества монет.

Для исследования в Физико-аналитическую лабораторию Института геологии НАН КР нами были переданы четыре экземпляра монет с китайскими иероглифами на лицевой стороне, которые в силу своей сохранности не представляли интереса с коллекционной точки зрения. Все монеты – случайные находки на городищах восточной части Чуйской долины. Исследование проводилось путем сжигания части монеты в электрической дуге. Результаты количественного спектрального анализа приведены в табл. 1. Медь составляет основу сплава, и ее процентное содержание в таблице не отражено.

Исследования сплава трех монет Кайюань Тунбао (табл. 1. 1–3) и одной монеты Дали Юаньбао (табл. 1. 4) показали содержание в монетном сплаве: олова 5–10% (Кайюань Тунбао) и более 20% (Дали Юаньбао) и свинца от 10 до 20% и более. В некоторых монетах отмечено повышенное содержание железа (1,5%) и кобальта (Co) (до 1%). Эти данные вполне согласуются со сведениями о составе монетного сплава, полученными другими специалистами для аналогичных монет [Смирнова 1981: 73, 432; Doo 2005: 21; Wang, Cowell ... 2005: 2, 12–13; Yih, Kreek 1998: 27].

Поскольку считается, что при производстве собственных монет в Чуйской долине за основу была взята китайская метрология и оформление внешнего вида монеты, то можно предположить и идентичность состава монетного сплава, по крайней мере, на начальном этапе их производства.

Впервые данные о составе монетного сплава, использованного для изготовления ранне-средневековых монет Семиречья, были опубликованы О.И. Смирновой [Смирнова 1981: 438]. При этом было исследовано 15 согдийских монет Юго-Восточного Семиречья (т.н. «тюркешских»), найденных на городище Красная Речка (Чуйская долина). На основе результатов количественного спектрального анализа монет бронза, применяемая для изготовления монет, была отнесена в 14 случаях к группе В (по классификации, используемой в публикации [Смирнова 1981: 70], – сплав меди (основа), олова (1–7%) и свинца (2–18%), и в одном случае к группе Б – сплав меди (основа) и свинца (5–18%). Ею же были исследованы 90 ранне-средневековых монет с городища Пенджикент и 15 с городища Кува [Смирнова 1981: 432–437]. По данным исследователя, в согдийских монетах содержание основных компонентов монет-

ного сплава следующее: медь 84–86%, свинец от 10 до 18%, олово 7–8% [Смирнова 1981: 73].

В 2002 г. данные о количестве свинца, цинка и никеля в составе сплава монет, найденных на городищах Ак-Бешим и Красная Речка (Чуйская долина), были опубликованы А.М. Камышевым [Камышев 2002: 123–125]. Анализ производился с использованием рентгенофлуоресцентного анализатора AP-104 [Камышев 2002: 81]. Следует отметить, что в тексте публикации говорится об исследовании 160 монет, но у монет с номерами 1742, 1758, отмеченных как исследованные на определение качественного состава, результаты анализа не указаны. А у монет с номерами 538, 1490, 1432, 1433, 1631, 1700, 1706 приведены результаты анализа только одной стороны. Отсутствие данных, без указания причин, допускает определенную выборочность представленных данных. Анализ же опубликованных результатов показал, что при значительном разбросе количества свинца в монетном сплаве внутри каждой из групп и небольшом количестве измерений А.М. Камышев оценивает содержание свинца в монетном сплаве посредством вычисления только среднеарифметического его значения. Это представляется недостаточным для получения объективной картины. Проведенная нами дополнительная статистическая обработка данных показала, что для большинства групп монет содержание свинца в сплаве не подчиняется нормальному закону распределения, из чего следует вывод о неоднородности монет по этому признаку в исследованных группах, что, в свою очередь, указывает на непозволительность делать какие-либо заключения о закономерностях на основании полученных данных.

С целью дальнейшего изучения состава сплава монет Семиречья, помимо вышеназванных, в Физико-аналитическую лабораторию Института геологии НАН КР нами было передано 116 экземпляров монет, имеющих различную степень сохранности. Из них: 99 экземпляров согдийских монет Семиречья (т.н. «тюркешских») разных диаметров (номиналов), 13 экземпляров т.н. «тухусских» монет разных диаметров (номиналов) и четыре экземпляра т.н. «прото-караханидских» монет. Все монеты имеют случайное происхождение – найдены на городищах восточной части Чуйской долины. Их исследование также проводилось путем сжигания части монеты в электрической дуге. Результаты количественного спектрального анализа приведены в табл. 2, 3, 4. Медь составляет основу сплава, и ее процентное содержание в таблице не отражено.

Анализ спектрограмм сплава, применяемого для изготовления монет, указывает на то, что он производился из руд сложного состава. Преобладающим элементом, составляющим его основу, являлась медь. Олово и свинец – вспомогательные элементы, причем свинец всегда, а олово весьма часто, видимо, искусственно добавлялись в сплав. Считается, что добавка к меди легирующих компонентов с содержанием свыше 1% приводит к заметному изменению свойств металла. Такая точка зрения является наиболее логичной и аргументированной: граничное содержание элемента в 1% служит основой для деления металлов на «чистые» и сплавы [Енисова, Митоян и др., Интернет]. Добавки свинца увеличивают текучесть расплавленного сплава, что важно при литье «монетного дерева», имевшего значительную длину и незначительное сечение, что, несомненно, ведет к снижению количества производственного брака. Кроме того, несколько понижается температура плавления сплава, что, видимо, приводит к некоторой экономии топлива.

В целом химический состав монетных сплавов однороден. Но в нескольких монетах некоторые из компонентов – железо, цинк, мышьяк (As), сурьма (Sb), висмут (Bi), серебро (Ag) – присутствуют в таком количестве (более 1%), что их наряду с медью, оловом и свинцом следует считать компонентами сплава, но, видимо, попавшими в его состав все-таки непреднамеренно. В подавляющем числе монет отмечается присутствие никеля (Ni) 0,01–0,6%, кобальта 0,01–0,4% и марганца (Mn) до 0,007%. В некоторых монетах выявлено небольшое содержание золота (Au) до 0,003%, отмечены следы германия (Ge). Присутствие последних элементов в сплаве в дальнейшем может помочь при определении рудных источников, сырье из которых шло на изготовление сплавов. Реальное выполнение этой задачи возможно лишь только в перспективе, когда будут исследованы материалы, связанные с горно-металлургическим производством Кыргызстана и сопредельных территорий (древние рудники, шлаки, готовая продукция и пр.), и создана база данных их химического состава. Имеющиеся в настоящее время материалы не позволяют сделать какие-либо заключения о конкретных источниках сырья.

В результате анализа спектрограмм можно выделить четыре основные группы по содержанию примесей: Cu; Cu + Pb; Cu + Pb + Sn; Cu + Pb + Sn + Zn.

К первой группе можно отнести, пожалуй, только одну монету (табл. 3. 13). Содержание олова и свинца здесь составляет по 1%, но, судя по незначительному содержанию в сплаве других элементов, наиболее вероятно это технологическое загрязнение.

Ко второй группе относятся девять, к третьей – 99 и к четвертой – 11 монет.

По содержанию олова в сплаве монеты следует отметить незначительное количество монет с содержанием олова до 1% и значительное количество монет с содержанием олова 5–10%. Впрочем, отмечены монеты и с более высоким (20% и более) его содержанием. Содержание свинца в сплаве стабильно высокое и составляет в основном от 10 до 20% и более. Общее содержание комплексной лигатуры олово-свинец составляет 15–25%, но в некоторых случаях достигает 40% и более (рис. I–VI). Такой значительный разброс количества основных компонентов лигатуры в монетном сплаве, видимо, предполагал их искусственное введение в состав монетного сплава, но, скорее всего, не предполагал их точное нормирование.

В составе монетного сплава присутствуют и иные металлы, которые влияют на его технологические свойства, но нестабильное их количество в исследуемых монетах предполагает непреднамеренное введение в состав монетного сплава этих компонентов. Так, цинк присутствует практически во всех монетах в количествах до 0,5%, но в некоторых монетах отмечено повышенное его содержание до 3–5% (табл. 2. 3, 14, 34, 47, 64; табл. 3. 2). Следует отметить, что у четырех исследованных т.н. «прото-караханидских» монет, выпускавшихся, как предполагается, в сер. X в., отмечено стабильно повышенное содержание цинка (2–5%) (табл. 4. 1–5), по сравнению с монетами местных эмиссий VIII в. Мышьяк выявлен в небольших количествах (чаще всего до 0,1–0,3%); железо – 0,1–0,5%, достигая содержания 1% (табл. 2. 36).

Присутствующие в медных рудах в разных количествах металлосодержащие минералы при плавке восстанавливаются и растворяются в медном сплаве, что, несомненно, различает состав монетного сплава. Результаты спектрального анализа дают основание полагать, что руда происходила не из одного рудного центра, а из нескольких месторождений, отличающихся своими геохимическими характеристиками. Напомним, что известны многочисленные следы древних выработок на

медь в горных массивах, окружающих Чуйскую долину и Иссык-Кульскую котловину [Крейтер, Смирнов 1937: 15; Массон 1936: 12].

Кроме того, как видно из результатов спектрального анализа, состав монетного сплава по содержанию второстепенных компонентов лигатуры может значительно отличаться. Такие отличия можно объяснить вероятным применением во вторичную переработку лома изделий, которые ранее могли быть изготовлены в иных регионах и, соответственно, могли иметь компоненты лигатуры в иных пропорциях или нехарактерные для исследуемого региона. Не следует забывать о переработке брака и отходов собственного производства. Также возможен ненадлежащий контроль со стороны ответственных лиц за качеством подготовки и пропорциями монетного сплава. Вполне вероятно, что существовала и частная отливка монет, где такой контроль явно отсутствовал. Сведения об очистке меди от лигатур при вторичной переработке металлов пока не известны. Вследствие этого, не поддающиеся нормированию и закономерностям различия в содержании основной лигатуры (свинец, олово) в монетном сплаве на несколько процентов являются вполне допустимыми и объяснимыми. Соответственно обоснование хронологии эмиссии монет Семиречья изменением среднего содержания свинца в монетном сплаве на 2,2–2,9% [Камышев 2002: 82–83] является, безусловно, ошибочным.

Наши исследования показали, что пропорции основных компонентов монетного сплава (меди, олова и свинца) в Семиречье близки к пропорциям компонентов монетного сплава, использовавшегося при изготовлении монет в соответствующий период в Китае и Восточном Туркестане.

Обобщение же всех известных нам результатов исследования состава сплава как китайских монет, так и монет местных эмиссий предполагает занижение значений содержания свинца в его составе у монет, опубликованных А.М. Камышевым. Указываемые средние значения от 4,2 до 9,3% в крупных «тюргешских монетах» разных типов, 7,7% в монетах «среднего размера», 3–5% в «раннесредневековых среднеазиатских монетах и цянях танского Китая» и «в местных подражаниях китайским монетам и в тюргешских и тухусских монетах других типов» [Камышев 2002: 83] представляются заниженными в 2–3 раза (см. табл. 5–7).

В контексте изучаемого вопроса необходимо остановиться на тезисе О.И. Смирновой:

«...удельный вес бронзы больше, чем меди, и вес монетной единицы, изготовленной из бронзы, увеличивался по сравнению с изготовленной из меди благодаря этим добавкам в 1,5–2 раза» [Смирнова 1981: 73]. И если его начало неоспоримо верно, то численное значение «в 1,5–2 раза», безусловно, ошибочно. Следующий далее по тексту пример разъясняет: «...если из 1 кг меди можно было изготовить до 500 медных монет, то бронзовых – до 700–900» [Смирнова 1981: 73]. Действительно, если при подготовке монетного сплава добавить к меди в качестве лигатуры какое-то количество свинца и олова, то объем монетного сплава увеличится и из него действительно можно получить большее количество монет. Но если количество меди сократить, заменив ее свинцом и/или оловом, при сохранении объема монетного сплава, такого эффекта, естественно, не произойдет и масса монеты изменится незначительно.

Основными компонентами монетного сплава раннесредневековых монет Семиречья являются медь, олово, свинец; пропорции этих компонентов оказывают основное влияние на массу монеты. Остальные компоненты, чаще всего, имеют содержание в составе монетного металла на уровне естественных примесей, и для предварительных расчетов этими значениями можно пренебречь. Общеизвестно, что удельный вес меди составляет 8,91–8,95 г/см³, олова 7,18–7,3 г/см³, свинца 11,3–11,5 г/см³. Произведенные расчеты показывают, что при неизменных линейных параметрах монеты вследствие увеличения доли свинца в сплаве с 4,2% (для монет группы А, по классификации А.М. Камышева) до 9,3% (для монет группы В, по классификации А.М. Камышева) [Камышев 2002: 83] (т.е. более чем в 2 раза) масса монеты увеличивается не «в полтора раза», как указывает А.М. Камышев [Камышев 2002: 49], а не более чем на 1,4%. Даже если предположить полное замещение в монетном сплаве меди свинцом, то вес такой монеты увеличится лишь на 29%. Эти расчеты наглядно показывают, что увеличение свинца в монетном сплаве при сохранении геометрических параметров монеты не приводит к указываемому увеличению веса монет. Так, монеты типа Тр-4ж (по классификации А.М. Камышева) №1490, 1501, 1505, 1508, 1509, 1513, 1515, 1523, 1526 одинакового состояния и диаметра, найденные на городище Красная Речка, при изменении, по результатам спектрального анализа, содержания свинца в сплаве от 0,9 до 10,65% [Камышев

2002: 124] (т.е. почти в 12 раз) имеют одинаковый вес – 1,3 г [Камышев 2002: 119]. Таких примеров более чем достаточно.

Указываемые различия в весе монет действительно существуют, но причины этого иные. Уже на начальном этапе исследования раннесредневековых монет Семиречья нами была отмечена их различная толщина. Эта величина была введена как третий параметр, характеризующий метрологию бронзовых монет. Именно этот нестабильный, при используемой технологии изготовления, параметр в большей степени влияет на вес монет, чем изменение удельного веса сплава, вызываемое нестабильностью состава его компонентов. Это наглядно видно из формулы, которую можно использовать для оценочного расчета массы монеты ($m = \rho v = \rho(\pi r^2 - ab)h$, где r – диаметр монеты, a и b – размеры квадратного отверстия в центре монеты, h – толщина монеты, ρ – удельный вес монетного сплава, и подтверждается приведенной метрологией исследуемых монет (табл. 2, 3).

Следует отметить, что указываемое увеличение содержания свинца в составе сплава не обязательно предполагает, как на то указывает А.М. Камышев, последовательное снижение качества (визуально) [Камышев 2002: 43, 78, 83, 93–94]. Хорошее или плохое современное состояние монеты совсем не обязательно указывает на изначальное качество изготовления, а больше зависит от условий обращения и сохранения, а также очистки. В качестве частного, но весьма показательного примера приведем результаты анализа состава сплава двух согдийских монет Семиречья, проведенного П.М. Карташовым, и представленные на сайте <http://www.zeno.ru>.

Монета №33693 (рис. I), в визуальном худшем состоянии, определяется как «толстый и тяжелый экземпляр ... вес – 5,0431 г, диаметр – 24,5–24,6 мм, толщина – 2,0 мм и по результатам рентгенофлуоресцентного анализа имеет состав монетного сплава: Cu – 89,1810%, Zn – 0,3187, Sn – 3,7445, As – 0,7834, Sb – 0,9928, Pb – 2,7717, Fe – 0,1788, Mn – 1,7085, Ni – 0,3105%, Cd, Co, Bi – ниже пределов чувствительности» [ZENO, Интернет: №33693], а монета №33694 (рис. II), в визуальном лучшем состоянии, как «более тонкий и легкий (по сравнению с монетой № 33693) экземпляр ... вес – 4,7599 г, диаметр 24,90–24,6 мм, толщи-

на – 1,6 мм и по результатам рентгенофлуоресцентного анализа имеет состав монетного сплава: Cu – 55,7065%, Sn – 4,1952, As – 2,2783, Pb – 36,7685, Fe – 0,8302, Ni – 0,1179%, Zn, Sb, Cd, Bi, Co, Mn – ниже пределов чувствительности» [ZENO, Интернет: №33694].

Рис. I. Монета визуальном худшем состоянии (по: ZENO, Интернет, № 33693)

Рис. II. Монета визуальном лучшем состоянии (по: ZENO, Интернет, № 33694)

Дальнейшие комментарии представляются совершенно излишними.

Таким образом, как мы видим из результатов исследования, при подготовке монетного сплава точного нормирования его компонентов не производилось. Вследствие этого выведенная А.М. Камышевым закономерность в изменении среднего количества свинца в составе монетного сплава в 2–3% не может быть принята как достоверная. Это ошибочное положение, как и многие другие, ранее отмеченные нами, в конечном итоге, ставят под сомнение предложенную им хронологию эмиссий раннесредневековых монет Семиречья.

Примечание

1. Пользуясь случаем, выражаю признательность П.М. Карташову за ценные советы, данные мне в процессе подготовки настоящей публикации.

Abstract

**TO THE METALLIC COMPOSITION OF COINS
PRODUCED IN EARLY MEDIEVAL SEMIRECHYE
V.G. Koshevar**

The study of alloy composition in early medieval coins, found in the Chu valley, has shown that the basic metal in the alloy used for such coins was copper, to which lead (10 to 20 per cent and more) and tin (3 to 8 per cent and more) were principal additions. Other metal impurities exposed by means of spectral analysis, sometimes even comprising more than 1 per cent, probably got into the alloy inadvertently, coming together with primary ore sources from various mine deposits, or else during remelting the recyclable metal. Definitely no strict control of alloy components was made in preparing the metal for minting the coins under review.

Литература

- Ениосова, Митоян и др., Интернет – *Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г.* О принципах классификации средневековых сплавов на основе меди. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://liber.rsuh.ru/Conf/Metall/eniosova.htm>
- Камышев 2002 – *Камышев А.М.* Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. – Бишкек, 2002.
- Крейтер, Смирнов 1937 – *Крейтер В.М., Смирнов В.И.* Полиметаллические месторождения Средней Азии. – М.; Л., 1937.
- Кроль, Романовский 1982 – *Кроль Ю.Л. Романовский Б.В.* Опыт систематизации традиционной китайской метрологии // СНВ. – Вып. 23. – 1982.
- Массон 1936 – *Массон М.Е.* К истории добычи меди в Средней Азии. В связи с прошлым Алмалыка. – М.; Л., 1936.
- Смирнова 1981 – *Смирнова О.И.* Сводный каталог согдийских монет. – М., 1981.
- Хрестоматия... 1961 – Хрестоматия по истории средних веков. Т. 1. Раннее средневековье. – М., 1961.
- Dai, Zhou 1993 – *Dai Zhi-Qiang, Zhou Wei-Rong.* Studies on the Alloy Composition of Past Dynasties Copper Coins in China // Proceedings of the XI-th International Numismatic Congress. – Vol. 3. – Louvain-la-Neuve, 1993.
- Doo 2005 – *Doo R.* Chronology of Kai Yuan Tung Bao. – Shanghai, 2005.
- Rhodes 1997 – *Rhodes N.* Tang dynasty coins made in Xinjiang // Studies in Silk Road Coins and Culture. Silk Road art and archaeology. – Kamakura, 1997 (Special volume 1997).
- ZENO, Интернет – *ZENO.* – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zeno.ru>
- Yih, Kreek 1998 – *T.D. Yih, J. de Kreek,* Soghdian Kaiyuan // ONS. – 1998/99. – №158.
- Wang, Cowell ... 2005 – *Wang H., Cowell M., Cribb J. and Bowman S.* (eds). Metallurgical analysis of China coins at the British Museum / British Museum Occasional. – Paper 147. – London, 2005.
- Wang 2004 – *Wang H.* Money on Silk Road. The evidence from Eastern Central Asia to c. AD 800. – London, 2004.

вы размещены вертикально сверху вниз). Кругом, между внутренним двойным и внешним одинарным линейными ободками – Кор.-1.

2. Куз Орду, 396/1005–06 гг.⁴

Л.ст. В поле – К-2, по сторонам – В-1 в виде квадрата. Все в 2-линейно-насечном ободке.

Об.ст. В поле:

АВв
 É¼¾¼m̄ f ÅZ ç
 jv ÆÉ¼B i eB»A
 Ó¼ Åi f ÅYAÖ¼A
 ¾ÆB

«Хан. / Мухаммад – посланник Аллаха. / Ал-Кадир би-ллах. Наср / ал-милла Ахмад б. 'Али. / 'Адил»; кругом, между внутренним 2-линейным и внешним линейно-насечным ободками – Кор.-1.

3. Куз Орду, 396/1005–06 гг.⁵

Л.ст. В поле – К-2, внизу слово š j ā (имя собственное?), наиболее допустимое чтение которого – *Мирак*. Кругом, между внутренним 2-линейным и внешним линейно-насечным ободками – В-1.

Об.ст. В поле:

АВв
 É¼¾¼m̄ f ÅZ ç
 É¼B i eB»A
 Ó¼ Åi f ÅYA
 ¾ÆB

«Хан. / Мухаммад – посланник / Аллаха. Ал-Кадир би-ллах. / Ахмад б. 'Али. / 'Адил». Кругом, в обрамлении, как на л.ст.:

ÖÉ¼»AK ñ³ j °»A¼A ¼»Af Ìn»Aj Ì¼ÜAÉ j ç;ABA ç
 Ö¼Ajv Æ

«Из того что приказал [выбить] амир, саййид, малик победоносный Кутб ад-давла ва-Наср ал-милла».

4. Куз Орду, 403/1012–13 гг.⁶

Л.ст. В поле – К-1. По сторонам – В-1 в виде квадрата. Все в линейно-насечном ободке.

Об.ст. В поле:

É¼
 É¼¾¼m̄ f ÅZ ç
 É¼B i eB»A
 f ÅYAÖÉ¼»AK ñ³ ABB»A
 Ó¼ Åi

«Аллаху. / Мухаммад – посланник Аллаха. / Ал-Кадир би-ллах. Ал-хакан Кутб ад-давла Ахмад / б. 'Али». Кругом, в обрамлении, как у №3 – Кор.-1.

5. Куз Орду, 406/1015–16 гг.⁷

Л.ст. В поле:

É¼¾¼AÉ¼AÜ
 É¼¾¼Af j NÜ

«Нет бога, кроме Аллаха, / нет покорности, кроме как Аллаху». По сторонам – В-1 в виде квадрата. Все в 2-линейном ободке.

Об.ст. В поле:

É¼
 É¼¾¼m̄ f ÅZ ç
 ¾B»A ¼»AÉ¼B i eB»A
 A³ Å m̄Aj °»AÖ¼IA
 ABBa

«Аллаху. / Мухаммад – посланник Аллаха. / Ал-Кадир би-ллах. Малик правосудный / Абил-Музаффар Арслан кара-/хакан» (последнее слово размещено вертикально сверху вниз). Кругом, в обрамлении, как у №1 – Кор.-2.

6. Куз Орду, 417/1026–27 гг.⁸

Л.ст. В поле – К-1. Кругом, между внутренним двойным и внешним одинарным линейными ободками – В-1.

Об.ст. В поле:

É¼
 É¼¾¼m̄ f ÅZ ç
 ¼»AÉ¼B i eB»A
 if³ ilv ÆA
 ABA

«Аллаху. / Мухаммад – посланник Аллаха. / Ал-Кадир би-ллах. Малик / победоносный Кадыр-/хан». Кругом, в обрамлении как на л.ст. – Кор.-2.

7. Куз Ор[ду], 41? г. х.⁹

Л.ст. В поле – К-1, вверху ¼малик, внизу ¼r ÅA ал-Машрик (?). По сторонам – В-1 в виде квадрата. Все в 1-линейном ободке.

Об.ст. В поле:

É¼
 É¼¾¼m̄ f ÅZ ç
 É¼B i eB»A
 ¼»ABA
 ¼jr ÅA

«Аллаху. / Мухаммад – посланник Аллаха. / Ал-Кадир би-ллах. / Хан, малик / ал-Машрик». Кругом, между двумя 1-линейными ободками – Кор.-1.

8. [Куз О]рду, дата не сохранилась¹⁰

Л.ст. В поле – К-1. По сторонам – В-1 в виде квадрата. Внешнее обрамление не сохранилось.

Об.ст. В поле, в 2-линейном ободке:

É¼
 É¼¾¼ni f AZ ç
 É¼j çB ÅB»A
 AB»A Å¼niA

«Аллаху. / Мухаммад – посланник Аллаха. / Ал-Ка’им би-амри-ллах / Арслан-хакан». Кругом не сохранилось.

9. [К]уз Орду, [44]5/1053–54 гг.¹¹

Л.ст. В поле – К-1, сверху jv ÅНаср, внизу мелкий значок каплевидной формы. Кругом, между двумя линейными ободками – В-1.

Об.ст. В поле:

É¼¾¼ni f AZ ç
 Åk É¼j çB ÅB»A
 B-Ä ÖF»A
 AB»A

«ха или джим / Мухаммад – посланник Аллаха. / Ал-Ка’им би-амри-ллах. Зайн / ад-давла Тонга-/хан» (последнее слово вертикально, сверху вниз). Кругом, в обрамлении, как у №1 – Кор.-2.

10. Куз Ор[ду], [44]5/ 53–54 гг.¹²

Л.ст. В поле, в одинарном или двойном линейном ободке – К-1, сверху jv ÅНаср. Кругом, в 1-линейном ободке – В-1.

Об.ст. В поле:

f AZ ç
 ÅB»AÉ¼¾¼ni
 É¼j çB

«Мухаммад / – посланник Аллаха. Ал-Ка’им / би-амри-ллах». Внизу украшение из трех «капелек». Кругом, в обрамлении, как на л.ст. – Кор.-2.

11. Куз Орду, [44]6/1054–55 гг.¹³

Л.ст. Как №9, но вокруг поля 2-линейный ободок, а слово, обозначающее единицы в дате, безусловно, иное, скорее всего, Om «шесть».

Об.ст. В поле:

É¼
 f AZ ç
 ÅB»AÉ¼¾¼ni
 É¼j çB

«Аллаху. / Мухаммад / – посланник Аллаха. Ал-Ка’им / би-амри-ллах». Внизу каплевидное украшение. Кругом, в обрамлении, как на л.ст. – Кор.-2, но последнее слово опущено.

12. Куз Орду, [4]44/1052–53, или [4]47/1055–56, или [4]49/1057–58 гг.¹⁴

Л.ст. В поле – К-1, сверху буква ` (ха или джим). По сторонам – В-1 в виде квадрата, причем от слова, обозначающего единицы, сохранился только конечный © айн с предшествующим зубцом. Внешнее обрамление не сохранилось.

Об.ст. В поле, в 2-линейном ободке:

É¼
 ¾¼ni f AZ ç
 j çB ÅB»AÉ¼¾¼ni
 f ÅVAÉ¼¾¼ni

«Аллаху. / Мухаммад – посланник / Аллаха. Ал-Ка’им би-амри-/ллах. Ахмад». Кругом, в неясном обрамлении – Кор.-3.

13. Куз Орду, 444/1052–53, или 447/ 1055–56, или 449/1057–1058 гг.¹⁵

Л.ст. Как №12.

Об.ст. Как №10.

14. [Куз Орду], 44? г. х.¹⁶

Л.ст. В поле в 2-линейном ободке – К-1, сверху jMГурк, внизу – не ясно, была ли надпись. Кругом, в неясном обрамлении, фрагмент легенды с выпускными сведениями.

15. [Куз Орду], дата не сохранилась¹⁷.

Л.ст. В поле, в 2-линейном ободке – К-1, сверху слово из трех знаков (BÄили Bä= зубец + мим или фа/каф + алиф?), внизу – не ясно, была ли надпись. Кругом не сохранилось.

Об.ст. Как №11.

16. Куз Орду(?), дата не сохранилась¹⁸.

Л.ст. В поле – К-1, сверху не сохранилось; внизу:

µB»Af JS ÅB»A

«ал-хакан ‘Абд ал-Халик», справа и слева – изображение двух мечей рукоятью вниз. По сторонам – В-1 в виде квадрата. Внешнее обрамление не сохранилось.

Об.ст. В поле, в 2-линейном ободке:

...
 É³ñî f ÅZ ¿
 [ÖËf  eBS Éj ¿B ÅÖ
 [ÖI ¼] ± İmÖXVËZ
 ÅB XB° É
 ÅQIA

«... / Мухаммад – посланник Аллаха. / Ал-Ка'им / би-амри-ллах. 'Имад [ад-давла] / ва-Тадж ал-милла Сайф [халифат] / Аллах Тафгач-хан / Ибрахим». Кругом не сохранилось.

В.Н. Настич опубликовал фалс, чеканенный, по его мнению, в Куз Орду, возможно, в 404/1013–14 гг. [Настич 1989: 107, №102.]. Судя по описанию, данная монета в надписи действительно названа фалсом, но легенды ее реверса нетипичны для караханидских фалсов: вторая часть символа веры (É³ñî f ÅZ ¿ «Мухаммад – посланник Аллаха») размещена одной строкой, а не двумя или тремя, упомянут халиф, присутствует обычная для дирхамов выдержка из Корана. Но главное даже не в этом: от наименования монетного двора сохранились лишь два первых знака, а такое начало имеется еще у одного названия караханидского денежного двора – Фергана. Караханидские фалсы Ферганы очень многочисленны, тогда как фалсы, определенно выпущенные в Семиречье (Таразе, Шелджи, Куз Орду, Ил Орду, Барсхане), до сих пор неизвестны. Все это не позволяет считать опубликованную В.Н. Настичем монету чеканенной действительно в Куз Орду.

Барсхан

17. Барсхан, 41? г.х. [Кочнев 1978: 125–126].

Л.ст. В поле – К-1, сверху Å-I Бугра, внизу

¼илиг. По сторонам – В-1 в виде квадрата.

Все в 1-линейном ободке.

Об.ст. В поле:

É
 É³ñî f ÅZ ¿
 É i eB
 ¼ÅB
 ¶j r Å

«Аллаху. / Мухаммад – посланник Аллаха. / Ал-Кадир би-ллах. / Хан, малик / ал-Машрик».

Кругом, между двумя 1-линейными ободками – Кор.-1.

18. [Ба]рсха[н], дата не сохранилась¹⁹.

Л.ст. В поле – К-1, сверху – не ясно, была ли надпись. Кругом, между двумя 1-линейными ободками:

... [ÅBñî [B]]

«...[в Ба]рсха[не]...».

Об.ст. В поле:

É
 É³ñî f ÅZ ¿
 i ÅÉj ¿B ÅÖ
 BB Å³ ÅZ m
 ÅE

«Аллаху. / Мухаммад – посланник Аллаха. / Ал-Ка'им би-амри-ллах. Ар/слан кара-хакан». Кругом, между двумя 1-линейными ободками – Кор.-1.

19. [Барсхан], дата не сохранилась²⁰.

Л.ст. В поле – К-1, сверху j u BНасир, внизу ÖËf  ад-давла (?). Кругом, между двумя 1-линейными ободками, начало В-1.

Об.ст. Как №18.

20. [Барсхан], дата не сохранилась²¹.

Л.ст. В поле – К-1, внизу ÅI ~ MBI Йаган-тегин. Кругом, как №19.

Об.ст. Как №18.

21. Барсхан, [44]4/1052–53 г.²².

Л.ст. В поле – К-1 с ошибкой: пропущено первое слово третьей строки Ü; сверху не сохранилось, внизу ÖËe o Åq Шамс давла (так!).

Кругом, между двумя 1-линейными ободками:

... @i ÅÖBñîBI ÅQ f ..

«... дирхам в Барсхане в году четыре...».

Об.ст. В поле, в 2-линейном ободке:

Ö°u
 É³ñî f ÅZ ¿
 Éj ¿B ÅÖ
 ÅB Å³ Å-I
 ÅI Åj Åj Åj Å

«Сафи. / Мухаммад – посланник Аллаха. / Ал-Ка'им би-амри-ллах. / Бугра кара-хакан. / Амир ал-му'минин». Внизу трехконечный вертун. Кругом не сохранилось.

22. Барсхан, 444/1052–53 г.(?)²³

Л.ст. В поле – К-1, справа (вертикально снизу вверх) ÅZ ñîÅАрслан, сверху ¼илиг,

внизу $\text{ÖĖ} \text{Ao} \text{Aq}$ Шамс ад-давла (на одном экземпляре $\text{ÖĖ} \text{o} \text{Aq}$ Шамс давла). Кругом, между двумя 1-линейными ободками:

$[\text{ÖĖ} \text{A} \text{I}] \text{i} \text{Ä} \text{Ä} \text{li} \text{Ä} \text{Ä} (?) \text{ÖĖ} \text{A} \text{Öm} \text{Bm} \text{B} [\text{I}]$

«...[в] Барсхане в году [четы]ре(?) и сорок и че[тыреста]».

Об.ст. В поле, как №21, но внизу не «вертун», а буква ` (ха или джим). Кругом, в обрамлении, как на л.ст. – Кор.-3.

23. [Барсхан, 444/1052–53 гг. (?)]²⁴

Л.ст. Как № 22, но внизу не $\text{o} \text{Aq} \text{ÖĖ} \text{A}$

Шамс ад-давла, а $\text{Äf} \text{Ao} \text{Aq}$ Шамс ад-дин, а от легенды с выпускными сведениями сохранились лишь незначительные фрагменты.

Об.ст. В поле:

$\text{O}^{\circ} \text{u}$

$\text{E} \text{Ä} \text{Ä} \text{ni} \text{f} \text{ÄZ} \text{;}$

$\text{j} \text{I} \text{E} \text{Äj} \text{;B} \text{ÄB} \text{A}$

$\text{j} \text{I} \text{;A} \text{B} \text{B} \text{Ä} \text{Ä} \text{A}$

$\text{ÄI} \text{Ä} \text{Ä} \text{Ä}$

«Сафи. / Мухаммад – посланник Аллаха. / Ал-Ка'им би-амри-ллах. Бугр/а кара-хакан. Амир / ал-му'минин». Кругом, как у №22.

24. Барсхан, 448/1056–57 гг.²⁵

Л.ст. В поле – К-1. Кругом между двумя 1-линейными ободками:

$\dots \text{ÄBm} \text{B} \text{Ä} \text{Ä} \text{f} \text{A} \dots$

«... дирхам в Барсхане...».

Об.ст. В поле:

$\text{E} \text{Ä}$

$\dots \text{f} \text{ÄZ} \text{;}$

$\dots \text{ÄB} \text{A}$

$[\text{Ä} \text{Ä}] \text{ni} \text{A}$

ÄA

«Аллаху. / Мухаммад – ... /Ал-Ка'им... / Арс[лан] / илиг». Кругом, в неясном обрамлении:

$[\text{ÖĖ} \text{A} \text{I}] \text{i} \text{Ä} \text{Ä} \text{li} \text{Ä} \text{Ä} \text{Öm} \dots$

«...в году восемь сорок че[тыреста]».

25. Барсхан, [4]48/1056–57 гг.²⁶

Л.ст. В поле – К-1, справа (вертикально снизу вверх) $\text{Ä} \text{Ä} \text{ni} \text{A}$ Арслан,верху $\text{Ä} \text{Ä}$ илиг; кроме того, справа, сверху и слева по две пары точек, внизу – три точки в линию между двумя треугольниками из точек (∴). Кругом, в обрамлении, как у 24:

$\text{ÄBÖm} \text{Bm} \text{B} \text{Ä} \text{Ä} \text{f} \text{A} \text{Ä} \text{Ä} \text{li} \text{Ä} \text{Ä}$

$\text{ÄI} \text{Ä} \text{Ä}$

«Во имя Аллаха бит этот дирхам в ал-Барсхане в году восемь и сорок».

Об.ст. В поле:

$\text{E} \text{Ä} \text{Ä} \text{ni} \text{f} \text{ÄZ} \text{;}$

$\text{E} \text{Äj} \text{;B} \text{ÄB} \text{A}$

$\text{ÖĖ} \text{Ao} \text{Aq}$

«Мухаммад – посланник Аллаха. / Ал-Ка'им би-амри-ллах. / Шамс ад-давла». Вверху украшение, внизу буква a 'айн. Кругом, в обрамлении, как на л.ст. – Кор.-2 с ошибкой в последнем слове, лишенном трех конечных знаков.

26. Барсхан, 448/1056–57 гг.²⁷

Л.ст. В поле – К-1, справа (вертикально снизу вверх) $\text{Ä} \text{Ä} \text{ni} \text{A}$ Арслан,верху $\text{Ä} \text{Ä}$ илиг,слева (вертикально, сверху вниз) $\text{I} \text{;}$ мав,внизу $\text{ÄI} \text{Ä} \text{Ä} \text{Ä} \text{Ä} \text{Ä} \text{Ä}$ ла амир ал-му'минин; вариант: справа $\text{Ä} \text{Ä} \text{ni} \text{A}$ Арслан,верху $\text{Ä} \text{Ä}$ илиг,внизу $\text{I} \text{Äj} \text{;A} \text{O} \text{Ä} \text{Ä}$ мавла амир ал-му',слева $\text{ÄI} \text{Ä} \text{Ä}$ минин. Кругом, в обрамлении, как у №24:

$\text{ÄBÖm} \text{Bm} \text{B} \text{Ä} \text{Ä} \text{f} \text{A} \text{Ä} \text{Ä} \text{li} \text{Ä} \text{Ä}$

$[\text{ÖĖ} \text{A} \text{I}] \text{i} \text{Ä} \text{Ä} \text{li} \text{Ä} \text{Ä}$

«Во имя Аллаха бит этот дирхам в Барсхане в году восемь и сорок и че[тыреста]».

Об.ст. Как №25.

27. Барсхан, [4]49/1057–58 гг.²⁸

Л.ст. В поле, в двойном ободке (точечный внутри линейного) К-1, внизу $\text{Ä} \text{Ä} \text{ni} \text{A}$ Арслан,верху $\text{Ä} \text{Ä}$ илиг. Кругом, в 1-линейном ободке, как №26, но дата иная и не проставлены сотни.

Об.ст. В поле, как №25. Кругом, в обрамлении как на л.ст. – Кор.-2 с ошибкой в окончании последнего слова: отсутствуют три конечных знака или зубец на месте буквы $\text{E} \text{Ä} \text{Ä}$.

28. [Барсхан], дата не сохранилась²⁹.

Л.ст. Как №25, но выпускные сведения не сохранились.

Об.ст. Как №27.

29. Барсхан, 447/1055–56 или 449/1057–58 гг.³⁰

Л.ст. В поле – К-1,верху $\text{j} \text{I} \text{;A} \text{O}^{\circ} \text{u}$ Сафи амир (или с ошибкой – $\text{j} \text{I} \text{;O}^{\circ} \text{u}$ без алифа),внизу $\text{ÄI} \text{Ä} \text{Ä} \text{Ä}$ ал-му'минин,слева (вертикально, сверху вниз) $\text{Ä} \text{Ä} \text{ni} \text{A}$ Арслан,справа

(снизу вверх) **𐌶𐌰** илиг. Кругом, в обрамлении, как №6 – выпускные сведения с несохранившейся вводной формулой; в слове, передающем единицы – три или четыре одинаковых зубца перед конечным **𐌶** айн, т.е. **𐌶𐌰** «семь» либо **𐌶𐌰𐌶** («девять»).

Об.ст. В поле:

𐌶𐌰 𐌶𐌰𐌶
𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰
𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰
𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰

«Зайн ад-дин. / Мухаммад – посланник Аллаха. Ал-Ка’им би-амри-/ллах. Мушайид ад-давла ва-му’айид / ал-милла вали халифат Аллах /Бугра кара-хакан». Кругом, в обрамлении, как на л.ст. – Кор.-1 (с ошибкой).

30. [Барсхан, 447/1055–56 или 449/1057–58 гг.]³¹

Л.ст. Как №29, но строка над К-1 и круговая легенда не сохранились.

Об.ст. В поле, в 2-линейном ободке:

𐌶𐌰 𐌶𐌰𐌶
𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰
𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰
𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰

«Зайн ад-дин. / Мухаммад – посланник Аллаха. Ал-Ка’им / би-амри-ллах. Мушайид ад-давла / ва-му’айид малла (без артикля и с «лишним» *алифом*) вали халифат Ал (так!) / Бугра кара-хакан». Кругом не сохранилось.

31. Бар[схан, 447/1055–56 или 449/ 1057–58 гг.]³²

Л.ст. В поле, как №29, но в одном случае слово **𐌶𐌰𐌶** Амир перенесено из верхней строки в нижнюю. Кругом, в обрамлении, как у №29:

... **𐌶𐌰𐌶 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰**

«... дирхам в Бар[схане]...».

Об.ст. В поле:

𐌶𐌰 𐌶𐌰𐌶
𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰
𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰
𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰

«Зайн ад-дин. / Мухаммад – посланник Аллаха. Ал-Ка’им / би-амри-ллах. Мушайид ад-дав/ла ва-му’айид ал-милла вали / Бугра кара-хакан». Кругом, как у №29.

32. [Барсхан, 447/1055–56 или 449/ 1057–58 гг.]³³

Л.ст. Как №31, но слова над К-1 и слева от нее, а также круговая легенда не сохранились.

Об.ст. В поле, в 2-линейном ободке:

...
𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰
𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰
𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰

«.../ Мухаммад – посланник Аллаха. Ал-Ка/им би-ар (так!) Аллах. Мушайид а/д-давла ва-му (так!) ал-милла / Бугра кара-хакан». Кругом не сохранилось.

33. [Барсхан, 447/1055–56 или 449/1057–58 гг.]³⁴

Л.ст. Как №32, но не сохранилось также слово справа от К-1.

Об.ст. В поле, в 2-линейном ободке:

...
𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰
𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰
𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰

«... / ... /... амри-ллах. Мушайид ад-д/авла, вали халифат Аллах / Бугра кара-хакан». Кругом не сохранилось.

34. [Барсхан, 447/1055–56 или 449/1057–58 гг.]³⁵

Л.ст. В поле – К-1, вверху **𐌶𐌰** Шамс, внизу и кругом не сохранилось.

Об.ст. В поле, в 2-линейном ободке:

...
𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰
𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰
𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰 𐌶𐌰

«... / ... Ал-Ка’им би-амри-/ ... Му’айид / ... Аллах/ ...». Кругом не сохранилось.

35. [Барсхан, 447/1055–56 или 449/1057–58 гг.]³⁶

Л.ст. В поле – К-1, вверху **𐌶𐌰** Насир, внизу не сохранилось. Кругом не сохранилось.

Об.ст. В поле, в 2-линейном ободке:

Áf »ÁÁk
 É»Á»ñi f ÁZ ¿
 ... f »Af Ir ¿ É»..
 ...
 ...

«Зайн ад-дин. / Мухаммад – посланник Аллаха... / ...ллах. Мушайид ад-д... / ... / ...». Кругом не сохранилось.

36. Барсхан, [4]4? г.х.³⁷

Л.ст. В поле, в 1-линейном ободке – К-1, вверху Ö»» Гази, внизу Áî ~ MBÍ Йаган-тегин.

Кругом, в неясном обрамлении:

... Áî ~ li A. . Öm»»ñi BI ÁQ f »AmÇL jy ...

«... бит этот дирхам в Барсхане в году ... сорок...».

Об.ст. В поле, в 1-линейном ободке:

(¿ ÁS ¿ S) ¿É»

É»Á»ñi f ÁZ ¿

É»Aj ¿B ÁB»A

(?) B-Á Ö»A» .. ¿

Áî ~ M

«Аллаху (? 'изз? 'Умар?) / Мухаммад – посланник Аллаха. / Ал-Ка'им би-амри-ллах. / Му'изз ал-милла Йанга(?)-/тегин». Кругом в неясном ободке – фрагменты легенды с выпуклыми сведениями.

37. [Барсхан], дата не сохранилась³⁸.

Л.ст. В поле, в 1-линейном ободке – К-1, вверху ju»»»Насир, внизу Ö»»»Аад-давла. Кругом не сохранилось.

Об.ст. Как №36.

38. [Бар]схан, дата не сохранилась³⁹.

Л.ст. В поле:

ju»»»

Ö»»»A

I .. ¿É

Ö»»»A

«Насир / ад-давла / ва-Му'изз / ал-милла». Кругом, между 1-линейными ободками:

... Öm»»ñi BI] ...

«...[в Бар]схане в году...».

Об.ст. Как №36.

39. Барсхан, дата не сохранилась⁴⁰.

Л.ст. Как №38, но наименование монетного двора сохранилось полностью.

Об.ст. В поле:

B Á
 I IAÁî ~ M
 j °»»A
 (?) Ö»»»A

«Йанга-/тегин Абу-/л-Музаффар / ал-Ас.м. (?)». Кругом, между 1-линейным ободками – неясные фрагменты надписи.

40. Бар[схан], дата не сохранилась⁴¹.

Л.ст. В поле – К-1, вверху IS 'изз. Кругом, между двумя 1-линейными ободками – Кор.-3.

Об.ст. В поле:

É»
 É»Á»ñi f ÁZ ¿
 o Áq É»Aj ¿B ÁB»A
 Á»ñi mÁÖ»»»A
 Áî ~ M

«Аллаху. / Мухаммад – посланник Аллаха. / Ал-Ка'им би-амри-ллах. Шамс / ад-давла Арслан-/тегин». Кругом, в обрамлении, как на л.ст.:

... [»»ñi BI] ÁQ f »AmÇL ...

«... этот дирхам в Бар[схане]...».

41. Бар[схан], дата не сохранилась⁴².

Л.ст. В поле – К-1, вверху »»»илиг. Кругом, в обрамлении, как у №40:

... [»»ñi BI] ÁQ f »AmÇL jy É»Á»ñi

«Во имя Аллаха бит этот дирхам в Бар[схане]...».

Об.ст. В поле, в 1-линейном ободке:

É»
 É»Á»ñi f ÁZ ¿
 É»Aj ¿B ÁB»A
 »»»»ñi mÁ
 »»»»A

«Аллаху. / Мухаммад – посланник Аллаха. / Ал-Ка'им би-амри-ллах. / Арслан-илиг. / Илиг». Кругом не сохранилось.

Из ранних монет Куз Орду заслуживает внимания дирхам 396/1005–06 гг. (№3) с помещенным в нижней части поля л.ст. словом, состоящим из четырех знаков – š j ğ (имя собственное Мирак?). Такое же слово проставлено на дирхамах Самарканда 394/1003–04 гг.⁴³, Испиджаба 400/1009–10 гг. [Федоров 1964: 98] и 409/1018–19 гг.⁴⁴, Шаша 424/1032–33 гг.⁴⁵. На

испиджабских монетах 400/1009–10 гг. М.Н. Федоров читал это слово (правда, под вопросом) как «Мубарак» [Федоров 1964: 98], но имя **ḡ** Мубарак пишется с алифом перед ра, которого нет ни на одном из перечисленных дирхамов. Поэтому мы предлагаем читать данное слово как Мирак.

Мирак, или Амирак, – персидско-таджикское имя, уменьшительное от *амир* «правитель». Для XI в. может быть назван газнавидский наместник Термеза Ахмад б. Мухаммад, более известный как Амирак Байхаки [Бартольд 1963: 366], т.е. *Мирак/Амирак* следовало бы считать не столько «законным» мусульманским именем, сколько своего рода прозвищем. Так или иначе, фигурирующий на караханидских монетах *Мирак* явно не принадлежал к числу Караханидов и, судя по имени, происходил из ираноязычного населения. Непрост вопрос о его статусе, но он, очевидно, не был высоким: в большинстве случаев Мирак упомянут на менее почетной л.ст., а на самаркандском дирхаме 394/1003–04 гг. это имя так «замаскировано», что его не сразу и обнаружишь. К такому же выводу склоняет и факт проставления этого имени на монете столичного Куз Орду. Дело в том, что, в соответствии с господствовавшими тогда представлениями и традициями, столичный город не мог быть пожалован.

Так, сельджукский султан Санджар, находясь у гузов в плену, отказался отдать Мерв гузскому предводителю Бахтияру, мотивируя свой отказ следующим образом: «Это – столица, и она не может быть чьим-нибудь наделом (*икта*)» [Ибн ал-Асир 1939: 388]. И хотя, как известно, на всякое правило бывает исключение, трудно представить, чтобы такое исключение было сделано для лица, не принадлежавшего к правящей династии и даже не происходившего из тюрков. Иными словами, Мирак был, скорее всего, не жалованным владетелем, получившим часть прав на столичный Куз Орду, а чиновником, связанным с работой монетного двора. За 30 лет (394–424/1003–1033 гг.) он не раз менял место деятельности: сначала Самарканд, затем Куз Орду, потом Испиджаб и, наконец, Шаш. При этом менялись «хозяева» Мирака: в Самарканде он служил Насру б. 'Али, в Куз Орду – Ахмаду б. 'Али, в Испиджабе – Мухаммаду б. 'Али и/или местному владетелю Муту (или Матту), затем Ахмаду б. Мухаммаду б. 'Али, в Шаше – Мухаммаду б. Йусуфу.

На дирхамах Куз Орду 411–413/ 1020–1023 гг. в поле об.ст. помещено слово, которое

в предыдущей нашей статье предложено было читать как *карши* (тюрк. «дворец») либо *Фариси* [Кочнев 1989: 154]. Однако, во-первых, в этом слове второй знак – *алиф*, отсутствующий в слове **ḡ** карши, во-вторых, то же самое слово (**ḡ** с алифом) помещено на саманидском дирхаме Самарканда, чеканенном в 356/967 г. [Марков 1896: 969. №1003а], когда о появлении в монетных легендах тюркских слов типа **ḡ** «дворец» говорить не приходится. Значит, и в нашем случае следует склониться ко второму варианту, понимая разбираемое слово как нисбу Фариси, указывающую на происхождение ее носителя (или его предков) из области Фарс в Иране. Разумеется, и он не принадлежал к числу Караханидов, очевидно, подобно Мираку, имея отношение к деятельности монетного двора Куз Орду.

В нашей ранней статье была выражена уверенность, что Баласагун был отнят у Ахмада б. 'Али Мансуром б. 'Али точно в 406/1015–16 г.: в этом году, как тогда казалось, в Куз Орду выпускались монеты сначала первого, потом второго государя [Кочнев 1989: 154]. Между тем дирхам с именем Ахмада на самом деле чеканен не в 406/1015–16 г., а в 403/1012–13 г. (см. №4). А коль скоро последними по времени монетами, выпущенными в Куз Орду от имени Ахмада б. 'Али, оказываются дирхамы 405/1014–15 гг., то не исключено, что именно этим годом следует датировать переход Баласагуна под власть Арслан-хана Мансура б. 'Али. Едва ли случайно чекан Мансура в соседнем Таразе открывается как раз 405/1014–15 гг.⁴⁶

К сожалению, не уточняют дату перехода Баласагуна от Тоган-хана Мухаммада б. ал-Хасана к Кадыр-хану Йусуфу б. Харуну новые монеты последнего, названного на них *ал-малик ал-мансур Кадыр-хан* и *хан, малик ал-Машрик*. Второй титул помещен и на дирхаме Барсхана 41? г.х. с упоминанием в качестве вассала Бугра-илека. Титул *Бугра-илек* во всем раннекараханидском чекане больше не встречается, почему о его принадлежности могут быть высказаны лишь самые осторожные предположения. Насколько позволяют судить нумизматические данные, до 416/1025–26 гг. владения Кадыр-хана ограничивались пределами Восточного Туркестана, а потому барсханский дирхам выпущен не ранее этой даты и, скорее всего, не позже 418/1027–28 гг. (после этой даты сочетание *хан, малик ал-Машрик* исчезает из надписей монет Йусуфа). Арслан-илеком в эти годы был 'Али б. ал-Хасан ('Али-

тегин), следующее же (по нисходящей) место в официальной караханидской иерархии должен был занимать, по О. Прицаку, носитель титула *Бугра-илек* (или *Йинал-тегин*) [Pritsak 1950: 213, Anm. 12; 216 и сл.; Pritsak 1953: 23].

Судя по надписям тункетских дирхамов 415/1024–25 гг., Йинал-тегином был тогда 'Адуд ад-давла ал-Хусайн б. ал-Хасан (поле об.ст.: 'Адуд ад-давла Йинал-тегин)⁴⁷. Следуя О. Прицаку, нужно бы и титул *Бугра-илек* отдать ал-Хусайну. Однако, по всем имеющимся данным, владения ал-Хусайна до конца его жизни ограничивались пределами Ташкентского оазиса, а основным и постоянным его уделом был Тункет. И трудно представить, чтобы Кадыр-хан Йусуф, заняв Барсхан, пожаловал его мелкому удельному правителю, к тому же дальнему. Как показывают монеты, захваченные в Средней Азии города и области Кадыр-хан либо оставлял за прежними владельцами, либо передавал ближайшим родственникам, пришедшим с ним из Восточного Туркестана – Сулайману б. Харуну, Мухаммаду б. Йусуфу. Едва ли мог быть обделен наследник престола Сулайман б. Йусуф, носивший, по Байхаки, титул *Бугра-тегин* [Бартольд 1963: 355–357]. Разумеется, уравнивать титулы *Бугра-илек* и *Бугра-тегин* на основании совпадения лишь первого компонента неправомерно, но все же наиболее вероятным претендентом на первый титул представляется именно Сулайман б. Йусуф: как наследник престола, он должен был носить достаточно высокий (хотя и не ханский) титул, однако следующий после ханского титул *Арслан-илек* был уже «занят» – оставался титул *Бугра-илек*. Итак, упомянутый на дирхаме Барсхана 41? г.х. Бугра-илек, вероятно, Сулайман б. Йусуф, но настаивать на этом тождестве, конечно, не приходится.

После смерти отца Сулайман б. Йусуф принял ханский титул: на описанных выше монетах (№8, 18–20) фигурирует как *Арслан-хакан* (дирхамы Куз Орду) и *Арслан кара-хакан* (дирхамы Барсхана). На некоторых барсанских монетах (№ 20) упомянут его вассал с княжеским титу-

лом, оканчивающимся на *тегин*. Этот титул встречается и на других дирхамах Барсхана, а также на монетах Уча⁴⁸ и неустановленного монетного двора⁴⁹, причем передача его первого компонента очень неустойчива и может быть сведена к пяти вариантам: 1) зубец, *гайн*, *алиф*, *нун* – **Вä** 2) так же, но второй знак в виде кружочка – **Вä** 3), как №2, но без конечного знака – **Вä** 4) как №1, но второй знак – *каф* – **Вä** 5) два зубца, *каф*, *алиф* – **Вä** Варианты 1, 2 и 4 следует читать, очевидно, как *йаган*, вариант 5 – *йанга*, вариант 3, вероятно, тоже *йанга* (слово *йаган/йанга* в древнетюркском означает «слон»). При жизни Кадыр-хана Йусуфа Йаган-тегином был, согласно Байхаки, его второй сын Мухаммад, но после смерти отца он стал Бугра-ханом [Бартольд 1963: 357], а значит, на разбираемых монетах титул *Йаган/Йанга-тегин* относится к какому-то другому Караханиду. Как видно из таблицы, в титулатуру этого князя входил также двойной лакаб *Насир ад-давла ва-Му'изз ал-милла*, кунья *Абу-л-Музаффар* и титул *гази*, в караханидской нумизматике исключительно редкий [Кочнев 1988: 196–203]. Сложнее с его личным мусульманским именем. После куньи идет слово, в котором за артиклем следуют *алиф*, *син* и знак типа *мим/фа* (впрочем, сходным образом передается и 'айн). Возможное чтение этого слова – **АуÜА** ал-Асамм (?), буквально «глухой»; конечно, это натяжка (слово *асамм* передается через *сад*, а не через *син*), но в известной мере оправданная: на некоторых ахсикетских дирхамах 448/1056–57 гг. в слове *саман* «восемь» вместо **Т са** по ошибке стоит **р син**); во всяком случае, лучшего чтения мы пока предложить не можем. Как бы то ни было, обсуждаемое слово не похоже ни на одно скольконбудь распространенное имя и, возможно, на самом деле является не собственным именем, а, скорее, прозвищем.

Титул Йаган/Йанга-тегин на монетах середины XI в.

Место выпуска	Год выпуска	Л.ст.	Об.ст.
Уч	445	Наср	Малик гази Йаган-тегин
Уч	445	?	Му'изз ал-милла гази Йаган-тегин
Барсхан	?	Гази Йаган-тегин	Му'изз ал-милла Йанга(?) -тегин
— » —	?	Насир ад-давла	— » —
— » —	?	Насир ад-давла ва-Му'изз ал-милла	— » —
— » —	?	— » —	Йанга-тегин Абу-л-Музаффар ал-Асамм(?)

На некоторых барсханских дирхамах (№36–38) в верхней части поля помещено слово, для которого в первой публикации таких монет было предложено чтение **IS** 'изз («слава, величие») [Кочнев, Федоров 1974: 191]. Между тем над линией, соединяющей 'айн и ра/зайн, помещен такой же кружочек, каким передан мим в слове ал-милла, т.е. обсуждаемое слово может быть прочитано как имя **jAS** 'Умар. Так звали, между прочим, Караханида Тогрыл-тегина, который, как мы постарались показать, приходился внуком Арслан-хану Сулайману и уже в 462/1069–70 гг. фигурирует в монетных надписях [Кочнев 1988: 63–66]. Хронологически появление его имени на монетах 440-х годах не кажется невозможным, но крайне маловероятно, чтобы ему принадлежал достаточно высокий титул *Йаган-тегин* (плюс немалые владения) в пору, когда были живы представители предыдущего поколения – сыновья Арслан-хана и Бугра-хана. Трудно представить также, чтобы молодой князь успел активно проявить себя на поприще войны с «неверными», заслужив титул **QV** *Гази*. Да и само чтение 'Умар – лишь одно из возможных: в надписях тех же барсханских монет надстрочная точка может быть не только буквой, но и своего рода украшением, как, например, в имени **EAj** **BA** **AV** **A** ал-Ка'им би-амри-ллах между предлогом би- и алифом слова **jA** Иначе говоря, нельзя исключать и прежнее чтение – 'изз. Но даже если видеть в разбираемом слове имя 'Умар, то его, скорее, следует относить не к самому Йаган-тегину, а к его вассалу.

На дирхамах Уча 445/1053–54 гг. с упоминанием в поле об.ст. Йаган-тегина на л.ст. помещено имя Наср, которое принадлежит либо Йаган-тегину, либо его вассалу. На некоторых монетах Йаган-тегин выступает вассалом Арслан-тегина (Арслан-илека), либо Бугра-хана, либо Арслан-хана, а если Йаган-тегин – сюзерен Насра, то последний оказывается на очень невысокой ступени иерархической лестницы. Между тем есть дирхамы Куз Орду 445/1053–54 гг. с упоминанием одного лишь Насра (№10). Поэтому более вероятно, что Йаган-тегин, чеканивший только от своего имени монету в Барсхане и Уче, тождествен этому Насру. В рукописных источниках, сообщающих о событиях середины XI в., это имя не засвидетельствовано, так что происхождение Насра остается совершенно неясным.

В надписях некоторых дирхамов Куз Орду 445/1053–54 гг. (№9) Наср выступает вассалом Зайн ад-давла Тонга-хана. Последний, наверняка, не тождествен Тонга-хану Мухаммаду (б. ал-Хасану), выпускавшему в Куз Орду монету еще в 415–416/1024–1026 гг. Дело в том, что на ряде медно-свинцовых дирхамов, не сохранивших (или не имевших) выпускных сведений, в качестве вассала Бугра-хана упомянут Зайн ад-давла Тоган(?)-тегин, т.е. носитель лакаба Зайн ад-давла еще в 440-х гг. х. был лишь одним из князей и принял ханский титул около 445/1053–54 г. (не позже). На одном из серебряных дирхамов⁵⁰, утратившем выходные данные, но несущем имя халифа ал-Ка'има би-амри-ллаха (т.е. близком хронологически), назван <...> ад-давла ва-Наср ал-милла Тоган-хан 'Али, возможно, идентичный Зайн ад-давла Тонга-хану.

Разумеется, предлагаемые отождествления отнюдь не претендуют на окончательные, по мере поступления нового материала будут проверены и, вероятно, уточнены. Вместе с тем описанные монеты и без этих отождествлений остаются важным объективным источником, который вносит существенные коррективы в картину событий, воссоздаваемую на основе письменных известий. По данным Ибн ал-Асира, в 435/1043–44 гг. Арслан-хан «разделил страну» между родственниками: Бухару и Самарканд отдал сыну 'Али-тегина, Фергану – своему дяде Тоган-хану, Тараз, Испиджаб (и Шаш) – своему брату Бугра-хану, другому брату, Арслан-тегину – «многое из Страны тюрков», сам же «удовольствовался Баласагуном и Кашгаром» и «повиновением... родственников». Позже между Арслан-ханом и Бугра-ханом «началась война»; Бугра-хан взял в плен брата и заключил в тюрьму, но царствовал всего 15 месяцев. Когда он объявил наследником старшего сына, Хусайна, одна из его жен, желая доставить престол собственному сыну, Ибрахиму, отравила мужа и нескольких его родственников и повелела задушить Арслан-хана. Ибн ал-Асир датирует эти события 439/1047–48 гг. [Ибн ал-Асир 1973: 59–60], но современник событий, Байхаки, относит смерть Бугра-хана к 449/1057–58 гг. [Бартольд 1963а: 44], что вполне подтверждается монетами с упоминанием Бугра-хана, доходящей до 449/1057–58 гг. Как показывают нумизматические данные, Тоган-хан (Мухаммад б. ал-Хасан), Бугра-хан (Мухаммад б. Йусуф) и Арслан-тегин обладали очень большой самостоятельностью и вообще

не упоминали Арслан-хана в монетных надписях, причем титул *Арслан-тегин* принадлежал Ахмаду б. Мухаммаду, т.е. сыну, а не брату Бугра-хана [Кочнев 1989: 156]. В Кашгаре и Куз Орду Арслан-хан чеканил монету только от своего имени; позднейшие его дирхамы Куз Орду датируются 442/1050–51 гг. [Кочнев 1989: 156]. Как теперь выясняется, Арслан-хан упоминался и на монетах Барсхана, где его вассалом был Йаган-тегин (Наср?).

Все это отнюдь не противоречит известиям Ибн ал-Асира, лишь уточняя и конкретизируя их. А вот дальше начинаются неожиданные. Это, прежде всего, утрата Арслан-ханом Сулайманом не позже 445/1053–54 гг. одной из двух его столиц – Куз Орду (Баласагуна), где монеты выпускались то от имени Тонга-хана (‘Али?) и его вассала Насра, то лишь от имени последнего. Получить столичный город мирным путем, в виде пожалования, эти правители, конечно, не могли – иначе Арслан-хан был бы хоть как-то упомянут в монетных надписях. Стало быть, речь может идти только о междоусобной борьбе, в ходе которой Сулайман утратил власть не только над Баласагуном, но также над Барсханом и даже восточно-туркестанским городом Учем. По имеющимся материалам последовательность событий проследить не удастся, хотя несомненно, что одно время, около 445/1053–54 гг., в руках Насра сосредоточились значительные территории, включая Куз Орду и Уч, а также, вероятно, расположенный между ними Барсхан (см. барсханский чекан Йаган-тегина). В дальнейшем происходило перераспределение владений, и, в конечном счете, к 448/1056–57 гг. Шамс ад-давла Арслан-илек Ахмад б. Мухаммад владел и Учем, и Барсханом, и Куз Орду [Кочнев 1989: 156]. Возможно, уже на ранних этапах борьбы в нее вмешался Бугра-хан Мухаммад, упомянутый на барсханских дирхамах 444/1052–53 гг. в качестве сюзерена Шамс ад-давла (Ахмада). Во всяком случае, в 447/1055–56 гг. Мухаммад б. Йусуф уже определенно вел борьбу с братом: на одних маргинанских дирхамах этого года упомянуты Арслан-хан и Мухаммад б. Наср, на других – только Бугра-хан⁵¹.

В ходе междоусобий имело место не только перераспределение территорий, но также изменение статуса и титулатуры ряда правителей. Пленив брата, Бугра-хан Мухаммад стал главой Восточно-Караханидского каганата, хотя до самой смерти сохранил титул «со-кагана», а не великого кагана. Не позже

445/1053–54 гг. Зайн ад-давла Тоган(?)–тегин принял намного более высокий титул *Тонгахан*, став третьим ханом в Восточном каганате и сразу поднявшись не на одну ступень иерархической лестницы. Не вполне ясно пока, когда изменилась титулатура Ахмада б. Мухаммада. Если барсханские дирхамы, описанные под номерами 22–23, действительно относятся к 444/1052–53 г., то Ахмад из Арслан-тегина стал Арслан-илеком уже в этом году, т.е. принял более высокий титул, возможно, одновременно с носителем лакаба *Зайн ад-давла*. С другой стороны, позднейший дирхам с титулом *Арслан-тегин* датируется 446/1054–55 гг., ранние монеты Шамс ад-давла Арслан-илига с бесспорной датой относятся к 448/1056–57 гг.

Чекан Мухаммада б. Насра, получившего титул *илиг* не позже 433/1041 г., доходит до 447/1055–56 г., когда он, возможно, погиб в ходе междоусобной войны [Настич, Кочнев 1988: 74–75]⁵², а значит, Ахмад мог получить титул *Арслан-илиг*, так сказать, «законным путем» – после кончины прежнего его носителя. Вопрос о времени повышения официального статуса Ахмада б. Мухаммада, очевидно, прояснит уточнение даты на барсханских дирхамах №22–23.

Как бы то ни было, междоусобия в Восточно-караханидском каганате начались, как показывают новые нумизматические данные, значительно раньше, продолжались дольше и втянули в свою орбиту большее число лиц, чем представлялось прежде.

Гибель Арслан-хана и Бугра-хана в 449/1057–58 гг. и интронизация Ибрахима б. Мухаммада не прекратили междоусобной борьбы, в ходе которой погиб и сам Ибрахим. Ситуацией воспользовался основатель Западно-караханидского каганата Ибрахим б. Наср и захватил многие территории Восточного каганата. Как установил по монетным данным М.Н. Федоров, в конце правления он завоевал и Куз Орду, где в 460/1067–68 гг. (т.е. в последний год своего царствования) чеканил дирхамы [Федоров 1982: 76–79]. Вероятно, близка к последней и дата публикуемого дирхама (№16) с упоминанием ‘Имад аддавла ва-Тадж ал-милла Сайф халифат Аллаха Тафгач-хана Ибрахима. Эта титулатура давно известна как принадлежащая именно Ибрахиму б. Насру [Марков 1896: 262–266; Большаков 1971: 171]. Зато имя фигурирующего на той же монете ‘Абд ал-Халика, определенно названного хаканом, совершенно неизвестно. Хотя в боль-

шинстве случаев монеты Ибрахима б. Насра чеканены только от его имени, иногда на них упомянуты вассалы, но все они – тегины (Күч-тегин, Чагры-тегин, Тоган-тегин, Тогрыл-тегин и т.д.)⁵³. Стало быть, из всех вассалов Тафгач-хана Ибрахима наивысший статус был у ‘Абд ал-Халика. По крайней мере, некоторые из этих вассалов были сыновьями Ибрахима (Наср, Дауд, Шу’айс), но и они, насколько позволяет судить наличный нумизматический материал, при его жизни не титуловались ханами (например, Дауд – Күч-тегин, Шу’айс – Йаган-тегин). Конечно, на ханский титул мог бы претендовать, скажем, брат Ибрахима, но для всей второй трети XI в. никакие его братья, кроме Мухаммада, не известны. Поэтому не покажется слишком рискованным предположение, что ‘Абд ал-Халик принадлежал к числу восточных Караханидов и был посажен Ибрахимом на престол Куз Орду (?) в качестве зависимого, быть может, даже марионеточного правителя.

Наименование монетного двора на разбираемой монете сохранилось плохо, но в любом случае это, судя по всему, пункт именно в северо-восточных областях каганата: во-первых, данный экземпляр найден на городище Ак-Бешим, во-вторых, в Нижнечирчикском кладе, где широко представлены выпущенные Ибрахимом дирхамы Центрального Мавераннахра, Шаша и отчасти Испиджаба, таких монет нет. Трудно сказать пока, потерял ли власть ‘Абд ал-Халик уже после смерти Ибрахима, когда северо-восточные территории вновь вошли в состав Восточного каганата, или же был смещен еще при его жизни. Все же, учитывая, что в последний год правления Ибрахима б. Насра (460/1067–68 гг.) Куз Орду принадлежал его внуку Йусуфу [Кочнев 1989: 157–158], более вероятной представляется вторая версия.

Как мы постарались показать в предыдущей статье, Тоган-хан Ахмад б. ‘Али, Арслан-хан Мансур б. ‘Али, Тоган-хан Мухаммад б. ал-Хасан, Кадыр-хан Йусуф б. Харун и Арслан-хан Сулайман б. Йусуф не передавали Куз Орду вассалам [Кочнев 1989: 154–155], т.е. на протяжении первой половины XI в. за Баласагуном сохранялся в полной мере статус столичного города. Но на некоторых монетах 445/1053–54 г., кроме Зайн ад-давла Тонгахана, упомянут его вассал Наср, другие же дирхамы того же года биты от имени одного Насра. Монеты, которые описаны под №13 и дата которых неясна (444/1052–53, 447/1055–56 или 449/1057–58 гг.), в сущности, аноним-

ны: на них упомянут только халиф. Не исключено, что здесь налицо совмещение непарных штемпелей, но даже и в этом случае появление подобных монет показательно. На других дирхамах с той же неясной датой и монетах 448/1056–57 гг. фигурируют соответственно Ахмад и Ба Наср (Ахмад?), но без всякой титулатуры, тогда как на синхронных дирхамах Ахмада б. Мухаммада, битых в Барсхане и Уче, помещена его развернутая титулатура; надо полагать, Куз Орду не был столицей удела этого правителя. Все эти наблюдения подводят к выводу, что после 442/1050–51 гг., т.е., очевидно, в ходе междоусобий и неурядиц, охвативших Восточный каганат, Баласагун утратил роль столичного центра. Конечно, утрата прежнего статуса могла быть очень кратковременной, но, возможно, не случайно, что во второй половине XI в. преемники Бугра-хана Мухаммада били монету в Таразе, тогда как их монеты, чеканенные в Куз Орду, не известны.

Примечания

1. Статья является частью научного наследия исследователя, которая по разным причинам не была издана при жизни автора. Предоставлена для публикации В.Н. Настичем в электронном виде с первичной редакцией. – *Ред.*

2. Настоящая работа написана в конце 1980-х годов для несостоявшегося сборника Государственного музея искусства народов Востока; таким образом, и она уже может охватывать не все выявленные на сегодня типы и варианты монет рассматриваемых денежных дворов. С другой стороны, некоторые из приводимых здесь данных учтены в фундаментальном труде Б.Д. Кочнева «Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура» [Кочнев 1995; Кочнев 1997; Кочнев 2004], изданном значительно позже, чем была написана эта статья. – *В.Н. Настич.*

3. Этот дирхам был описан как не сохранившийся единицы в дате [Кочнев 1989: 146, № 12], но при более внимательном с ним ознакомлении обнаружилась буква *ра* от слова *арба* «четыре».

4. Этот дирхам из Тойтубинского клада 1968 г., хранящегося в Музее истории народов Узбекистана в г. Ташкенте (МИУз, инв. № 392/744), уже описан [Кочнев 1989: 146, № 8], но при его публикации выпало определение *‘адил* внизу поля л.ст., что побудило нас вновь вернуться к этой монете. Следующий дирхам в той же статье описан с ошибочно повторенной ссылкой на тот же инвентарный номер (392/744), почему несколько последующих сносок получили неверные номера: вместо 11, 12, 13, 14 должно быть соответственно 10, 11, 12, 13. Следовавшая затем ссылка 14 (Тойтубинский клад 1968 г., МИУз, инв. №392/748) при публикации вообще пропала.

5. Тойттюбинский клад 1968 г. (МИУз, инв. №392/747). Данный дирхам очень близок к описанному [Кочнев 1989: 146, №6], отличаясь от последнего наличием слова *Мирак*, которое удалось разобрать уже после сдачи статьи в печать.

6. В нашей статье этот дирхам описан по публикации М.Н. Федорова [Федоров 1971: 159, №7], как выпущенный в 406/1015–16 гг. [Кочнев 1989: 148, №22], но ознакомление с самой монетой в Музее истории культуры и искусства УзССР в г. Самарканде, инв. №5153 показало, что в действительности она чеканена в 403/1012–13 гг.

7. Тойттюбинский клад 1968 г. (МИУз, инв. №392/760). Этот дирхам подобен описанной монете [Кочнев 1989: 148, №24], отличаясь от нее уникальной надписью в поле л.ст.

8. Коллекция Д.А. Артамонова (г. Ленинград).

9. Коллекция А.А. Койфмана (г. Мытищи, Московская область).

10. Медно-свинцовый дирхам из раскопок Л.Р. Кызласова 1953 г. на городище Ак-Бешим (объект 2, раскоп 1). Хранится в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа (583/991). От наименования монетного двора уцелели только последние три буквы, но поскольку около середины XI в. (когда выпускались медно-свинцовые дирхамы), по имеющимся данным, монеты в Ил Орду и Орду не чеканились, название денежного двора можно уверенно восстановить как Куз Орду.

11. Это суммарное описание экземпляров неодинаковой (но в основном неудовлетворительной) сохранности, относящихся, скорее всего, к одному типу (хотя, абсолютной уверенности в этом нет: на разных экземплярах уцелели разные участки). Один экземпляр оказался в составе хранящегося в Эрмитаже беспаспортного клада (ГЭ, №13644; в/к №67); другой, неизвестного происхождения, хранится в Государственном историческом музее (КГИМ, б/н.); несколько экземпляров происходят из хранящегося там же клада с территории г. Фрунзе, изучавшегося Е.А. Давидович (об этом клада см.: [Давидович 1968: 68]).

12. Два дирхама из Беловодского клада 1970 г. (КГИМ, в/к №809–810). В публикации этого клада описан только один из них, не сохранивший выпускных сведений [Кочнев, Федоров 1974: 191]. Выявить второй экземпляр нам удалось в ходе повторной работы над кладом в 1988 г.

13. Монеты из беспаспортного клада (ГЭ, инв. №13648, 13766, 13789; в/к №71, 189, 212).

14. Дирхамы из Беловодского клада 1970 г. (КГИМ, в/к №813–832) опубликованы [Кочнев, Федоров 1974: 183], но без даты, часть которой удалось обнаружить на монетах изучавшегося Е.А. Давидович клада из г. Фрунзе (тип 36, по ее классификации).

15. Монеты из Беловодского клада 1941 г. (КГИМ, в/к №979–980); при подготовке клада к изданию не были выделены как особый тип.

16. ГЭ, инв. №12886. На данном дирхаме, как и на следующем, наименование монетного двора

не уцелело, но характер разбивки надписей реверсного поля и особенности почерка (например, «каплевидность» округлых знаков) типичны для медно-свинцовых дирхамов Куз Орду 440-х гг. х. и не оставляют сомнений в происхождении монет, описанных под номерами 14 и 15.

17. Дирхамы из Чуйского клада (ГЭ, инв. №7266, 7267; в/к №281, 282). О клада см.: [Vasmer 1930: 100].

18. Дирхам найден при раскопках Л.Р. Кызласова 1953 г. на городище Ак-Бешим (объект 1, раскоп 8). Хранится в ГЭ (№583/991).

19. Дирхам из неразобранной части фрунзенского клада (КГИМ, б/н).

20. Дирхамы из Беловодского клада 1941 г. (в/к №614–625). Они опубликованы [Кочнев, Федоров 1974: 187], но место их производства тогда установить было невозможно. Лишь теперь ясно их барсханское происхождение: об.ст. монет, описываемых здесь под номерами 19 и 20, во всем, вплоть до весьма необычной разбивки титулатуры, совпадает с об.ст., несомненно, барсханского дирхама (№18).

21. Чуйский клад (ГЭ, №7007–7012; в/к №22–27).

22. Беспаспортный клад (ГЭ №13582, 13602, 13604; в/к №5, 25, 27)

23. Дирхамы из Беловодских кладов 1941 г. (в/к № 675–691) и 1970 г. (в/к №515–517). Они опубликованы [Кочнев, Федоров 1974: 182], но тогда не удалось разобрать дату, от которой уцелела часть сотен, десятки и конец единиц (*айн* с предшествующим зубцом); учитывая типовую близость монет, описанных под номерами 21–23, можно допустить, что они относятся к одному году и месту выпуска.

24. Беловодский клад 1970 г. (в/к №527–530); при его публикации данные монеты не выделены как особый тип.

25. Дирхам из Беловодского клада 1970 г. (в/к №638); в публикацию этого клада не вошел.

26. Монеты из Беловодских кладов 1941 г. (в/к №803) и 1970 г. (в/к №639–640); см.: [Кочнев, Федоров 1974: 182].

27. Беловодский клад 1970 г. (в/к №645–646); см.: [Кочнев, Федоров 1974: 182].

28. Беловодский клад 1970 г. (в/к №653–668); см.: [Кочнев, Федоров 1974: 182]. Дирхамы того же типа, но не сохранившие выпускных сведений, изданы А.К. Марковым (см.: [Марков 1896: 257, №406]).

29. Беловодский клад 1970 г. (в/к №690–694).

30. Беловодский клад 1970 г. (в/к №460–464). Такие дирхамы опубликованы [Кочнев, Федоров 1974: 187], но наименование монетного двора тогда осталось неразобранным.

31. Беловодский клад 1970 г. (в/к №493).

32. Беловодские клады 1941 г. (в/к № 660) и 1970 г. (в/к №494).

33. Беловодский клад 1970 г. (в/к № 502–504); см.: [Кочнев, Федоров 1974: 189].

34. Беловодский клад 1970 г. (в/к №505).

35. Беспаспортный клад (ГЭ № 13715; в/к №138).

36. Беловодский клад 1970 г. (в/к №512–514). Дирхамы, описанные под номерами 29–35, объединяют не только содержание легенд, но и особенности почерка, мелкого и убористого, что позволяет считать барсханскими и те монеты, которые не сохранили выпускных сведений.

37. Такие дирхамы есть в Беловодских кладах 1941 г. (в/к №946–969) и 1970 г. (в/к №783–807), но в публикации они описаны как два разных типа [Кочнев, Федоров 1974: 191]. Исправить ошибку и установить их барсханское происхождение позволяют монеты из Чуйского клада (ГЭ, №7243–7246; в/к №258–261).

38. Дирхамы из Беловодского клада 1941 г. (в/к № 970–971); см.: [Кочнев, Федоров 1974: 191]. Описание уточнено по монетам Чуйского клада (ГЭ, № 7148, 7264; в/к №163, 279).

39. Монеты из Беловодского клада 1941 г. (в/к №945) и Чуйского клада (ГЭ, б/н).

40. Дирхамы из Беловодского клада 1941 г. (в/к №943, 944) и Чуйского клада (ГЭ, №7279, 7280; в/к №294–295). В публикации Беловодских кладов [Кочнев, Федоров 1974: 183] типы, описанные здесь под номерами 38 и 39, объединены в один тип; ошибку позволили исправить монеты Чуйского клада.

41. Беловодский клад 1970 г. (в/к №624–37); в публикации [Кочнев, Федоров 1974: 190] этот тип описан неверно.

42. Чуйский клад (ГЭ, №7239, 7240; в/к №254, 255).

43. ГЭ, инв. №13470. Этот дирхам издан А.К. Марковым [Марков 1896: 201, №24], но как

раз данное слово, вписанное во внешнее обрамление и плохо заметное, им не отмечено.

44. Тойтубинский клад 1968 г. (МИУз, инв. №392/567, 568, 583).

45. Кукельташский клад (МИУз, КП 468).

46. Дирхам из хранящегося в Джамбульском областном краеведческом музее Второго Таразского клада.

47. Тойтубинский клад 1968 г. (МИУз, инв. №392/401–403, 842).

48. Чуйский клад (ГЭ, инв. №7173; в/к №188); Фрунзенский клад (КГИМ, б/н).

49. Фрунзенский клад, тип 40, по классификации Е.А. Давидович (КГИМ).

50. Из клада 1978 г., хранящегося в Ферганском областном краеведческом музее (вр.хр. 76).

51. Эти монеты из Беловодского клада 1970 г. (в/к №247–248, 565–567) опубликованы, но в обоих случаях название монетного двора осталось неразобранным, а в первом случае годом выпуска назван не 447, а 446 г. х. [Кочнев, Федоров 1974: 186, 189]. В этой же работе начало войны между Арслан-ханом и Бугра-ханом датировано 448 г. х. [Кочнев, Федоров 1974: 193–194], хотя теперь ясно, что начальную дату этой войны необходимо сдвинуть, как минимум, на год назад.

52. В этой работе начало междоусобной войны между Арслан-ханом и Бугра-ханом тоже датировано 448/1056–57 г.

53. Правда, М.Н. Федоров допускал, что вассалом Ибрахима в Маргинане был Кылыч-хан [Федоров 1980: 44], но на самом деле на маргинанских дирхамах упомянут *хан, малик ал-Машрик*, т.е. тот же Ибрахим [Настич, Кочнев 1988: 75, прим. 54].

Abstract

NEW DATA ON THE COINAGE OF QUZ ORDU AND BARSKHAN B.D. Kochnev

The study of personal titles on the coins of Quz Ordu and Barskhan has allowed to specify some important points in the history of Eastern Qarakhanids. The noted peculiarities of title varieties and coin design can serve as an excellent reference for the identification of coins with partially lost data.

Литература

- Бартольд 1963а – *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья // Соч. – Т. 2. – Ч. 1. – М., 1963.
 Бартольд 1963б – *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. – Т. 1. – М., 1963.
 Беленицкий и др. 1973 – *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. – Л., 1973.
 Большаков 1971 – *Большаков О.Г.* Два вакфа Ибрахима Тамгач-хана в Самарканде // СНВ. – Вып. 10. – 1971.
 Горячева 1983 – *Горячева В.Д.* Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. – Фрунзе, 1983.
 Давидович 1968 – *Давидович Е.А.* О двух караханидских каганатах // НАА. – 1968. – № 1.
 Ибн ал-Асир 1939 – *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил фи-т-тарих. Извлечения в пер. с араб. И.Н. Леманова и С.Л. Волина // МИТТ. – Т. 1. – М.; Л., 1939.
 Ибн ал-Асир 1973 – *Ибн ал-Асир.* Китаб ал-Камил фи-т-тарих. Извлечения в пер. с араб. К.Б. Старковой // МИКК. – Вып. 1. – М., 1973.
 Кочнев 1978 – *Кочнев Б.Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 1. Саманиды, Караханиды, Джаниды // ИМКУ. – Вып. 14. – 1978.

- Кочнев 1988 – *Кочнев Б. Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 9. Саманиды, Караханиды, Ануштегиниды // ИМКУ. – Вып. 22. – 1988.
- Кочнев 1988 – *Кочнев Б. Д.* Тогрыл-хан и Тогрыл-тегин (Нумизматические данные к истории Восточных Караханидов во второй половине XI в.) // ЭВ. – Вып. 24. – 1988.
- Кочнев 1989 – *Кочнев Б. Д.* Монетный чекан Куз Орду – Баласагуна (XI в.) // Красная Речка и Бурана. – Фрунзе, 1989.
- Кочнев 1995 – *Кочнев Б. Д.* Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (Ч. 1) // ВИИСИД. – Вып. 4. – 1995.
- Кочнев 1997 – *Кочнев Б. Д.* Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (Ч. 2) // ВИИСИД. – Вып. 5. – 1997.
- Кочнев 2004 – *Кочнев Б. Д.* Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (Ч. 3). Ad-denda et corrigenda // ВИИСИД. – Вып. 6. – 2004.
- Кочнев, Федоров 1974 – *Кочнев Б. Д., Федоров М. Н.* Два клада караханидских дирхамов середины XI в. из Киргизии // НЭ. – Вып. 11. – 1974.
- Марков 1896 – *Марков А. К.* Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. – СПб., 1896.
- Мокрынин, Плоских 1988 – *Мокрынин В. П., Плоских В. М.* Иссык-Куль: затонувшие города. – Фрунзе, 1988.
- Настич 1989 – *Настич В. Н.* Монетные находки с городища Красная Речка (1978–1983 гг.) // Красная Речка и Бурана. – Фрунзе, 1989.
- Настич, Кочнев 1988 – *Настич В. Н., Кочнев Б. Д.* К атрибуции мавзолея Шах-Фазил (эпиграфические и нумизматические данные) // ЭВ. – Вып. 24. – 1988.
- Федоров 1964 – *Федоров М. Н.* Клад караханидских дирхамов начала XI в. из Ташкента // ИМКУ. – Вып. 5. – 1964.
- Федоров 1971 – *Федоров М. Н.* Ходжендский клад серебряных дирхамов второго десятилетия XI в. // Материальная культура Таджикистана. – Вып. 2. – Душанбе, 1971.
- Федоров 1980 – *Федоров М. Н.* Политическая история Караханидов во второй половине XI в. // НЭ. – Вып. 13. – 1980.
- Федоров 1982 – *Федоров М. Н.* Монеты, идущие по следам завоевателей // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. – Фрунзе, 1982.
- Pritsak 1950 – *Pritsak O.* Karachanidische Streitfragen // Oriens. Bd. 3. – Hf. 2. – Leiden, 1950.
- Pritsak 1953 – *Pritsak O.* Die Karachaniden // Der Islam. Bd. 33. Hf. 1. – Berlin, 1953.
- Vasmer 1930 – *Vasmer R.* Zur Münzkunde der Qarachaniden // Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin. – Bd. 33. – Berlin, 1930.

**ADDENDA ET CORRIGENDA К СТАТЬЕ Б.Д. КОЧНЕВА
«НОВОЕ О МОНЕТНОМ ЧЕКАНЕ КУЗ ОРДУ И БАРСХАНА»**

В.Н. Настич, В.Г. Кошевар *

Для удобства работы со статьей Б.Д. Кочнева нами составлена таблица соответствия порядковых номеров монетных типов, описанных в статье, номерам позиций по «Своду надписей на караханидских монетах» [Кочнев 1995: 201–278; Кочнев 1997: 245–316; Кочнев 2004: 261–291], изданному позднее, чем была впервые сдана в печать публикуемая здесь статья. Таблица дополнена необходимыми комментариями, с учетом которых следует рассматривать историческую часть статьи Б.Д. Кочнева.

Соответствие номеров монет,
описанных в статье, номерам позиций
по «Своду надписей»

№ описания в статье	№ по «Своду надписей»	№ описания в статье	№ по «Своду надписей»	№ описания в статье	№ по «Своду надписей»
1	134	15	1282	29	1264
2	168	16 ⁴	898a	30	1264 ⁶
3	166	17	707	31	1264 ⁷
4	297	18	1271	32	1264 ⁸
5	423	19	1272	33	1264 ⁹
6	679	20	1273	34	1265?
7	758	21	1211	35	1266
8	1280	22 ⁵	1248	36	1253 ¹⁰
9 ¹	1317	23	1270	37	1275
10 ²	1316	24	1250	38 ¹¹	1226 ¹²
11	1239	25	1252	39 ¹³	1240 ¹⁴
12	1268	26	1251	40	1276
13	1269	27	1252	41	1277
14 ³	1318	28	1252		

Примечания

1. Судя по титулатуре *Зайн ад-давла Тонгахан*, монеты этого типа должны датироваться 450/1058–59 или 451/1059–60 гг. и относиться к правлению Арслан-хана Ибрахима б. Мухаммада [Кочнев 1997: 286. №1317; Fedorov 1999: 38].

* *Настич Владимир Нилович* – канд. ист. наук, зав. отделом Института Востоковедения РАН. Россия, Москва, vnn@bk.ru

Кошевар Вадим Григорьевич – ЧП «АЛ-ВИАН». Кыргызстан, Бишкек, alwian@elcat.kg, alwian@mail.ru

2. В «Своде надписей» монеты с этим вариантом титулатуры отнесены к правлению Арслан-хана Ибрахима б. Мухаммада и датируются 450/1058–59 гг. [Кочнев 1997: 286. №1316]. В комментариях к описанию этой монеты и в статье, и в «Своде надписей» утверждается о ее принадлежности к Беловодскимкладам [Кочнев 2008: 70; Кочнев, Федоров 1974: 191].

3. В авторском оригинале статьи пропущено описание об.ст. монеты. Чекан с аналогичной титулатурой на л.ст. известен только в правление Арслан-хана Ибрахима б. Мухаммада и датируется 450–451/1058–1060 гг. [Кочнев 1997: 286. №1318].

4. Впоследствии титулатура л.ст. и датировка монет этого типа (454/1062 г.) были уточнены публикатором [Кочнев 2004: 276. №898a].

5. Впоследствии дата монет этого типа с лакабом *Ḫayr Ab Aq* была определена как 449(?) / 1057–58 гг. [Кочнев 1997: 282. №1248], а для монеты с лакабом *Ḫayr o Aq*, видимо, осталась прежней [Кочнев 1997: 279. №1211].

6. Отличается от №29 (№1264) ошибками в написании титулатуры на об.ст. монеты и распределением ее по строкам.

7. Отличается от №29 (№1264) распределением титулатуры по строкам на л. и об.ст. монеты.

8. Отличается от №29 (№1264) ошибками в написании титулатуры на об.ст. монеты и распределением ее по строкам.

9. Отличается от №29 (№1264) распределением титулатуры по строкам на об.ст. монеты.

10. Впоследствии датировка монет этого типа (448? / 1056–57 гг.) была уточнена публикатором [Кочнев 1997: 282. №1253].

11. Описание расположения титулатуры на л.ст. монеты предполагает отсутствие первой части символа веры (калиммы).

12. Впоследствии датировка монет этого типа (445/1053–54 гг.) была уточнена публикатором [Кочнев 1997: 280. №1226].

13. Описание расположения титулатуры на л.ст. монеты предполагает отсутствие первой части символа веры (калиммы). Описание расположения титулатуры на об.ст. монеты предполагает отсутствие второй части символа веры (калиммы) и упоминание халифа.

14. Впоследствии датировка монет этого типа (446? / 1054–55 гг.) была уточнена публикатором [Кочнев 1997: 281. №1240].

Литература

- Кочнев 1995 – *Кочнев Б.Д.* Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (Ч. 1) // ВИИСИД. – Вып. 4. – М., 1995.
- Кочнев 1997 – *Кочнев Б.Д.* Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (Ч. 2) // ВИИСИД. – Вып. 5. – М., 1997.
- Кочнев 2004 – *Кочнев Б.Д.* Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (Ч. 3). Ad-denda et corrigenda // ВИИСИД. – Вып. 6. – М., 2004.
- Кочнев 2008 – *Кочнев Б.Д.* Новое о монетном чекане Куз Орду и Барсхана // МИАК. – Вып. 3. – Бишкек, 2008.
- Кочнев, Федоров 1974 – *Кочнев Б.Д., Федоров М.Н.* Два клада караханидских дирхемов середины XI в. из Киргизии. // НЭ. – Т. 11. – 1974.
- Fedorov 1999 – *Fedorov M.N.* Some Unknown Qarakhanid Appanage Rulers of North Kirghizstan in Time of Internecine wars (1057–1068 AD) // YN. – Vol. 11. – [Irbid, Jordan:] Yarmouk University, 1999.

НОВЫЕ ТИПЫ КАРАХАНИДСКИХ МОНЕТ КУЗ ОРДУ И БАРСХАНА

В.Г. Кошевар *

Караханидские монеты / Куз Орду / Барсхан / Средневековье
Qarakhanid coins / Quz Ordu / Barskhan / Middle ages

Настоящая статья является продолжением публикации описаний караханидских монет Куз Орду, начатой работами Б.Д. Кочнева [Кочнев 1989; Кочнев 2008].

Критерием отбора монет явилось их отсутствие в «Своде надписей на караханидских монетах» [Кочнев 1995: 201–278; Кочнев 1997: 245–314; Кочнев 2004: 261–291], который в настоящее время является самым полным описанием титулатуры эмитентов караханидских монет. Кроме того, нами рассматривались и учитывались особенности в оформлении монет, распределении титулатуры эмитентов по строкам и наличию иных надписей и знаков, не отмеченных в публикациях о монетах Куз Орду. При этом были весьма полезны, ввиду полноты описания монет, многочисленные работы М.Н. Федорова (Германия, Маннхайм).

При описании монет мы в основном придерживаемся того же принципа, что и в статьях Б.Д. Кочнева, и пользуемся теми же сокращениями [Кочнев 1989: 144; Кочнев 2008: 68].

Куз Орду

1. Дирхам, [408 (?)/1017–18 г.] (часть монеты обломана). Серебро. Диаметр 26,8 мм, вес 2,35 г (рис. I. 1).

Л.ст. В поле – К-1. Поле обрамлено выпуклыми сведениями (В-1), расположенными квадратом:

... / $\text{Öm} \text{Ei} \text{A} \text{1} / \text{AQf} \text{AM} \text{E} / \text{jy} \text{E} \text{AA} \text{n} \text{I}$

Все в линейно-насечном ободке.

Об.ст. В поле:

$\text{A} \text{Ba}$
 $\text{IAf} \text{In} \text{Aj} \text{I} \text{UA}$
 $[\text{Öf} \text{AI} \text{I} \text{A} \text{B} \text{A}]$
 $[\text{E} \text{m} \text{Aj} \text{I} \text{A} \text{IA}]$

Поле обрамлено ободком из кружков. По кругу – хадис:

$\text{E} \text{f} \text{z} \text{2} \text{jS} \text{Ä} \text{I} \text{I} \text{Q} \text{B} \text{E} \text{I} \text{I} \text{2} \text{jS} \text{E} \text{n} \text{A} \text{2} \text{jS} \text{Ä} \text{I}$

Все в насечном ободке.

По титулатуре эмитента (Арслан-хан Мансур б. 'Али) эта монета соответствует дирхаму Куз Орду 408/1017–18 гг. [Кочнев 1995: 238/484; Кочнев 2004: 271. №484]. Ранее наличие хадиса в круговой легенде об.ст. монеты было отмечено только на монетах Куз Орду 408/1017–18 гг. [Кочнев 2006: 53].

Монета примечательна тем, что на ней отсутствует часть калимы $\text{E} \text{AA} \text{In} \text{f} \text{AZ} \text{I}$. Это предполагает ее чекан непарными штемпелями, что, видимо, произошло случайно. Вследствие этого решено не присваивать описываемому дирхаму номер нового типа, ограничившись констатацией факта наличия такой разновидности.

2. Фалс до 416/1025–26 гг. Бронза. Диаметр 25,75 мм, вес 2,24 г (рис. I. 2).

Л.ст. В поле К-1. Выше треугольник из кружков. Поле обрамлено точно-линейным ободком. По кругу – выпуклые сведения (В-1):

[... $\text{Öm} \text{Ei} \text{A} \text{1} \text{o} \text{IA} \text{E} \text{I} \text{jy} \text{E} \text{AA} \text{n} \text{I}$
 $\text{ÖA} \text{li} \text{E} \text{I} \text{r} \text{S}$

Все в точечном ободке.

Об.ст. В поле – изображение льва (?), идущего влево, голова повернута назад. Поле обрамлено линейным, точечным и двойным линейным ободками. По кругу читается часть титулатуры, принадлежащей Арслан-хану Мансуру б. 'Али:

... $[\text{I}] \text{A} \text{IA} \text{E} \text{I} \text{A} \text{I} \text{A} \text{B} \text{A} \text{I} \text{A} \text{IA} \text{IA}$

Все в линейно-точечном ободке.

У фалса Куз Орду 412/1021–22 гг. [ZENO, Интернет: №41264] с идентичной титулатурой, на об.ст. монеты в поле расположена часть символа веры и упоминание халифа, а у фалса Куз Орду 413/1022–23 гг. [Кочнев 2004: 273/592a] тип надписи не определен. Представляется, что рассматриваемая монета является новой по виду оформления.

* Кошевар Вадим Григорьевич – ЧП «АЛ-ВИАН». Кыргызстан, Бишкек, alwian@elcat.kg, alwian@mail.ru

Рис. 1. Монеты чекана Куз Орду и Барсхана:
 1 – дирхам Куз Орду 408(?) г.х.; 2 – фалс Куз Орду до 416 г.х.; 3 – дирхам Куз Орду 424 г.х.;
 4 – дирхам Барсхана 44[7] или 44[9] г.х.; 5, 6 – дирхамы [Барсхана], не ранее [454] г.х.;
 7 – фрагмент титулатуры дирхама [Барсхана], не ранее [454] г.х., № 2;
 8 – фрагмент титулатуры дирхама Барсхана [454] г.х. (по ZENO, № 18333)

Обе монеты хранятся в частной коллекции, в г. Бишкеке (Кыргызская Республика).

Еще несколько новых типов монет Куз Орду представлены на Интернет-сайте <http://www.ZENO.ru>. Все монеты определены куратором раздела караханидских монет В.А. Калининным (Москва).

3. Фалс, бронза, 389/998–99 гг. Эмитент – Кара-хакан Ахмад б. 'Али. [ZENO, Интернет: №15400].

4. Фалс, бронза, 396/1005–06 гг. Эмитент – хан Ахмад б. 'Али. [ZENO, Интернет: №15401].

5. Фалс, бронза, 412/1021–22 гг. Эмитент – Арслан-хан Мансур б. 'Али. [ZENO, Интернет: №41264].

6. Дирхам, серебро, 4[15–6]/1024–26 гг. Эмитент – Тонга-хан Мухаммад б. Хасан. [ZENO, Интернет: №17148].

7. Дирхам, серебро, 420/1029 г. Эмитент – Кадыр-хан Йусуф б. Харун. [ZENO, Интернет: №17052].

8. Дирхам, серебро, 442/1051–52 гг. Эмитент – Арслан-хан Сулайман б. Йусуф. [ZENO, Интернет: №18760].

9. Дирхам, серебро, 455/1063 г. Эмитенты – сюзерен Табгач-хан Ибрахим б. Наср и вассал Арслан кара-хакан 'Абд ал-Халик. [ZENO, Интернет: №18758].

В заключение этого раздела следует остановиться на описании дирхама Куз Орду, дату которого М.Н. Федоров читает как 423/1031–32 гг. [Fedorov 2005: 359].

Ознакомление с описанным дирхамом de visu позволило нам уточнить проставленную на нем титулатуру, соотнести ее с титулатурой ранее известного дирхама Куз Орду 424/1032–33 гг. [Кочнев 1995: 256/769] и уверенно прочитать дату эмиссии как 424/1032–33 гг. (рис. I. 3). Кроме того, в слове на л.ст. монеты, расположенном над калимой, которое М.Н. Федоров предлагает читать (?) $\text{ʒ} \text{B} \text{U}$ [Fedorov 2005: 359], представляется

более состоятельным видеть $\text{ʒ} \text{f} \text{S}$; кстати, так же читал это слово и А.К. Марков на однотипном дирхаме Куз Орду 424/1032–33 гг. [Марков 1896: 851/381a].

С учетом вышеизложенных замечаний описание этой монеты выглядит следующим образом:

Л.ст. В поле – К-1, сверху $\text{ʒ} \text{f} \text{S}$. Поле обрамлено выпускными сведениями (В-1), расположенными восьмиугольником:

$\text{ʒ} \text{f} \text{S} / \text{ʒ} \text{B} \text{U} / \text{ʒ} \text{f} \text{S} \text{ ʒ} \text{B} \text{U} / \text{ʒ} \text{f} \text{S}$
(!) $\text{ʒ} \text{B} \text{U} \text{ ʒ} \text{f} \text{S} / \text{ʒ} \text{B} \text{U}$

Все в линейно-точечном ободке.

Об.ст. В поле:

$\text{ʒ} \text{f} \text{S}$

$\text{ʒ} \text{B} \text{U} \text{ ʒ} \text{f} \text{S}$

$\text{ʒ} \text{B} \text{U} \text{ ʒ} \text{f} \text{S}$

$\text{ʒ} \text{B} \text{U} \text{ ʒ} \text{f} \text{S} \text{ ʒ} \text{B} \text{U}$

$\text{ʒ} \text{f} \text{S}$

Поле обрамлено двойным линейным ободком. По кругу – Кор.-1. Все в линейном ободке.

Монета хранится в частной коллекции, в г. Бишкеке (Кыргызская Республика).

Барсхан

1. Дирхам, 44[7]/1055–56 или 44[9]/1057–58 гг. Медно-свинцовый сплав, следы серебрения. Вес 7,16 г, диаметр 25,5 мм, толщина 1,8 мм (рис. I. 4).

Л.ст. В поле – К-1, сверху (?) $\text{ʒ} \text{B} \text{U}$ ниже

$\text{ʒ} \text{B} \text{U}$ слева и справа, вертикально острием вниз расположены мечи с оконечностью рукоятки и гардой в виде кружков. Поле обрамлено линейным ободком. По кругу:

$\text{ʒ} \text{B} \text{U} \text{ ʒ} \text{f} \text{S} \text{ ʒ} \text{B} \text{U} \text{ ʒ} \text{f} \text{S} \text{ ʒ} \text{B} \text{U} \text{ ʒ} \text{f} \text{S}$

В слове, передающем единицы, слились воедино два или три одинаковых зубца перед конечным © 'айн, т.е. © $\text{ʒ} \text{B} \text{U}$ «семь» либо © $\text{ʒ} \text{B} \text{U}$ «девять». Внешнее обрамление не сохранилось.

Об.ст. В поле:

$\text{ʒ} \text{f} \text{S}$

$\text{ʒ} \text{B} \text{U} \text{ ʒ} \text{f} \text{S}$

$\text{ʒ} \text{B} \text{U} \text{ ʒ} \text{f} \text{S}$

$\text{ʒ} \text{B} \text{U} \text{ ʒ} \text{f} \text{S}$

Поле обрамлено линейным ободком. По кругу – Кор.-3. Внешнее обрамление не сохранилось.

Монеты с аналогичной титулатурой и похожим оформлением нигде, кроме Барсхана, пока не известны, что позволяет предположить то же происхождение и для этой монеты.

2. Дирхам, не ранее [454]/1062 г. Медно-свинцовый сплав, следы серебрения. Две монеты: №1 – вес 3,7 г, диаметр (макс.) 21,7 мм, толщина 1,5 мм (рис. I. 5); №2 – вес 4,78 г, диаметр (макс.) 21,15 мм, толщина 1,85–2,0 мм (рис. I. 6–7).

Л.ст. В поле – К-1, сверху (?) **ЭИА** или (?) **ЭИД** внизу **АІ**, **ІМ**

Поле обрамлено частично сохранившимися выпускными сведениями (В-1), расположенными квадратом:

.../.../...**ІА**ф.../jy **ЭИА**І.

Наименование монетного двора и дата не сохранились. Все в насечном ободке.

Об. ст. В поле:

ЭИАІні ф **А**З ;

ЭИј ; **В** **АВ**А

ОЕА (?) **еВ**А

(?) **К**У

Сверху горизонтально лук со стрелой вверх. Поле обрамлено линейным ободком. Круговая легенда полностью вышла за пределы монетного кружка. Внешнее обрамление не сохранилось.

На об.ст. монеты №1 в начале третьей строки проставлено (?) **еВ**А. На монете №2 начало этого слова вышло за пределы монетного кружка, а видимую часть можно прочесть как **еВ**.... Эта ошибка, видимо, была типичной. Как показал анализ взаимного расположения элементов надписей и палеографии, монеты отчеканены разными штампами, что предполагает ошибку в тексте оригинала, с которого резался штамп. Представляется, что это ошибка гравера, начавшего повторно резать **АВ**А, но вовремя спохватившегося. Судя по окончанию слова **еВ** некоторого сходства в начертании букв **е** и **А**, а также последующему компоненту лакаба **ОЕ**А здесь на месте **еВ**А хочется видеть **еВ**С.

Последнее слово в поле об.ст. монеты возможно интерпретировать как *хан* (**АВ**).

«Подвижки», происшедшие в иерархии восточных Караханидов (исчезновение с монет титулатуры Арслан-хана Йусуфа б. Мухаммада в 454/1062 г.)¹, позволили Йусуфу б. Сулайману занять высшую ступень в иерархии Восточного каганата. Видимо, тем же годом следует датировать и описываемый тип монет. В пользу такого допущения указывают сведения из перевода китайского источника: «в 1063 г. (455–456 гг. – В.К.) правителем Ка-

раханидов был «Токэлуэр», т.е. Тогрыл-хан» [Кочнев 2006: 203], он же Ймад ад-давла Йусуф б. Сулайман. По нумизматическим данным, Йусуф б. Сулайман в этот период известен только в Барсхане [Кошевар 2007], что позволяет предположить эмиссию монет этого типа именно там.

Вопрос о правильности чтения титула *Йинал* или *Джамал* остаётся открытым до выявления новых монет с более надёжной палеографией.

Монеты хранятся в частной коллекции, в г. Бишкеке (Кыргызская Республика).

Еще один новый тип монет Барсхана представлен на Интернет-сайте ZENO.ru. Монета определена куратором раздела караханидских монет В.А. Калининным.

3. Дирхам, медно-свинцовый сплав, [449–454]/1057–62 гг. Эмитент – Ймад ад-давла Йинал-тегин Йусуф б. Сулайман [ZENO, Интернет: №18333].

На этой монете в поле об.ст., ниже упоминания халифа, проставлен арабский лакаб *Ймад ад-давла*, уточненный тюркским титулом, который В.А. Калинин читает как *Йинал-тегин* (**АІ**, **МВ**А). Нам же видится, что вертикальная черточка первой буквы титула имеет явно выраженный наклон влево и может быть прочитана как **U**. Вторая буква, если принимать ее за **А**, должна быть одинаковой высоты с первой, но она и ниже, и шире, причем на фотографии просматривается колечко, характерное для начертания буквы **А**. Все это предполагает возможное чтение *Джамал-тегин* (**АІ**, **МВ**U) (рис. 1. 8), но такой титул у Караханидов пока не был отмечен.

Анализ исторических сведений позволяет указать на 454/1062 г. как на наиболее позднюю датировку эмиссии монет этого типа [Кошевар 2007].

Примечание

1. По всей видимости, исчезновение с монет Куз Орду после 455/1063 г. титулатуры 'Абд ал-Халика, «не известного ближе Восточного Караханида» [Кочнев 2006: 206], не привело к подвижкам в иерархии Восточного каганата, по крайней мере, на верхних ее ступенях. Об этом свидетельствуют монеты Куз Орду с титулатурой Аййуба б. Сулаймана, на которых он и в 454/1062 г. [Кочнев 1997: 286. №1320, 1322–1325; Кочнев 2004: 279. №1324], и в 456/1063–64 гг. [Кочнев 2004: 276. №903а] титулуется одинаково – *Арслан-тегин* (**АІ**, **МВ**ніА).

Abstract**NEW TYPES OF QARAKHANID COINS STRUCK AT QUZ ORDU AND BARSKHAN
V.G. Koshevar**

During the few years passed after the publication of the additions to B.D. Kochnev's «Svod», 9 new types of Quz Ordu coins and 3 types of Barskhan coins have discovered. Reading the coin legends has presented a «documentary» confirmation of the recently presumed historical facts.

Литература

- Кочнев 1989 – *Кочнев Б.Д.* Монетный чекан Куз Орду – Баласагуна (XI в.) // Красная Речка и Бурана. – Фрунзе, 1989.
- Кочнев 1995 – *Кочнев Б.Д.* Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (Ч. 1) // ВИИСИД. – Вып. 4. – М., 1995.
- Кочнев 1997 – *Кочнев Б.Д.* Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (Ч. 2) // ВИИСИД. – Вып. 5. – М., 1997.
- Кочнев 2001 – *Кочнев Б.Д.* Конечный этап нумизматической истории Караханида Мухаммада б. Насра // НЦА. – Вып. 5. – 2001.
- Кочнев 2004 – *Кочнев Б.Д.* Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (Ч. 3). Addenda et corrigenda // ВИИСИД. – Вып. 6. – М., 2004.
- Кочнев 2007 – *Кочнев Б.Д.* Новое о монетном чекане Куз Орду и Барсхана // МИАК. – Вып. 3. – Бишкек, 2007.
- Кошевар – *Кошевар В.Г.* К датировке дирхама Барсхана с титулатурой Арслан-хан и Имад ад-давла // Диалог цивилизаций (в печати).
- Марков 1896 – *Марков А.К.* Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. – СПб., 1896.
- Fedorov 2005 – *Fedorov M.N.* The Krasnaia Rechka Hoard of Qarakhanid Dirhams (401–442/1010–1051) // NC. – London, 2005.
- Zeno, Интернет – ZENO. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ZENO.ru>

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ (ДОМУСУЛЬМАНСКИХ) АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ РЕСПУБЛИК СРЕДНЕЙ АЗИИ ЗА 1917–1937 гг.¹

М.В. Воеводский*

До революции археология Средней Азии была почти не изученной. На всей обширной территории ни один из памятников не подвергался систематическим раскопкам. Даже на таких первоклассных памятниках, как развалины Старого Мерва и Термеза, были произведены очень слабые разведки, по преимуществу затронувшие остатки архитектурных сооружений.

Некоторым исключением является лишь известный холм Анау близ Ашхабада, исследованный американской археологической экспедицией под руководством Пумпелли.

После революции положение резко изменилось. За двадцать лет было проведено несколько крупных экспедиций, открыто и исследовано большое количество археологических памятников, давших ценнейшие материалы для изучения прошлого страны.

Это усиление археологической работы связано, во-первых, с организацией местных республиканских научно-исследовательских учреждений – Узбекского комитета по охране памятников старины и искусства в Ташкенте, Института туркменской культуры в Ашхабаде, Киргизского научно-исследовательского института в г. Фрунзе и ряда местных музеев, во-вторых, с работами центральных научных учреждений Москвы и Ленинграда.

Расширению полевых исследований способствовала и связь научно-исследовательской работы центральных и местных научных учреждений с обширными строительными и ирригационными работами, позволившая провести планомерное изучение ряда территорий.

Ввиду невозможности в небольшой статье дать подробную характеристику всего обширного материала, добытого за описываемый период, мы ограничимся кратким описанием некоторых исследованных памятников.

Палеолитических стоянок на территории Средней Азии до сих пор не обнаружено, но имеются все основания полагать, что они будут найдены при дальнейшем расширении исследовательской работы. До настоящего времени древнейшими остатками поселений являются стоянки с микролитическими орудиями, обнаруженные во многих пунктах обширной территории. Все открытые до сих пор стоянки этого типа находятся среди песков среднеазиатских пустынь и, в силу малой доступности, слабо изучены. Остатки их обнаружены на северном берегу Аральского моря, в песках вдоль нижнего течения Сыр-Дарьи и в нескольких пунктах Каракумской и Кызылкумской пустынь. Имеющийся незначительный и отрывочный материал не позволяет в настоящее время делать сколько-нибудь достоверных выводов, но все же можно считать, что стоянки упомянутого типа обычно располагаются либо по берегам небольших озер, либо близ берегов старых русел в низовьях больших рек. Стоянки эти, несомненно, относятся к разному времени и наиболее поздние из них, возможно, принадлежат уже к эпохе бронзы.

Таковы, например, исследованные в 1921 г. археологом Марущенко стоянки, расположенные вдоль нижнего течения реки Сыр-Дарьи, между станциями Казалинск и Перовск. По описанию исследователя, остатки древних поселений были расположены на песчаных дюнах. Орудия, собранные на них, изготовлены из ножевидных пластинок и имеют типичный микролитический характер. Среди них имеются небольшие наконечники стрел листовидной формы, наконечники с

* *Воеводский Михаил Вацлович (1903–1948)* – зам. директора по науке и зав. отделом археологии Антропологического музея МГУ, ст. науч. сотр., зав. Лабораторией камеральной обработки МО ГАИМК – ИИМК АН СССР (с 1933 г.), доц. кафедры археологии МГУ (с 1939 г.).

поперечным лезвием, небольшие дисковидные скребки. Кроме каменных орудий, на этих стоянках были найдены обломки глиняной посуды, относящиеся к эпохе бронзы. Все эти микролитические стоянки являются остатками охотничьих лагерей небольших групп первобытных охотников, ведших, по-видимому, бродячий образ жизни.

Более изученными являются остатки древнейших земледельческих поселений, начало изучения которых было положено в 1904 г. известной американской экспедицией Пумпелли. Памятники, аналогичные знаменитым холмам Анау, оказались распространенными чрезвычайно широко по всей территории Средней Азии.

Холмы этого типа тянутся вдоль подножья северных склонов Копет-Дага, располагаясь обычно близ выходов небольших речек и ручьев из ущелий.

Примерами таких поселений могут служить холмы Намазга-Тепе близ Кааха и Ак-Тепе на берегу речки Ашхабадки в 6 км от г. Ашхабада.

Намазга-Тепе, исследованный Д.Д. Букиничем, дал исключительно богатый керамический материал, аналогичный Анау II и III по классификации Пумпелли, но более разнообразный по формам сосудов и орнаменту.

Холм Ак-Тепе, имевший высоту до 18 м, судя по разведочным работам автора настоящей заметки, проведенным в 1929 г. совместно с М.П. Грязновым, включает всю свиту культурных наслоений, которые представлены в обоих холмах Анау.

На площадке, окаймляющей подножье холма, встречен исключительный материал, аналогичный древнейшему комплексу Анау, а самый холм сложен из слоев, относящихся к более позднему времени.

В верхних горизонтах, под наслоением мусульманского времени, встречена в большом количестве своеобразная керамика темно-серого цвета с гладкой полированной поверхностью, украшенной очень сложным орнаментом, нанесенным тонким острием. Аналогичный материал, относящийся, по Пумпелли, к комплексу Анау III, встречен в самом Анау в очень небольшом количестве.

В дальнейшем на Ак-Тепе производились исследования Институтом туркменской культуры, давшие богатые результаты.

Во время осмотра Анау в 1928 г. автору этих строк удалось обнаружить в стенке одной из траншей экспедиции Пумпелли остат-

ки постройки, большая часть которой была разрушена траншеей этой экспедиции. Причем в отчетах Пумпелли никаких остатков жилища в этом пункте не отмечено.

От постройки сохранилась лишь небольшая часть двух камер, со стенками, сложенными из сырцовых кирпичей больших размеров, оштукатуренных изнутри глиняной обмазкой. В нижней части стены были облицованы фрагментами от большого глиняного сосуда.

Из собранных фрагментов был реставрирован сосуд, типичный для комплекса Анау II. Сосуд этот шаровидной формы, с тонкими стенками, покрыт красным ангобом, с полированной поверхностью.

Пол обеих камер был вымощен плоской мелкой галькой.

Эта находка показала, что, несмотря на солидность работ, проведенных экспедицией Пумпелли, во время раскопок все же были некоторые ошибки, которые требуют исправления в процессе дальнейшего изучения этого важного памятника.

Остатки сходных земледельческих поселений были обнаружены в северо-восточной части Ферганской долины, также у подножья предгорий.

Отдельные находки, относящиеся к этому же времени, известны в бассейне р. Заравшана и ряде других мест Средней Азии. Несомненно, что в ближайшие годы, в связи с дальнейшим развертыванием археологической работы, остатки древнейших земледельческих поселений будут обнаружены на более широкой территории.

В результате исследований последнего десятилетия открыто довольно значительное количество археологических памятников, относящихся к одному из наиболее интересных и вместе с тем наименее изученных периодов в истории Средней Азии, а именно от начала первого тысячелетия до начала нашего летоисчисления вплоть до арабского завоевания.

До недавнего времени знакомство с археологией этого периода ограничивалось наличием прекрасного амударьинского клада, имеющего огромную материальную и художественную ценность, но, к сожалению, совершенно не документированного в части условий залегания, и большим количеством отдельных находок, рассеянных по местным и центральным музеям – в виде собрания художественной глиняной и металлической посуды, оссуариев и других предметов культа.

Почти все эти вещи были случайного происхождения, безо всяких данных об условиях их нахождения.

Большинство из этих предметов не подвергалось научной обработке и публикации.

Среди открытых и исследованных за последние годы археологических памятников на одно из первых мест следует поставить несколько открытий, имеющих, несомненно, мировое значение.

Среди многочисленных исследований, проведенных на территории Туркменской ССР Институтом туркменской культуры, крупнейшим достижением являются раскопки городища Старая Ниса – одной из резиденций парфянских царей. Обширными работами, ведущимися в течение нескольких лет под руководством Марущенко и Ершова, были открыты развалины здания дворцового типа и ряд других сооружений.

Во время раскопок было собрано много оригинальных архитектурных деталей, большое количество обломков керамики и других бытовых предметов. Среди добытых предметов наибольший интерес представляют большие раскрашенные глиняные скульптуры и другие предметы искусства. Открытые первоклассные памятники дают впервые представление о парфянской культуре на территории Туркмении и являются ценным материалом для построения истории народов Средней Азии.

Одним из интереснейших археологических памятников, открытых на территории Узбекской ССР, являются остатки здания на правом берегу реки Аму-Дарья в местности Айртам, близ города Термеза.

В 1932 г. здесь работниками водного транспорта были открыты известковые плиты, украшенные человеческими фигурами и листьями аканфа. Одна из плит, доставленная в Ташкент, вызвала большой интерес, и Узбекский комитет по охране памятников старины и искусства (Узкомстарис) организовал работы под руководством археолога Массона по изучению места находки и вывозу в Ташкент сохранившихся архитектурных деталей.

Изучение этого пункта дало очень важные результаты. Во время раскопок удалось добыть значительное количество фрагментов архитектурного карниза, богато украшенного скульптурами, и других архитектурных деталей². Части карниза состоят из больших плит из местного известняка размером свыше метра каждая. На лицевой стороне глубоким рельефом высечены поясные изображения че-

ловеческих фигур, играющих на различных музыкальных инструментах. Человеческие фигуры разделены листьями аканфа, сделанными также глубоким рельефом. Такие же аканфовые листья идут в виде бордюра по нижнему краю карниза, как бы слегка прикрывая нижнюю часть фигур. Этот памятник, относящийся к первым векам нашей эры, представляет собой прекрасный образец так называемого «гандхарского» искусства, известного до сих пор на территории Средней Азии лишь в виде отдельных предметов случайного происхождения.

Крупное значение в изучении археологии и вместе с тем истории Средней Азии имеют археологические разведки и раскопки развалин одного из древнейших среднеазиатских городов – Термеза – и его окрестностей.

Работы здесь ведутся в течение ряда лет, и особенно интенсивно в последнее время, совместными экспедициями научных учреждений Москвы, Ленинграда и Узбекистана. В течение десяти лет было произведено детальное обследование всей территории развалин и произведены раскопки в нескольких пунктах. Так, на возвышенности «Чингиз-Тепе» были открыты остатки поселения Сасанидского времени с развалинами построек, большим количеством высокохудожественных архитектурных деталей и многочисленными предметами материальной культуры.

Раскопками было вскрыто также большое здание дворцового типа, датируемое XI–XII вв. Здание это, ввиду его исключительной ценности, взято под особое наблюдение, и на его реставрацию и охрану правительством Узбекской Республики отпускаются большие средства.

Кроме упоминавшихся выше скульптур с развалин буддийского храма в Айртаме, в г. Термезе и его окрестностях собрано большое количество фрагментов статуй и рельефов того же стиля, дающих возможность освещения одного из наименее изученных периодов в истории Средней Азии. Среди прочих открытий следует упомянуть развалины большого сооружения в виде массивной башни, которое исследователь А.С. Стрелков склонен рассматривать в качестве буддийской «ступы».

В связи с обширными работами в г. Термезе основан Местный комитет по охране и изучению этого важнейшего памятника и открыт музей.

Большое количество ценного материала было добыто на другом крупном памятнике

Узбекистана – городище Афрасиаб близ г. Самарканда. Благодаря систематическим сборам и раскопкам недавно умершего самаркандского археолога Вяткина, здесь было собрано значительное количество предметов, относящихся к домусульманскому времени, среди которых особенно ценными являются новые фрагменты оссуариев, большое количество небольших глиняных скульптур и других предметов. Необходимо заметить, что обширные старые собрания с этого городища, ранее никогда не издававшиеся, в недавнее время получили освещение в обширном, хорошо иллюстрированном издании.

В связи с обширными работами по орошению среднеазиатских степей в течение последних лет были поставлены исследования по истории орошения в ряде пунктов.

Одной из таких работ явились археологические исследования юго-восточной предгорной части Ферганской долины по р. Нарын, произведенные в 1930 и 1933 гг. Во время этого исследования был открыт ряд «тепе» – развалин небольших укрепленных поселений – и большое количество более мелких археологических памятников. На некоторых памятниках были произведены небольшие раскопки, давшие очень ценный, совершенно неизвестный до этого времени материал, относящийся к домусульманской эпохе. Необходимо отметить, что эти работы явились первыми археологическими раскопками в Ферганской долине. Наряду с другими археологическими памятниками на указанной территории были исследованы многочисленные остатки древних оросительных каналов, относящихся также к домусульманскому времени. В древнее время значительные пространства оказались заброшенными и превратились в сухие пустынные степи и лишь при советской власти, после тысячелетнего перерыва, вновь подверглись орошению.

Результаты исследований дали следующую картину.

Остатки древнейшей земледельческой культуры, обнаруженные в двух пунктах, имеют очень много сходств со средними слоями Анау I. Ввиду небольших размеров раскопок в этих пунктах, характер самих поселений остается неизученным, но собранный археологический материал представляет большой интерес.

Добытая керамика состоит из обломков глиняных сосудов, изготовленных без гончарного круга, с примитивным обжигом. Глина пористая, с примесью растительных остат-

ков. Поверхность сосуда покрыта красноватым ангобом и иногда раскраской в виде красноватых полос; часть сосуда имеет полированную поверхность. Время существования этой стадии автор, пока условно, относит ко второму тысячелетию до начала нашего летоисчисления.

Вторая, более поздняя стадия (относящаяся, по мысли исследователя, к концу второго тысячелетия – началу нашего летоисчисления), представлена большим количеством небольших холмов (тепе), являющихся остатками поселений. Она характеризуется дальнейшим развитием земледелия на основе искусственного орошения из небольших ирригационных систем, получающих воду путем собирания весенних потоков, стекающих по склонам, и использования небольших ручьев и речек.

Судя по многочисленным находкам костей домашних животных (*Bos Taurus*, *Equus caballus*, *Capra hireus*, *Oris aries*), в это время было развито животноводство.

Третья стадия (относится к первой половине первого тысячелетия нашей эры) характеризуется дальнейшим развитием земледелия. Остатки поселений здесь окружены глинобитными стенами с башнями. Собранный археологический материал состоит из глиняных сосудов, изготовленных на ручном гончарном круге, хорошо обожженных. Глина с примесью мелкого песка.

Сосуды покрыты красным ангобом, с полированной поверхностью, а также богатым орнаментом в виде волнистых линий, спиралей, треугольников и т.д. (орнамент прочерчен острием).

Среди прочих культурных остатков найдено много каменных зернотерок и других бытовых предметов.

В течение 1929 и 1930 гг. в нижнем течении реки Ангрен близ города Пскента экспедицией Узкомстариса под руководством автора настоящего очерка при участии археолога А.А. Потапова был исследован могильник, датируемый V–VIII вв. н.э.

На обширном могильнике, состоящем из нескольких сотен курганов, было вскрыто свыше десятка погребальных сооружений. Часть их имела вид наземных склепов, сложенных из глины и необожженного кирпича, а часть – подземных камер с длинными дромосами.

Наземные склепы внутри заключали камеры размерами обычно около 4–5 м², содержащих в большом количестве обломки человеческих костей, украшения в виде различных бус и бисера и отдельные бытовые предметы.

В подземных камерах были найдены скелеты в вытянутом или согнутом положении – с большим количеством украшений от костюма и глиняных сосудов.

Могильники такого типа в Средней Азии были обнаружены впервые.

По характеру погребального ритуала и некоторым предметам они имеют довольно много сходств с могильниками того же времени, типа Салтово, расположенными на востоке Украины и на Кавказе.

Значительный материал дали археологические разведки, произведенные на территории правобережья р. Чирчика. Работы эти производились экспедицией Узкомстариса под руководством Г.В. Григорьева в 1934 г.

В указанном районе исследователем были открыты и изучены остатки нескольких древних земледельческих поселений, имеющих вид холмов – «тепе», столь широко распространенных в Средней Азии. Все исследованные тепе расположены на мысах второй надпойменной террасы правого берега р. Чирчика. Сами холмы состоят из многометровых толщ культурных наслоений – развалин глинобитных построек, прослоек золы и культурных отбросов в виде костей домашних животных, обломков глиняных сосудов и других бытовых предметов. В древнейших слоях, в основании тепе, были обнаружены многочисленные небольшие углубления, представляющие собой, возможно, остатки древнейших жилищ, не известных до настоящего времени в этом районе³. В более поздних наслоениях тепе обнаружены остатки построек, построенных из необожженного кирпича. Собранные во время обследования культурные остатки состоят из многочисленных костей домашних животных – свиньи, барана, лошади и верблюда, культурных растений (установленных по сохранившимся отпечаткам зерен на глине) – ячменя и пшеницы (или риса), а также большого количества бытовых предметов.

Бытовой инвентарь состоит из каменных зернотерок примитивного типа, производственных орудий в виде костяного скобеля для обработки кожи и многочисленных обломков глиняной посуды.

Посуда неполированная, грубой работы, изготовлена от руки без гончарного круга, в большинстве окрашена красной краской. Среди сосудов один очень интересный с ручкой в виде барана. Сосуды аналогичной формы встречались и в других пунктах Средней Азии, в могильниках и поселениях, относящихся к первым векам до и после начала на-

шего летоисчисления. Время существования описанных поселений, по-видимому, относится к середине и концу первого тысячелетия до начала нашего летоисчисления.

В северной части Средней Азии, на территории Киргизской союзной республики, в течение 1928–1929 гг. экспедициями Узкомстариса и Киргизского научно-исследовательского института под руководством М. Воеводского с участием М.П. Грязнова, А. Тереножкина и других было проведено археологическое изучение долины р. Чу и северной части оз. Иссык-Куль, давшее очень ценный материал начиная от эпохи бронзы и вплоть до эпохи позднего феодализма XV–XVI вв. Всего этими экспедициями было открыто и частично исследовано около 70 археологических памятников.

Наиболее ценные результаты дали раскопки курганных могильников у Бураны близ г. Токмока в долине р. Чу и близ г. Каракола на северном берегу оз. Иссык-Куль. Исследованные курганные группы представляют собой родовые могильники, состоящие обычно из нескольких насыпей больших размеров, расположенных в одну линию в направлении с севера на юг. Размеры курганов в некоторых группах достигают до 5–7 м при диаметре до 70–80 м.

Могильники второго типа, как показали разведки А.И. Тереножкина и М.В. Воеводского, очень многочисленны в степной части долины р. Чу и северного берега оз. Иссык-Куль. Раскопки нескольких больших курганов близ городов Токмак и Каракол дали следующую картину.

Под курганными насыпями имеются обширные могильные ямы, прикрытые иногда настилом из толстых бревен. Каждая могила окружена кольцом из больших камней, сложенных в виде вала, достигающего иногда 1 м высоты.

Поверх этого сооружения насыпан большой земляной холм. Количество могил под курганами бывает различно – от одной до трех. Самые могилы располагаются также в один ряд, в направлении с севера на юг. Все исследованные погребения оказались ограбленными в древнее время, возможно, вскоре после захоронения, но, несмотря на это, добытый материал оказался очень богатым.

Сохранившийся погребальный инвентарь состоит из значительного количества небольших, очень тонких золотых листочков, являвшихся, по-видимому, украшением одежды, золотых и бронзовых трубочек от ожерелий, фрагментов небольших деревянных чаш ки-

тайской работы, покрытых красным лаком, и большого количества глиняных сосудов.

В двух курганах близ Бураны были найдены богатые золотые украшения: перстни, на одном из которых было изображение оленя, на другом – дракона, две бляхи, одна – с великолепными рельефными изображениями головы Силена, другая – со стилизованным изображением кошачьего хищника. Судя по стилю изображений на бляхах, можно предполагать, что они бактрийской работы.

В некоторых курганах были, кроме того, найдены наконечники трехгранных железных стрел, и в одном кургане – обломок широкого двустороннего меча.

Наличие большого количества художественных золотых украшений, предметов далекого импорта в виде китайских лаковых сосудов и оружия в сочетании с очень крупными и сложными надмогильными сооружениями заставляет предполагать, что в описанных курганах погребались представители высших слоев населения. Существование указанных могильников на основании анализа предметов погребального инвентаря можно отнести к периоду 1-е столетие до начала нашего летоисчисления – конец 1-го столетия нашей эры.

Описанные могильники принадлежат, по всей вероятности, народу У-Сунь, занимавшему, согласно китайским источникам, в это время значительную часть территории современной Киргизской Республики.

Кроме описанных выше курганов, автором настоящего очерка был исследован у поселка Чильпек близ г. Каракола могильник того же времени и, несомненно, принадлежавший тому же народу, но значительно отличающийся от первых по ряду признаков.

Могильник этот, занимающий площадь в несколько гектаров, состоит из большого количества очень невысоких, иногда почти незаметных насыпей, высотой всего 50–60 см.

Под каждой насыпью имеется всегда лишь одна могила.

Могильные ямы так же, как и у больших курганов, окружены каменными кольцами. Кольца эти очень невелики и сложены из небольших камней. Инвентарь могил очень беден и состоит обычно из нескольких глиняных сосудов более грубой работы, чем в первых курганах, простых деревянных блюд или чашек и небольшого количества предметов из бронзы, среди которых можно отметить зеркало с короткой ручкой, заканчивающееся головой грифона, и головную булавку с фигурной птицы. Золотых вещей, китайских лако-

вых изделий и оружия в этом могильнике не найдено. Судя по данным произведенных исследований, можно предположить, что могильник у поселка Чильпек принадлежит рядовому представителю того же народа У-Сунь, что и богатые, из курганов близ Каракола и Бураны. Таким образом, добытый материал позволяет изучить характер социальной организации общества того времени и является ценным дополнением к имеющимся письменным источникам.

При анализе характера погребального ритуала и найденных предметов в описанных выше могильниках можно отметить большое сходство с курганами гуннской эпохи, исследованными в Монголии и на Алтае экспедициями Козлова, Грязнова и Киселева.

Черепя, добытые из курганов долины Чу и северного берега оз. Иссык-Куль, были изучены Т.А. Трофимовой, которая считает их принадлежащими к памиро-ферганскому типу. Эти данные полностью опровергают гипотезы некоторых западноевропейских авторов о принадлежности У-Суней к северному (норддийскому) типу.

Кроме раскопок упомянутых курганов, теми же экспедициями в долине р. Чу были открыты памятники бронзовой эпохи, оказавшиеся сходными с известной андроновской культурой, распространенной в Западной Сибири и Казахстане.

По-видимому, ко времени У-Суней могут быть отнесены случайно найденные в 1923 г. в кургане, на площади села Покровского, серебряные сосуды. По описанию автора, они были найдены в насыпи кургана местными жителями. Находки состояли из серебряного кувшина, кубка и блюда.

Ручки кувшина и кубка украшены орнаментом в виде завитков. На ручке кубка было, кроме того, изображение античной головы.

Среди прочих работ можно упомянуть раскопки на месте развалин большого города у поселка Красная Речка на берегу р. Чу, являющегося, по-видимому, остатками древнего города Суяба, хорошо известного средневековым арабским путешественникам Макдиси, Истахри и др.

В шурфе, заложенном в пределах главной цитадели, под слоями X–XIV вв. был обнаружен слой, содержащий материалы V–VIII вв. с красной полированной посудой без глазури.

Кроме исследования описанных выше памятников, следует отметить находки оссуариев, сделанные в нескольких пунктах.

Около Аламединской гидроэлектростанции, расположенной в 12 км от столицы Киргизии г. Фрунзе, во время работ 1928 и 1930 гг. были собраны обломки оссуариев, сходные с оссуарием, найденным там же во время постройки электростанции около 15 лет тому назад.

Академик Бартольд, описывая в 1922 г. первую находку, придавал ей большое значение, считая, что она подтверждает имеющиеся указания в древних письменных источниках о наличии согдийских колоний в Семиречье. Находки новых оссуариев на Аламедине и краснополированной керамики в древнейших слоях городища у Красной Речки дает этому мнению новые подтверждения.

Отметим одновременно, что новые находки оссуариев были сделаны в разных пунктах Средней Азии. Среди них можно указать находки у пос. Покровка близ г. Фрунзе в Киргизии, близ г. Ташкента и в пределах Каракалпакской Республики в Хорезме.

Последние годы, благодаря обширным изысканиям, дали много новых эпиграфических памятников, среди которых важнейшими являются согдийские документы, найденные на горе Муг в Таджикистане, и древнетурецкие надписи, найденные в разных пунктах Киргизии.

Ввиду того что согдийские документы описаны в статье тов. Тереножкина, мы остановимся лишь на вторых.

Хотя открытие первых древнетурецких надписей в Киргизии было сделано в 1896 г., систематическое собирание, датировка и издание является заслугой лишь советских ученых.

В течение описываемого нами периода была произведена новая более точная датировка изданных ранее документов, а также изучен обширный собранный материал.

Произведенная работа является серьезным вкладом в изучение истории народов, населявших территории современной Киргизии.

Заканчивая краткий обзор, мы позволим себе заметить, что отмеченные нами выше археологические работы заложили лишь основание для изучения прошлого народов, насе-

ляющих Среднюю Азию, а разветвляющиеся в настоящее время еще более обширные и углубленные исследования принесут, несомненно, много новых открытий и позволят значительно полнее и лучше изучить древнейшие периоды, не освещенные часто никакими другими источниками, кроме данных археологии.

10.06.1937 г.

Примечания

1. Статья публикуется по архивной машинописной версии с правками и подписью М.В. Воеводского, хранящейся в Архиве Института археологии РАН, г. Москва (Р. 2. №1061. С. 1–17). Подготовлена к изданию В.А. Кольченко.

В оригинале статьи имеется 25 отсылок к примечаниям и библиографическим описаниям публикаций, помещавшимся, надо полагать, в конце статьи, и указания на 10 рисунков. Однако в архивном документе они отсутствуют и при подготовке к изданию опущены. Сохранилось лишь два небольших постраничных комментария, которые и приводятся ниже.

Работа является частью обширной обзорной статьи «Археологическое изучение республик Средней Азии за 1917–1937 гг.», второй раздел которой был написан А.И. Тереножкиным – об этом свидетельствуют как его фамилия на первом листе архивного документа, так и упоминание о ней в одной из ранних публикаций исследователя [Тереножкин 1938: 210, сноска 18]. Она была выполнена (или предполагалась к изданию), как свидетельствует тот же первый лист документа, в Московском отделении ГАИМК им. Н.Я. Марра. В архивном документе раздел М.В. Воеводского озаглавлен «Изучение древнейших (домусульманских) памятников». Мы сочли возможным дать ей иное название, объединяющее название задуманной статьи и публикуемого раздела. – *Ред.*

2. Ввиду того что результаты этих работ полностью не опубликованы, мы даем лишь краткую характеристику, основанную на предварительных сообщениях и докладах.

3. К сожалению, исследователь Г.В. Григорьев не сумел должным образом разобраться в сложных наслоениях изученных им тепе и многие вопросы в его описании остались очень неясными.

Литература

Тереножкин 1938 – Тереножкин А.И. К историко-археологическому изучению Казахстана и Киргизии // ВДИ. – 1938. – №1.

ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ ВИННИК

4 июля 2007 г. скончался Дмитрий Федорович Винник. Он был талантливым исследователем древностей Кыргызстана и хранил в своей памяти десятки, сотни характеристик памятников по всей республике с их точным местоположением. Не меньшего признания Дмитрий Федорович заслужил своим педагогическим трудом – под его руководством воспитывались многие историки и археологи нашей республики. А его научные статьи известны не только в советской и кыргызстанской науке, но и за рубежом.

Д.Ф. Винник родился 5 января 1927 г. в Алтайском крае. В 1940 г. его семья переехала в Киргизию – в село Ключевское Таласской области.

В годы Великой Отечественной войны в пятнадцатилетнем возрасте он поступил в Киевскую военно-морскую специальную школу, а в 1944–1945 гг. учился в Военно-морском подготовительном училище Тихоокеанского флота; в 1945 г. принимал участие в боевых действиях и был награжден медалью «За разгром милитаристической Японии». После войны, в 1946 г. Дмитрий Федорович поступил в Ленинградское высшее военно-морское училище им. С.М. Кирова.

Однако он не стал кадровым военным: в 1947 г. Д.Ф. Винник возвратился в Киргизстан и поступил на исторический факультет Государственного педагогического института им. Фрунзе, который в 1951 г. окончил с отличием.

По окончании вуза Д.Ф. Винник остался работать в его стенах лаборантом кафедры истории СССР (в те годы институт преобразован в Киргизский государственный университет – КГУ). В 1952 г. Дмитрий Федорович поступил в аспирантуру КГУ. Тогда не было специализации по археологии, и он занимался историей советского периода, а также историографией исторической науки республики. В 1956 г. Д.Ф. Винник окончил аспирантуру, не защитив, однако, диссертации.

С 1951 по 1956 гг. он работал в Киргосуниверситете сначала лаборантом, а затем – преподавателем, совмещая трудовую деятельность с учебной. С 1952 г. читал на историче-

ском факультете университета курсы лекций «Основы археологии» и «Археология Киргизстана», а также спецкурсы по древностям Киргизии. Кроме этого, Дмитрий Федорович руководил написанием курсовых и дипломных работ, а также был душой археологического кружка исторического факультета. В эти годы у него сформировалось правило, которого он придерживался всю жизнь, – оказывать всестороннюю помощь студентам, молодым исследователям и преподавателям, то есть тем, кто в этом нуждался, и постоянно заботиться о молодых киргизстанских археологах.

Преподавательская деятельность продолжалась и после смены основного места работы – в 1956 г. Д.Ф. Винник был приглашен в качестве археолога на должность младшего научного сотрудника сектора археологии Института истории АН Киргизской ССР.

Еще в студенческие годы, в 1949 г., Д.Ф. Винник принимал участие в Тянь-Шаньской археологической экспедиции, работавшей под руководством А.Н. Бернштама в Джумгалской долине Тянь-Шаня и в Прииссыккулье. Публикация информационного отчета о ее работе стала его первой научной статьей.

В 1950–1952 гг. Д.Ф. Винник под руководством А.К. Кибирова участвовал в экспедиции по изучению древностей Чаткала.

С 1956 по 1960 гг. (с перерывами) он принимал участие в работе Таласского археологического отряда – проводил раскопки могильников кочевого населения долины р. Таласа и занимался выявлением памятников древнетюркской письменности.

В 1958 г. Д.Ф. Винник работал в Тянь-Шаньском археологическом отряде под руководством П.Н. Кожемяко на средневековом поселении.

Таким образом, концом 50-х годов можно ограничить период «ученичества» исследователя, когда он, принимая участие в полевых исследованиях в качестве рядового сотрудника археологических отрядов А.Н. Бернштама, А.К. Кибирова и П.Н. Кожемяко, имел возможность воспринимать и творчески перера-

батывать научные подходы столь разных археологов.

В 1959–1961 гг. Дмитрий Федорович проводил первые самостоятельные работы, начав систематическое изучение Иссык-Куля. По его инициативе впервые были проведены археологические подводные исследования прибрежной зоны озера, выявившие перспективные места для дальнейших исследований.

С началом строительства Андижанского водохранилища Киркидонский археологический отряд под руководством Д.Ф. Винника приступил к раскопкам разновременных могильников, находившихся на этой территории.

В 1964–1968 гг., продолжая изучение Южного Кыргызстана, он работал в долине рек Куршаб и Карадарья, исследовал Куршабское и Анакызылское городище, а также постройки замкового типа.

В 1968–1972 гг. Д.Ф. Винник руководил Узгенским археологическим отрядом, который выполнял подготовительные изыскания для проведения реставрационных работ на Узгенском средневековом архитектурном комплексе. В рамках этих исследований на шахристане городища Узген им были открыты мечеть, медресе, постройки дворцового типа и фундамент еще одного минарета.

Одновременно он проводил археологические исследования на Буранинском городище с целью подготовки к проведению реставрационных работ. Здесь он выявил сохранившиеся нижние части четырех мавзолеев и остатки средневековой бани. Несколько позднее по его инициативе Буранинское городище было превращено в Музей под открытым небом; в качестве дополнительных экспонатов на его территорию было перемещено около ста каменных изваяний, десятки камней с наскальными рисунками и археолого-этнографических орудий труда для обработки продуктов сельского хозяйства. Интерес к древностям Буранинского городища Д.Ф. Винник сохранил до конца своих дней.

В 1971 и 1973 гг. Дмитрий Федорович исследовал петроглифы урочища Саймалы-Таш. В это же время, оказывая помощь в сборе материалов для диссертации Г.А. Помаскиной (/Агафоновой), он занимался изучением в Кетмкнь-Тюбе, на Иссык-Куле, в Таласе и Тянь-Шане многих других скоплений наскальных рисунков. При этом для датировки петроглифов вскрывали близлежащие могильники.

Основное внимание Д.Ф. Винник уделял древности Иссык-Кульской котловины. Были

выявлены и описаны более 100 поселений и десятки разновременных могильников. Проведены раскопки на Каджи-Сайском, Тосорском, Сан-Ташском, Сары-Булуномском караван-сараях. Им собран богатейший материал о каменных изваяниях и петроглифах Иссык-Кульской котловины.

К сожалению, результаты его многочисленных полевых исследований не получили всестороннего и адекватного отражения в публикациях. Среди более чем полусотни статей (не считая многочисленных статей в различных энциклопедиях) большинство носит характер информационных сообщений, тезисов и очерков в научно-популярных изданиях. Но ряд публикаций, безусловно, является важным вкладом в научное познание глубокого прошлого нашей республики, сохраняя порой актуальность и востребованность на протяжении 40 лет.

В трудные годы развала СССР, в обстановке массовых сокращений бюджетных организаций в 1992 г. Д.Ф. Винник, как достигший пенсионного возраста, вынужден был уйти из Института истории. Впрочем, это совсем не означало окончания его карьеры.

На рубеже веков Дмитрий Федорович активно сотрудничал с Туркестанским Казахско-Турецким университетом им. А. Ясави, читая в нем лекции и участвуя в полевых исследованиях.

Продолжал он работать и в Кыргызстане. В 1996 г. в связи с началом строительных работ Кумторского золоторудного комбината он обследовал территорию Внутреннего Тянь-Шаня. В результате были открыты наскальные рисунки в местности Жоо-Журек и курганы кочевников в бассейнах рек Ара-Бел-Суу и Тарагай.

В 1996 г. Д.Ф. Винник в качестве научного консультанта принимал участие в совместной кыргызско-турецкой археологической экспедиции, работавшей в восточной части высокогорной Сон-Кульской долины, оказав содействие при составлении археологической карты долины.

В 2006 г. он вместе с К. Табалдиевым и А. Ыылмаз выезжал на маршруты для инвентаризации и документирования каменных изваяний в Чуйской долине и в Прииссыккулье. В 2006–2007 гг. Дмитрий Федорович являлся одним из консультантов проекта ЮНЕСКО «Поиск, инвентаризация и сохранение надписей на камне». Иными словами, до конца своей жизни он продолжал профессиональную археологическую деятельность.

Разносторонность интересов, живой ум, богатейшие знания в различных областях древней истории, археологии и искусства характеризуют Д.Ф. Винника как грамотного специалиста. Энциклопедичность знаний об археологических памятниках Кыргызстана вызывает к нему глубокое уважение. А человечность, простота в об-

щении с людьми, известный артистизм натуры, склонной порой к эффектам во внешнем облике и поступках, завораживали и привлекали к нему людей. В целом это был человек своей эпохи – со всеми ее достижениями и противоречиями. Таким Дмитрий Федорович Винник и останется в памяти современников.

М.И. Москалев, К.Ш. Табалдиев, В.А. Кольченко

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ Д.Ф. ВИННИКА

1951

Археологическая экспедиция 1949 года // ТКГПУ. Сер. истор. наук. – Вып. 2. – 1951.

1956

Джайляунные Советы в Киргизии // ТД V научн. конф. проф.-препод. состава Киргосуниверситета за 1955 год. – Фрунзе, 1956.

1958

Борьба коммунистической партии за укрепление Советов в Киргизии в 1924–1929 годах // Научная юбилейная сессия, посвященная 40-летию Великой Октябрьской революции. – Фрунзе, 1958.

1961

Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане в 1918–1960 годах. – Фрунзе, 1961. – (соавт.: Орозалиев К.К., Шерстобитов В.П.).

Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 году // ИАН КиргССР. Сер. обществ. наук. – 1961. – Т. 3. – Вып. 3 (история).

1962

Археологические исследования на территории Киргизии // ВАН СССР. – 1962. – № 7. – (соавт.: Кожемяко П.Н.).

Памятники древнетюркской письменности из урочища Айртамой // Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.). – Фрунзе, 1962.

1963

Историко-культурные связи Киргизстана с некоторыми странами в свете последних археологических данных // Тр. XXV Международн. конгресса востоковедов. – Т. 3. – М., 1963. – (соавт.: Джамгерчинов Б., Кожемяко П.Н., Кожомбердиев И.). – (на английском языке).

Историография // История Киргизской ССР. – Т. 1. – Фрунзе, 1963. – (соавт.: Бурковский А.Ф.).

К историко-топографическому изучению урочища Кой-Сары // ИАН КиргССР. Сер. обществ. наук. – 1963. – Т. 5. – Вып. 1 (история).

Новые эпиграфические памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963.

Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963.

1965

Развитие исторической науки в Советской Киргизии // ВИ. – 1965. – № 2. – (соавт.: Шерстобитов В.П.).

Новые исследования археологов Киргизии // ВАН СССР. – 1965. – № 2. – (соавт.: Кожемяко П.Н.).

1967

Археологическое изучение Киргизии за 50 лет // Наука Киргизстана – юбилею Великого Октября. – Фрунзе, 1967. – (соавт.: Кожемяко П.Н., Кожомбердиев И.).

К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины // Древняя и средневековая культура Киргизстана. – Фрунзе, 1967.

Шестьдесят лет советской археологии в Киргизии // СА. – 1967. – №4.

1968

- Историография // История Киргизской ССР. – Т. 1. – Фрунзе, 1968. – (соавт.: Бурковский А.Ф.).
 Караван-сарай в долине Сан-Таш // ТФПИ. – Вып. 26 (литература и строительство). – 1968.
 О раскопках в районе Андижанского водохранилища // АО 1967 года. – М., 1968. – (соавт.: Брыкина Г.А.).
 Оседло-земледельческие поселения Киргизстана V в до н.э. – V в н.э. // История Киргизской ССР. – Т. 1. – Фрунзе, 1968.
 Советская историография Киргизии. – М., 1968. – (соавт.: Шерстобитов В.П., Орозалиев К.К.).

1969

- Рецензия на книгу «Древности Чардары» (Алма-Ата, 1968) // ИАН КазССР. Сер. обществ. наук. – Вып. 5. – 1969.

1970

- Древние города и поселения Прииссыккуля // ПК. – Вып. 1. – 1970.
 Киргизская советская историография. – Фрунзе, 1970. – (соавт.: Орозалиев К.К., Шерстобитов В.П.). – (на англ. яз.).
 Памятники древних кочевников Иссык-Кульской котловины // ПК. – Вып. 1. – 1970.
 Работы в Узгенском оазисе // АО 1969 года. – М., 1970.

1971

- Работа Узгенского отряда // АО 1970 года. – М., 1971.

1973

- Исследования Иссык-Кульской экспедиции // АО 1972 года. – М., 1973.
 Работы Буранинского отряда // АО 1972 года. – М., 1973.

1974

- Башня Бурана // ПК. – Вып. 2. – 1974.
 Памятники архитектуры Иссык-Кульской котловины XIII – XV вв. // ПК. – Вып. 2. – 1974.
 Работы Ничкенского отряда Кетмень-Тюбинской экспедиции // АО 1973 года. – М., 1974.

1975

- Археологическая карта Тонской долины // Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе, 1975.
 Археологические памятники Иссык-Кульской котловины // ИКГО. – 1975. – Вып. 12.
 К вопросу о датировке наскальных изображений Прииссыккуля // Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе, 1975. – (соавт.: Помаскина Г.В.).
 К истории заселения и освоения территории Киргизии в древности // ИКГО. – 1975. – Вып. 12.
 Исторические и археологические свидетельства колебания уровня озера Иссык-Куль // Проблемы географии Киргизии. – Фрунзе, 1975. – (соавт.: Умурзаков С.У.).
 Программа по истории Киргизской ССР. – Фрунзе, 1975. – (соавт.: Чокушев Б., Бактыгулов Д., Зима Б.М.).
 Четвертый сезон работы на Буранинском городище // АО 1974 года. – М., 1975.

1977

- Историческая топография оседлых поселений Западного Тянь-Шаня // Кетмень-Тюбе (археология и история). – Фрунзе, 1977. – (соавт.: Заурова Е.З.).
 Катакомбные могильники в местности Ничке // Кетмень-Тюбе (археология и история). – Фрунзе, 1977. – (соавт.: Кубатбеков М.).
 Новый сакский жертвенный комплекс Иссык-Куля // АО 1976 года. – М., 1977. – (соавт.: Лисниченко Н.С., Санаров А.В.).
 Работы Иссык-Кульского отряда // АО 1976 года. – М., 1977.
 Торткули в местности Ничке // Кетмень-Тюбе (археология и история). – Фрунзе, 1977.

1978

- Работы на Иссык-Куле // АО 1977 года. – М., 1978. – (соавт.: Лисниченко Н.С., Санаров А.В.).

1979

- Исследования на Иссык-Куле и в Чуйской долине // АО 1978 года. – М., 1979. – (соавт.: Лисниченко Н.С., Москалев М.И.).

1980

Памятники археологии Киргизстана // ПК. – Вып. 4. – 1980.

1981

Второй каракольский клад Киргизии // КСИА. – Вып. 167. – 1981.

<80 статей по археологии и истории> // Кыргыз Совет энциклопедиясы. – Т. 1–6. – Фрунзе, 1976–1981.

1982

Клад из Чельпека // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. – Фрунзе, 1982.

Первобытно-общинный строй // Киргизская ССР: Энциклопедия. – Фрунзе, 1982. – (соавт.: Кожембердиев И.).

Работы на Иссык-Куле и в долине р.Чу // АО 1981 года. – М., 1982.

1983

Два клада караханидских дирхемов с городища Шиш-Тюбе // Киргизия при караханидах. – Фрунзе, 1983. – (соавт.: Федоров Н.М.)

Изучение древностей Киргизии // ПК. – Вып. 7. – 1983.

Памятники культуры и искусства Киргизии. – Л., 1983. – (соавт.: Абетекоев А., Брыкина Г., Кожембердиев И.).

1984

<10 статей по археологии г. Фрунзе и его окрестностей> // Фрунзе: Энциклопедия. – Фрунзе, 1984.

1985

Города и поселения Тянь-Шаня и Семиречья // Из истории дореволюционного Киргизстана. – Фрунзе, 1985.

Поселения восточной части Чуйской долины // Из истории дореволюционного Киргизстана. – Фрунзе, 1985.

1986

<6 статей об археологических памятниках Чаткала> // Ошская область: Энциклопедия. – Фрунзе, 1986.

1988

Начало изучения древностей Киргизстана // ПК. – Вып. 9. – 1988.

1989

Некоторые итоги изучения средневековых поселений Киргизии // ТД конференции, посвященной Б. Джамгерчинову, А. Хасанову, А. Зима. – Фрунзе, 1989.

1990

<14 статей по археологии> // Кыргыз жергеси: Энциклопедиясы. – Фрунзе, 1990.

1991

<105 статей по археологии Иссык-Кульской котловины> // Иссык-Куль. Нарын: Энциклопедия. – Фрунзе, 1991.

1995

История изучения каменных изваяний Кыргызстана // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. – Бишкек, 1995.

1996

Карасадакский могильник // Древний и средневековый Кыргызстан. – Бишкек, 1996.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Академический вестник. – Бишкек.
АКД – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.
АН КиргССР – Академия наук Киргизской ССР. – Фрунзе.
АН СССР – Академия наук СССР. – М.
АН ТаджССР – Академия наук Таджикской ССР. – Душанбе.
АО – Археологические открытия. – М.
АУЦА – Американский университет Центральной Азии. – Бишкек.
ВДИ – Вестник древней истории. – М.
ВКНУ – Вестник Кыргызского государственного университета им. Жусупа Баласагына. – Бишкек.
ВИИСИД – Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. – М.
ЗРГО – Записки Русского географического общества. – СПб.
ИАН – Известия Академии наук.
ИИ – Институт истории.
ИКГО – Известия киргизского географического общества. – Фрунзе.
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент.
КНУ им. Ж. Баласагына – Кыргызский государственный университет им. Жусупа Баласагына. – Бишкек.
КСИА – Краткие сообщения института археологии. – М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – Л.; М.
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии. – М.
КТУ «Манас» – Кыргызско-турецкий университет «Манас». – Бишкек.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МИАК – Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек.
МИКК – Материалы по истории киргизов и Киргизстана. – Фрунзе.
МИТТ – Материалы по истории туркмен и Туркменистана. – М.; Л.
МО ГАИМК – Московское отделение Государственной академии истории материальной культуры. – М.
НАА – Народы Азии и Африки. – М.
НЦА – Нумизматика Центральной Азии. – Ташкент.
НЭ – Нумизматика и эпиграфика. – М.
ПК – Памятники Киргизстана. – Фрунзе.
ПТКЛА – Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. – Ташкент.
РА – Российская археология. – М.
СА – Советская археология. – М.
СЭ – Советская этнография. – М.
СНВ – Страны и народы Востока. – М.
ТВ – Туркестанские ведомости. – Ташкент.
ТД – Тезисы докладов
ТДС – Тезисы докладов и сообщений
ТИИ – Труды института истории. – Фрунзе.
ТИИАЭ АН КазССР – Труды института истории, археологии и этнографии. Академия наук Казахской ССР. – Алма-Ата.
ТКАЭЭ – Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – М.
ТКГПИ – Труды Киргизского государственного педагогического института им. М.В. Фрунзе. – Фрунзе.
ЭВ – Эпиграфика Востока. – Л.
- YN – Yarmouk Numismatics. – Irbid, Jordan.
ONS – Oriental Numismatic Society
SRAA – Silk Road art and archaeology. – Kamakura.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ КЫРГЫЗСТАНА	MATERIALS ON ARCHEOLOGY OF KYRGYZSTAN
<i>Абдыканова А.К., Табалдиев К.Ш., Мураталиев Э.А., Акматов К.Т.</i> Поиски памятников каменного века на территории Ат-Башинского района в 2007 году	3 <i>A.K. Abdykanova, K.Sh. Tabaldiev, E.A. Murataliev, K.T. Akmatov</i> Searching for sites of Stone Age period on At-Bashi region in 2007
<i>Акматов К.Т.</i> Петроглифы Орнока	11 <i>K.T. Akmatov</i> Pethroglyphs of Ornok
<i>Москалев М.И.</i> Материалы к археологической карте Кочкорского района	19 <i>M.I. Moskalev</i> The date on the Archeological map of Kochkor district
<i>Москалев М.И., Солтобаев О.А.</i> Каменные изваяния Кошой-Коргонского музея	31 <i>M.I. Moskalev, O.A. Soltobaev</i> Stone sculpture of Koshoiy-Korgon's museum
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ КЫРГЫЗСТАНА	RESEARCHES ON ARCHEOLOGY OF KYRGYZSTAN
<i>Иванов С.С.</i> Железные всаднические мечи Центральной Азии	34 <i>S.S. Ivanov</i> The iron cavalry swords of ancient Central Asia
<i>Кольченко В.А.</i> О местонахождениях краснореченских оссуариев	41 <i>V.A. Kol'chenko</i> Of locality krasnorechensk's ossuaries
<i>Беляев В.А., Сидорович С.В.</i> Об одной находке верительной бирки династии Тан с городища Ак-Бешим	49 <i>V.A. Belyaev, S.V. Sidorovich</i> On one finding of the Tang dynasty tally of credence from the Aq-Beshim site
НУМИЗМАТИКА	NUMISMATICS
<i>Кошевар В.Г.</i> К вопросу о составе монетного сплава раннесредневековых монет Семиречья	55 <i>V.G. Koshevar</i> To the question of metallic composition of coins produced in early medieval Semirechye
<i>Кочнев Б.Д.</i> Новое о монетном чекане Куз Орду и Барсхана	68 <i>B.D. Kochnev</i> New data on the coinage of Quz Ordu and Barskhan
<i>Настич В.Н., Кошевар В.Г.</i> Addenda et corrigenda к статье Б.Д. Кочнева «Новое о монетном чекане Куз Орду и Барсхана»	83 <i>V.N. Nasticht, V.G. Koshevar</i> Addenda et corrigenda for article B.D. Kochnev's «New data on the coinage of Quz Ordu and Barskhan»
<i>Кошевар В.Г.</i> Новые типы караханидских монет Куз Орду и Барсхана	85 <i>V.G. Koshevar</i> New types of qarakhanid coins struck at Quz Ordu and Barskhan

**ИСТОРИОГРАФИЯ,
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ**

Воеводский М.В.

Изучение древнейших (домусульманских)
археологических памятников
Средней Азии за 1917–1937 гг.

90

**HISTORIOGRAPHY
AND ARCHIVE FILES**

M. V. Voevodskiy

The study of ancient (pre-Muslim)
archaeological site of Central Asian
in 1917–1937

ХРОНИКА

Дмитрий Фёдорович Винник
(*М.И. Москалёв, К.Ш. Табалдиев, В.А. Кольченко*)

Список публикаций Д.Ф. Винника
(*сост. В.А. Кольченко*)

97

CHRONICLE

Dmitriy Phedorovit Vinnik
(*M.I. Moskalev, K.Sh. Tabaldiev, V.A. Kol'chenko*)

99

The list of publications of D.Ph. Vinnik
(*comp. V.A. Kol'chenko*)

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

102

THE LIST OF THE ACCEPTED REDUCTIONS

Получить дополнительную информацию об издании, прислать статью для публикации можно по адресу archak@mail.ru; в поле «Тема» обязательно указать – «МИАК».

**МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ КЫРГЫЗСТАНА**
Выпуск 3

Редактор издательства И.В. Верченко
Технический редактор О.А. Матвеева
Компьютерная верстка М.Р. Фазлыевой

Подписано к печати 08.02.2008

Формат 60 × 84^{1/8}

Гарнитура Sylfaen

Объем 13,25 п.л.

Тираж 150 экз.

Издательство «Илим»
720071, Кыргызская Республика, г. Бишкек, пр. Чуй, 265-А